

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№23

ТАМБОВ • 2022

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4
Т17

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 23

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

85-летнему юбилею Тамбовской области посвящается

Главный редактор

Мещеряков Ю.А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России,
председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционный совет

- Алёшин О.В. (Тамбов), *член Союза писателей России,
главный редактор «Рассказ-газеты».*
- Аршанский В.С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный
работник культуры РФ, почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С.А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России,
главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю.В. (Москва), *член Союза писателей России,
главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В.Т. (Тамбов), *член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ
имени Г.Р. Державина, почётный гражданин города Тамбова.*
- Желтова Н.Ю. (Тамбов), *литературовед, доктор филологических наук, профессор.*
- Знобищева М.И. (Тамбов), *член Союза писателей России,
литературовед, кандидат филологических наук.*
- Иванов Г.В. (Москва), *первый секретарь правления Союза писателей России,
председатель исполкома Международной литературной премии
имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С.К. (Тамбов), *член Союза писателей России,
почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России,
руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е.Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В.Д. (Воронеж), *член Союза писателей России,
заместитель главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А.Н. (Тамбов), *член Союза писателей России, кандидат исторических наук.*
- Пешкова С.Н. (Липецк), *член Союза писателей России,
руководитель Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л.А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор,
директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени
А.С. Пушкина.*

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Дыши

Дыши,
дыши строюю,
придуманной не мною,
построенной не мною,
спасённою не мной,
дыши
её землёю,
ковыльною, степною,
дыши её пространством
и неба глубиной,
дыши
угарным чадом,
весельем и досадой,
дыши великим горем
и жаркою страдой,
дыши
слезою вдовьей,
всей пролитою кровью,
дыши своей любовью,
дыши чужой враждой,
дыши
огнём батальным,
тоскою госпитальной,
пусть будет грудь полна,
дыши
страны молчаньем,
не прерывай дыханья –
и не прервёт страна.

Юрий БЕРИДЗЕ,
член Союза писателей России

Литературная стремнина

Очерк к 85-летию Тамбовской области

Страна бесплотно не витала –
Стога метала, сталь катала,
Чёрт-те куда она взлетала,
А заодно штаны латала,
Чай на ходу, спеша, глотала,
Ещё ей столько не хватало!

.....

Ну, а от нас, её полпредов –
Её прозаиков, поэтов –
Она ждала, как хлеба, слов
Крутого честного замеса,
Без недостойного обвеса
И без отщипанных углов...

Так говорил в своей поэме «Опять на станции Зима» о призвании литератора и предназначении его произведений один из ярчайшей квадриги поэтов советского периода Евгений Евтушенко. И почти эти же слова им были сказаны тамбовскому пишущему братству на памятной встрече в Тамбове 23 декабря 2015 года при выступлении в музейном доме Асеева.

Сколько же воды утекло с тех пор и какие только стремительные водовороты не кружили наше гражданское общество и литературную жизнь тамбовского края даже за этот не столь уж продолжительный срок... А что тогда говорить о таком масштабном погружении в историю, как эпоха Гавриила Державина, Евгения Боратынского, Александра Левитова, Алексея Жемчужникова. Кстати, интересный момент. Называя все эти славные имена, поневоле задумываешься над тем, что всё-таки провинция – это вовсе не географическое понятие, расстояние в вёрстах или километрах от Москвы «...до самых до окраин». Это мировоззрение. Можно жить в столице и знать лишь ресторан ЦДЛ да шлифовку подмётками асфальта на Тверской, а можно жить в «глубинке» и стать Замятинным или Платоновым, Вампиловым или Распутиным, Беловым или Астафьевым, Сергеевым-Ценским или Рубцовым... Вот вам и провинция. Недаром не изменяли своей малой Родине великие: туляк Лев Толстой, дончанин Михаил Шолохов, уральский сказитель Бажов, воронежцы Алексей Кольцов, Иван Никитин. А как преданно и нежно любила тамбовский край наша гордость, планетарно известная плеяда – гениальный композитор и музыкант Сергей Рахманинов, заглянувший на столетие вперёд минералог, разведчик ноосферы Владимир Вернадский, основоположник научного садоводства Иван Мичурин. Им, их последователям всегда важно было ощущать тепло родной земли, радости и боли людские, всё, чем живёт простой народ. Потому и творениям, бесценным трудам их суждено пережить века!

У тамбовских писателей, при всей приверженности к различным жанрам, разности творческого почерка, стиля изложения, есть и передаётся от одного поколения пишущих другому одно замечательное качество: неравнодушие! Чуждый вредоносным проповедям о своей рубашке, что ближе к телу, воспеванию не красоты человеческих отношений, а той механике, которую громогласно стараются утвердить европейские и американские адепты гендеров, однополых браков и трансвеститов, наш писательский цех не поддаётся на крючок моды и пиара, отчётливо понимая, что всё это преходяще. А вечны позиции любви и действительных чувств народа, выстраданные фронтовиками Иваном Кучиным, Алексеем Шилиным, Борисом Пановым, жизненными потрясениями Майи Румянцевой, Семёна Милосердова, Валентины Дорожкиной.

В сложном и тревожном 2022 году (хотя, сколько их было по-своему сложных и тревожных лет) наша орденосная Тамбовская область отметит 85-летие со времени своего образования. Мы преданно, по сыновьи, любим чернозёмный, самобытный, трудолюбивый, песенный наш край с его уникальными, неповторимыми городами, сочетающими архитектурную новизну с бережным отношением к пленительной старине: Тамбов и Мичуринск, Моршанск и Рассказово, Кирсанов, Котовск и Жердевку! В ближайшем сентябре вместе с маленькими сельскими территориями, носящими трогательные названия, будь то Троицкая Вихляйка или Космачёвка в Сосновском районе, Храпуновка в Мучкапском или Чернавка в Инжавинском районе, жители областного центра и всех уголков Тамбовщины с восторгом присоединятся к всеобщему ликованию – празднованию больших именин области. Наверняка, к этому событию, как, собственно, это уже и происходит сейчас, повсеместно присоединятся литературные встречи с поэтами, прозаиками, краеведами, публицистами. Пройдут и оставят добрую память о себе вечера – презентации книжно-журнальных новинок – а тамбовские писатели простоя не знают, редкий месяц не радуют читающую публику своими новыми публикациями в солидных столичных издательствах или в местных изданиях...

Вот и герои произведений, вошедших в новый альманах, это наши современники, в лица которых пристально вглядываются тамбовские писатели. Наряду с ними видны и фигуры, персонажи давно минувших дней, забывать которые грешно, непозволительно, помня строгий наказ Александра Сергеевича Пушкина об уважении к прошлому и пращурам.

Скажем в заключение: тамбовская литература «...бесплотно не витает...». Она целеустремлённо, настойчиво, последовательно идёт в одном трудовом строю с хлеборобами, машиностроителями, учёными, интеллигенцией, людьми разного возраста, пола и религий, выполняя важную и почётную миссию: быть достойным представителем своего народа, своей страны, всегда помнящим о героическом прошлом России и достойно представляющим её такое же героическое настоящее.

Валерий АРШАНСКИЙ,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ,
Почётный гражданин Тамбовской области

Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Мой тейп старше

Рассказ

Шёл третий месяц миллениума, нового отсчёта времени, нового тысячелетия. Кто-то вытащил из словарей это необычное, магическое слово, наверное, в надежде изменить и спасти мир, открыть его заново, дать ему шанс. Добравшись до предгорий Кавказа, где годами шла война, это слово наполняло мысли людей лубочными картинками северной природы, ушастыми зайцами, глазастыми белками, волокнами белых облаков, плывущих по гляncу новогодних открыток. Оно смягчало боль, страх, нервную дрожь, словно бинтами пеленая упругое тело и бунтующий дух, не давая пальцам сжиматься в кулаки. Оно успокаивало. Что-то же должно быть здесь, за гранью миллениума! Ну, что-то кроме войны. Это волнующее слово обещало милость небес, обещало исполнить мечты. И даже тем, кто убивает ни в чём не повинных, незащитных сограждан, кто не ведает, что творит... К чёрту! Мечты бьют в голову хуже палёной водки, от них надо избавляться, они притупляют бдительность. Уже третий месяц, уже март, а ничего не происходит. Ну, разве что банды мятежных чеченцев и арабов-наёмников после долгих боёв покинули разрушенный до основания Грозный. Что до обычных людей, тех, кто не умеет за себя постоять, то и кровь, и грязь, и страдания – им всё те же, как во весь предыдущий, искорёженный войнами век.

Колонной санитарных машин мы идём из Старых Промыслов, эвакуируем мирное население из района недавних боевых действий, работаем по профилю – спасаем – мы же служба спасения, и я, майор Михайлов, в этой колонне старший. «Мирное население» – удобный журналистский штамп, чётко определяющий, кого на войне убивать нельзя. В отличие от репортёров война различий не делает. И вот этих брошенных, забытых людей, заеденных вшами, больных, голодных, мы каждый день находим в засыпанных подвалах, в землянках, среди кирпичных развалин, под обломками бетонных плит, доставляем в пункты сбора. Сегодня Грозный – это мёртвый, пустынный город, больше похожий на погост, во дворах среди осколков снарядов, стреляных гильз, хвостовиков мин,

торчащих из мартовской грязи, среди ржавых консервных банок, битого стекла и прочего мусора попадаются надгробные камни, покосившиеся кресты, наспех установленные на могилах жителей, убитых бандитами, погибших под обстрелами. Ещё попадаются мины на растяжках. Но жизнь, как ростки первой травы, пробивается к свету, прорастает между плит, среди руин. Люди, почувствовав, что они кому-то нужны, те, кто покрепче, приходят в пункты сбора сами, там дают воду, дают горячую еду, «гуманитарку», там же работают и военные медики. Добрался, уже хорошо, значит, не сдохнешь, как одичалая собака под забором. Самых тяжёлых мы увозим в Назрань, а там – если прикажут – и дальше.

Колесо потрёпанного «уазика-буханки» с прострелянным красным крестом на кабине провалилось в очередную дорожную яму, выбросило брызги холодной воды, смешанной с грязным снегом, натужно взревел мотор, вытаскивая нас на дорогу. Я схватился покрепче правой рукой за скобу, чтобы не удариться головой о ветровое стекло и не ударить прикладом автомата в уже помятую, без обшивки дверь. Когда же это всё закончится? Наверное, никогда. И к войне привыкают.

– Рамзан, потише можешь? не дрова везёшь.

– Так получилось, да? – Мой водитель, нестарый чеченец с узким тёмным лицом, сеткой морщин у глаз, с короткими сильными руками и с акцентом, от которого меня непроизвольно коробит, бросил на меня быстрый неодобрительный взгляд.

– У нас в салоне больные старики...

– Так получилось.

Теперь он не повернул головы, и, чуть притормозив, объехал другую, широкую, а судя по большой волне, и глубокую выбоину, машина накренилась, я снова схватился за скобу. Да знаю я, что так получилось! Вот и водители на моих машинах все – чеченцы, местные, одуревшие от войны или, лучше сказать, от их чеченского безвременья. Вырвали пласт времени из своей жизни – а что, кто-то виноват, кроме них? – и стоят среди разрухи, не понимая, как жить, что делать? Размагниченная стрелка ошалело вращается, ища свой полюс, свой природный смысл, и не находит его. Я не оправдываю их ни на йоту, свой компас надо содержать в порядке, в исправном состоянии. Думали, что смогут обойтись без нас, да что-то не срослось. Даже голодных накормить не могут. Теперь смотрят исподлобья, словно я им должен, лишнего слова не скажут. А о чём им со мной, с офицером, говорить, о погоде что ли? Да и погода – дерьмо, сырость, туманы спускаются с гор, одним словом – март.

Кто они? Мы их называем чеченцами, они себя – нохчами. Кто-то с самого начала воевал на стороне федералов – можете не верить, но были и такие, кто-то пытался отсидеться в своих аулах, переждать войну, не у всех вышло. А если кто и был на стороне мятежников, бандитов, кто держал оружие в первую чеченскую, уже не признается. Но вот пришли к нам, в МЧС, в нашу службу, искать работу, не побоялись, что свой же тейп, свой род осудит как изменников, тут же всё на крови замешано. Хуже, если это будет чужой тейп. Они сделали свой выбор и

остались с нами, с русскими. Сказать по-честному, выбор был невелик, их семьи белый хлеб месяцами не видели, а дети забыли, что такое детство. Я не знаю, как их принимали, чем они доказывали свою верность, может быть, на Коране клялись? А каким ещё огнём жечь чеченское сердце? И мы их взяли на службу. Но они – нохчи, горцы, можно ли на них положиться? Рамзан, водитель, читает мои мысли; знаю, что читает, потому и молчит. Он знает, что я ему не доверяю. Он молчалив, скрытен и даже мрачен, как эта поросшая густым мелким ельником, нависающая над дорогой замшелая, сырая скала, мимо которой мы сейчас проезжаем. Со скалы далеко видно в обе стороны, когда нет этого непроницаемого густого тумана, вызывающего тревогу и озноб. А как доверять, если смута идёт шестой год, если она разделила людей на своих и на чужих, никому не оставив шанса быть даже посторонним, просто наблюдателем. Разве ты пойдёшь против своего народа, когда с тебя спросят? То-то же, у каждого свой народ.

– Ты всё молчишь, Рамзан, много думаешь.

Я пытался хоть как-то завязать отношения, если уж нам предстояло колесить по кавказским дорогам, жить и выживать; моя командировка только началась, впереди было три месяца работы в разрушенной стране. И ещё я хотел узнать – так, для себя – чеченцы понимают, что с ними произошло? Что они сами отвечают за свою судьбу? Рамзану не понравились бы мои вопросы.

– Ехать ещё долго. Сказал бы что. Семья, дети?

– Нечего сказать.

– Ну, раз нечего....

Мы уже несколько часов в пути. Нас сопровождает промозглый ветер, забивающий моросью зеркала заднего вида, серое небо с седыми ниспадающими волокнами да хриплые переговоры по радио. В ночь будет снег. Прошли несколько блокпостов. Военные, когда видели, кого мы везём, интереса к нам не проявляли, не задерживали, и мы шли дальше. Ехать по равнине безопасно, местность просматривается, если не считать густых зарослей кустарника вдоль дороги. В горах по-другому, так и кажется, что за тобой наблюдают, что из каждой глубокой расщелины, из-за каждой груды камней по тебе ударит пулёмёт. Для бандитов мы лёгкая цель. Моя машина идёт первой. Если что, нас с Рамзаном срежут первой очередью. Вот об этом я и думаю каждый раз, когда мы медленно, без прикрытия проходим мимо лесистых склонов. О чём-то другом я подумаю после, когда-нибудь в другой раз. Говорят, на этой дороге, что ведёт в Назрань, стало спокойнее, говорят...

– А я всю страну объездил. Командировки. Жаль, вспомнить нечего, в смысле, хорошего вспомнить. Пять лет назад я с отрядом Центроспаса командировался на Сахалин, в Нефтегорск, там было страшное землетрясение. Думал, уже ничего страшнее не увижу: был город, и нет города – сложился как карточный домик, похоронив под панельными стенами тысячи людей. Помню, идём, осматриваем, ищем живых, собаки землю, завалы вынюхивают, а там только раздавленные тела, прикрытые ровным слоем цементной пыли. Рука так и тянется

сигарету достать, отравиться. И хоть бы кто вскрикнул, хоть бы кто застонал. Так то – землетрясение, а здесь...

Разговор не клеился. Снова петляем, снова притормаживаем, всё та же дорога, что много лет без ремонта, всё тот же треснувший, мозаичный, продавленный гусеницами асфальт, промоины, колеи в обе стороны. А бронетехнике всё одно, она – следствие, а не причина. К этому стоит добавить вязкую слякоть в межсезонье, как сейчас, бегущие с гор ручьи, они размывают худое дорожное полотно, превращают его в сплошную полосу препятствий с ямами, трещинами, от этого и скорость у нас чуть выше, чем у пешехода. По ходу движения колонны я ещё успеваю осматривать рыхлые, сырые обочины: вдруг мина, фугас, вдруг провода торчат или обрывки тросов? Если стоит фугас, то будет и засада, нам точно не выжить. При этой мысли во рту становится сухо, сглатываю сухую слюну. Потом проходит. Судьбу не угадаешь, сколько не напрягай извилины, сколько не пытайся уловить вкус желчи в гортани. А смерть, она – одна, хоть как. А умирать придётся. «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...» – всё вертится и вертится на языке. Я из Новочеркасска, и это моя песня, с ней и жить не страшно, и умирать – наверное, но этого я не знаю. Ещё не пробовал.

– Рамзан, езжай ровно! Обочину цепляешь.

– Так получилось. – На этот раз, чуть повернув голову, он коротко, оценивающе посмотрел в мою сторону, и нервно ухмыльнулся правой стороной лица, не произнеся больше ни слова.

Иногда попадались колонны навстречу, почти все – армейские. Военные рядом, значит, всё нормально. В моей же колонне один совсем молодой летёха и два сержанта-контрактника, мои подчинённые спасатели, – это актив; в пассиве же были три мои девчонки, доктор и медсёстры, и двадцать три православные души, чудом выжившие на войне под артралётами, без денег, без еды, без тепла. Среди них и одна беспомощная лежачая старуха, у которой из родных остались только мы – случайные попутчики на большой военной дороге. Её нашли вчера в подвале разрушенной пятиэтажки, только и успели накормить бульоном и поставить капельницу. Как выжила? Да кто знает, как она выжила? Искупают и осмотрят, попробуют найти родных, но это будет уже в Назрани, если мы её доведём. В актив или в пассив отнести своих водителей, я по неопытности не знал.

Когда долго едешь, разные мысли успевают посетить голову, сделать несколько полных кругов от начала до конца, успевают надоесть, как оскомина. Такого ещё в моей жизни не было...

Две недели назад, это ещё февраль был, наша группа из отряда «Лидер» загрузились в Раменском на Ил-76-й, на старого проверенного извозчика, и – вперёд, в Моздок. Тем, кто не знает, Моздок – это ворота Северного Кавказа. Вместе с нами прибыл госпиталь «Защита» медицины катастроф, а там почти все хирурги, терапевты, медсёстры – женщины, я называю их девчонками, так понятнее, что их надо оберегать. В общем, они гражданские, а их всё туда же – на войну. На усиление им была придана группа специалистов Центроспаса, тоже граждан-

ских, то есть без оружия. Не понимаю, что на войне делать без оружия! Функция охраны всей группы была на нас, на офицерах «Лидера». В Грозный шли с внушительным сопровождением, колонной из БМП, бронетранспортёров, грузовых машины с имуществом, с бронежилетами на стёклах. Девчонок упрятали под броню, я по старой памяти устроился в командирском люке бронетранспортёра. У меня укороченный Калашников, мы его зовём «Ксюхой», предохранитель снят, так, на всякий случай.

Заходили в Грозный со стороны Аргуна, мимо Ханкалы. Вдруг на самом въезде в город за ржавой металлической оградой, среди мусора и развалин рвануло, осколки, камни с грохотом ударили в ограду, несколько осколков с шуршанием пронеслись высоко над колонной, из клубов пыли стремглав вылетела худющая бродячая собака. Вот оно что – растяжка сработала... В Грозном прошли через площадь «Минутку», тоннель Романова, мост через Сунжу, мимо развалин президентского дворца, через площадь, где был когда-то памятник русскому, чеченцу и ингушу. В годы безвременья здесь был рынок невольников, торговали людьми, как в тёмном средневековье, все стены окрестных зданий были в щербинах, в следах от пуль, здесь же расстреливали, публично казнили по шариату, смерть была зрелищем. Здесь всё пропитано кровью. Проезжали молча, совершенно замерев от ужаса, было слышно, как под колёсами бронетранспортёра скрипит кирпичная крошка.

Разместили нас на бывшей базе «Грознефти» в Старопромысловском районе. В длинных бетонных коробках боксов для грузовых машин гулял ветер, внутри всё было усеяно кусками искорёженного металла, осколками кирпича, старыми окровавленными бинтами, обрывками бумаги, высокие окна были выбиты, ворота сорваны с петель, в потолке зияли огромные дыры, вероятно, от попаданий мин, из бетонного пола торчала сигара снаряда от «Града». Бетонный забор вокруг базы оказался относительно целым. Сразу выставили временный караул, разгрузились и начали приводить в порядок заброшенные боксы, править ворота, заделывать окна. Установили надувные модули, запустили дизельную станцию. Электричество есть – жизнь налаживается.

О том, что мы заняли эту позицию в районной комендатуре и на соседних блокпостах ещё не знали. Всю ночь где-то рядом гремела перестрелка, сверкали трассеры, шипели и распухали осветительные ракеты, ухали взрывы. Около пяти утра, когда я дежурил с напарником Андреем, в распахнутые ворота базы на всём ходу влетела БМП-двойка, стала крутить башней, выискивая цель. Ствол влево – там закрытые ворота, дальше темень и пустота, ствол двинулся вправо – здесь могут бликовать стёкла машин, а наша позиция, обнесённая мешками с песком, расположена рядом. Но вот ствол остановился, упёршись в нас. Нет ничего проще, дать очередь снарядами для полного контроля. До нас метров сто. Оознавательные сигналы мы знаем, зеленая ракета – свои, но как же дрожали руки. Наконец, снял предохранительный колпачок, ракета – в небо, и «беха», как злая ящерица с гусеницами вместо коротких когтистых лап, с длинным стволом вместо острого хищного языка, недовольно уползает задним ходом в неведомую

пугающую тьму. Вот теперь меня встряхнуло по-настоящему, колени ослабли, в руках тремор, Андрей, пригнувшись и спрятав спичку в ладони, прикуривает сигарету, я беру этот спасительный огонёк и не могу взять, а потом сажусь на заиндевелый мешок и не могу надыхаться этим сладким дымом. Да что бы им стоило нажать на спуск? Ровным счётом – ничего, война всё спишет: и своих, и чужих. А потом кто-то скажет, мол, так получилось. Я вздрогнул.

Запрашиваю другие машины: как там наши больные? Как «буханки», не развалились ещё? «Нормально» – шепеляво отвечает «моторолла», значит, без осложнений, и машины на ходу. Это федералам, то есть военным, подбрасывают новую технику, бронетранспортёры и КамАЗы, всё лучше тратить железо, чем солдатские жизни, а мы – почти гражданская служба, хотя и вооружены, тыловое обеспечение, мы зачищаем поле боя. Обходимся тем, что есть. Я всё также смотрю по сторонам, веду наблюдение за дорогой, за вершинами гор. Что я хочу там увидеть? Что я боюсь там увидеть? Знаю, что «чехов» в горах полно, а у нас только автоматы. Какая нелепость, их не остановят красные кресты на бортах машин.

Вдруг Рамзан резко тормозит и тоже смотрит вверх, на гребень ближнего хребта, вокруг которого дорога делает крутую петлю и близко подходит к расщелине. Колонна за нами встала. Я невольно хватаюсь за автомат. Слева с хребта неторопливо, с мирным журчанием стекает талая вода, образуя в расщелине, в теснине ручей, из-за него дорога на широком участке подтоплена, покрыта наносомами песка и мелкого бутового щебня.

– Что?

– Показалось.

– Что показалось?

– Наверху воронки от авиабомб, много воронок. Грунт сдвинулся. А теперь снег сходит. Подождём минуту, да?

– Ну, подождём.

Почти сразу же явственно зашуршала расщелина, нарастающий глухой звук, как будто идущий из чрева чёрных после зимы гор, перемежался звонким стуком катящихся камней. Потом всё стихло, лишь два небольших, округлых камня-валуна выкатились на щебенчатую обочину и замерли, найдя свою точку равновесия и опоры у самого обреза дороги.

– Вот и всё. – Ровным голосом произнёс Рамзан. – Теперь едем.

Я с благодарностью, почти с восхищением смотрел на своего водителя, оценивая его внутреннее чутьё. Камней могло быть больше, они могли ударить по машинам. Да мало ли что? Обстановка в кабине стала немного теплее.

– Скажи, майор, – вдруг прервал молчание Рамзан, – а Бог есть?

Я оторопел от услышанных слов, мне казалось, что все чеченцы упёртые мусульмане. Как бы сказать... Мне казалось, что им не хватает уверенности в собственной исторической нужности, и они искали её в исламе, который им принесли арабы, в истовом служении на выбранном ими пути. И вдруг этот обезоруживающий вопрос.

– Ты чего? Как же без Бога?

– Мы же все были атеистами, да? Недавно. Обходились как-то, – он смотрел прямо на дорогу, по его лицу ничего нельзя было прочесть.

– Мы были заблудшими овцами.

– Ага, заблудшими овцами. – Зверская улыбка ползла по его перекошенному судорогой лицу. – Как же и мой Магомет и твой Иса допустили это? То, что творится. Сколько людей погублено? Одних, как свиней, резали, других, как собак, отстреливали. Почему они не остановили эту мерзость. Почему в них нет жалости?

– Рамзан, а ты кто?

– Я? Хм, – он подумал, но совсем чуть-чуть, – я – учитель.

– Какой ты учитель, ты всю жизнь был водителем санитарки, баранку крутил.

– Вот-вот. Всю жизнь трупы возил. Это большая наука.

– Ну и...

– Нет бога, майор. – Он замолчал, а я не знал, что ответить на это утверждение, такое же твёрдое, как приговор. А помолчав, он уже увереннее продолжил, – а вера в Него есть. Вера в Аллаха есть!

Я понял, что избран слушателем, и молчал.

– Человек рождается светлым, добрым, он любим всем миром, да? Посмотри на детей. Человек купается в мечтах, как в облаках. Умирает – злым. Потому что мечты остаются мечтами. Что он понял за целую жизнь? Он понял своё ничтожество, ему страшно. И он начинает придумывать себе того, кто его простит, погладит по головке и простит, и снова разрешит купаться в облаках. Ты представляешь, майор, миллиарды людей мечтают об одном и том же! Это они своими молитвами и проклятьями, своей верой создают Бога. И у всех Он разный.

– Бог – это молитва?

– Да, ты меня понял.

– Рамзан, по законам шариата...

– Знаю я, что ждёт меня по законам шариата. Но я тоже верю в Аллаха, а он милостив. – И добавил тише, опустив голову: – Он уже показал мне свой гнев, наказал заблудшую овцу.

В наступившей тишине отчётливой стал слышен гул мотора, скрип ресор и чей-то стон, изредка доносившийся из салона «буханки». Мне хотелось спросить Рамзана, но я мог только всё испортить, я бы обязательно испортил, и молчал. На мгновение приоткрылась непознанная глубина чужой души.

– Федералы, ваши, бомбили Грозный, ракета попала в центральный рынок. Или несколько ракет. Большой был взрыв. Много людей погибло. Моя жена была на рынке с детьми, за овощами пошла. Я хотел остановить её, позже купим, и махнул рукой, не остановил... А Он, Он не спас мою семью, Он меня наказал... Да, мало ли за что.

– Ты сказал, федералы. Вот я – майор Михайлов, я – русский. Ты же сейчас и меня обвиняешь?

– Нет. Не бери на себя чужого, ты – спасатель. Своё носи. – Он сбавил

скорость, и мне показалось, долго на меня смотрел, и, может быть, впервые я почувствовал, что он на самом деле не водитель санитарки, а учитель. – Всё в руках Аллаха.

– И моя жизнь?

– И твоя, и моя тоже.

Мы надолго замолчали, погрузившись в свои мысли, взвешивая и сказанное, и услышанное. В салоне снова стонали, это старуха пришла в себя, наверное, перестало действовать обезболивающее. Чем дольше мы молчали, тем сильнее во мне росло непонимание этой войны, этой притворной покорности, которую показывал Рамзан. Он – чеченец, не может быть чеченец покорным. Виноватых ищет. А виноваты, понятное дело, русские – не монголы же, не Тамерлан, сами они никогда и ни в чём не виноваты. Что же выходит? Пришли солдаты империи, пришли легионы, чтобы покорить или уничтожить свободных туземцев, свободных детей гор с их чистыми незамутнёнными помыслами. Так что ли? Что же тогда они волка избрали своим символом?

– Вы гордый народ, – прервал, наконец, я молчание, – но гордость – это всегда что-то надменное, всегда за чей-то счёт, это как путь в никуда.

– Я всё знаю, меня учить поздно. Мой народ за это платит прямо сейчас. Платит. – Было видно, что Рамзан собрался с мыслями, он не привык уступать. Наверное, многие соображения мучили его давно, а высказывать их раньше не доводилось.

– К власти пришли сильные люди, они хотели суверенитета, как на Украине, как в Грузии. Подняли мятеж. Они не подумали, что для суверенитета нужно единство всех тейпов, всего народа. Деньги нужны, чтобы кормить народ. Но главное – сами люди не хотели. Люди помнят Шамиля, Ермолова, помнят, как всё было. Зачем наступать на грабли?

– Опять Ермолов! Его нет уже лет сто пятьдесят или больше, – я насмешливо хмыкнул. – Ну да, вы – жертва, а мы – каратели?

Рамзан побледнел, его тёмная задубевшая кожа на щеках высветлилась, напряглась. Он приподнял подбородок, медленно выдохнул, опустил веки.

– Мы получили, что было угодно Аллаху. Он не только меня – всех наказал! Ты знаешь, кто такие ваххабиты? Ты не знаешь, кто такие ваххабиты. Людям стало страшно. Страшно, что дальше будет хуже, что они ничего не смогут изменить. Кто-то хотел земли севернее Терека к Ставрополю присоединить. Чеченцы хотели. Суверенитет – это война, нажрались этой заразы по горло, эти ваххабиты молодых на войну забирали. Попробуй не отдай сына в банду, казнят или просто убьют. Многие против них были настроены, особенно, кто в Грозном жил, те всё потеряли. Даже полевые командиры были против.

– Аллаху было угодно... А зверства, а резня? А рабы? – Меня вдруг прорвало, я не был таким выдержанным, как Рамзан. И он меня не останавливал, не пытался перечить. – Тысячи рабов, униженных людей, которых содержали, как скотину, хуже скотины в зинданах, за решёткой. Это было в каждом ауле или не в каждом? Это не ваххабиты, не боевики, Рамзан, это народ. Людей за деньги по-

купали и продавали. Кто же это забудет? Память в сундук не спрячешь, и через поколение будут помнить, и как ещё отзовется...

– Ты прав. – Он был всё также бледен и кривил губы, не находя других слов. – Это от дикости. Но не все такие, Нохчи не такие. Зверства мог творить кто угодно и безо всяких причин, да? От дикости, от безнаказанности. Власти не стало. В Мекенской один ваххабит расстрелял много русских, а они все местные были. Он же чёрт, шайтан! Короче, его скрутили, собрался сельский сход, родственники убитых забили его палками. Всё было по совести. А местный мулла запретил хоронить эту тварь.

Он выдохнул и снова замолчал. Он оправдался. зуб за зуб, смерть за смерть. Я смотрел в окно на унылый предгорный пейзаж и думал, что всё это уже было. Здесь или в другом месте.

Уже полчаса как последняя колонна федералов – рота новых, матово-зелёных бронетранспортёров – прошла нам навстречу и скрылась в предвечерних сумерках. Скоро комендантский час, больше мы не встретим никого, скорее всего не встретим. Сменился ветер, туман, который висел над дорогой и вызывал раздражение, остался позади, зацепившись за кусты терновника и молодой буквый лес. Я посмотрел на Рамзана, он снова непроницаем. Да, его дело – служба, он служит, и ничего личного. И, судя по выражению лица, по крепким сухим рукам, которыми он сжимает руль, по прямой осанке, он выполнит свою службу до конца, даже если страдание выжжет ему сердце. До Ингушетии, до Назрани оставалось совсем немного.

«Чехи», бандиты, террористы, как ни назови, появились на закате. Это и есть их время. Скажешь «чёрт» – жди, что он появится. Их было пятнадцать, тех, кто спустился на дорогу. Но, скорее всего, одна-две группы прикрытия оставались на ближних склонах гор, за камнями, после стольких лет войны даже дураки знают, что без прикрытия действовать нельзя. И только мы сегодня шли совершенно голые, положившись на красные кресты на бортах, а бронетранспортёры, полагававшиеся нам в сопровождение, к нашему выходу не пришли... Два пулемётчика в пятнистом камуфляже заняли обочины, один держал под прицелом меня, мою машину, второй – другие машины. Остальные боевики, разношёрстно экипированные, в затёртых разгрузках, в банданах, встали толпой на дороге. Вели они себя дерзко, развязно, и хотя я не слышал через стекло, сквозь шум ухающего мотора их слов, но видел чванливое выражение лиц, злобные, разверстые рты. Это я в гостях, а они по любому – дома. Им ничего не стоило дать очередь по колёсам, по бортам машин, по людям, они это и демонстрировали, уставившись в нас убийственными стволами. У некоторых из-за спины торчали одноразовые гранатомёты, «мухи», могли и гранату пустить, так, для развлечения. До них было метров тридцать, может, меньше.

В первую же секунду я схватился за тангенту «мотороллы», чтобы заорать «К бою!», но так и застыл с открытым, оскаленным ртом. К какому бою? У меня за спиной в машинах мои девчонки и безоружные немощные люди, которых не убили в Грозном. Так неужели их убьют сейчас? Мы под прицелом. Лю-

бое угрожающее движение с нашей стороны вызовет шквал огня. Все эти пятнадцать стволов, или сколько их? – превратят нас в решето. Я это понял сразу. Это первое, что я понял. А потом с опозданием, как будто отражённым эхом, в голове пронеслась обжигающая мысль: но сначала они убьют меня, командира. Пальцы до белых костяшек сжали автомат. Тангента беспомощно выскользнула из руки и повисла на спиральном проводе. В салоне в наступившей мёртвой тишине снова застонала старуха. Там тоже всё поняли и с остановившимися сердцами ждали, что будет. Нет, если бы «чехи» хотели стрелять, уже стреляли бы. Чего же они хотят, что с нас взять, зачем мы им? А заложники, а рабы? Нет, нет, не-е-ет! Но если вступить в бой, убьют всех, никого не оставят. Я замычал этим тупым «ы-ы-ы-ы-ы-ы». Что делать? Самому что ли... Обнажился слабый дух. Чуть вздрогнула правая рука, она в ответе за всё... Десница... Карающая десница.. Волна страха сменялась волной решимости, снова страх, снова решимость. Это кровь, она бьёт в виски. Надо успокоить сердце, и всё наладится. «Любо, братцы, любо...»

Тот, кто был старшим, рослый рыжий чеченец с такой же рыжей бородой, с глазами холодными, как у змеи, небрежно, властно махнул мне рукой, чтобы я шёл к нему. Медлить нельзя. Я не в том положении, чтобы медлить. Надо идти. На расправу.

Надо только понять, что смерть – это не страшно, просто надо успеть сделать как можно больше, пока она не пришла. Надо выйти из машины, выйти, встать твёрдо, сделать шаг в сторону. В сторону от колонны. Я никогда ни в кого не стрелял. За что же мне так? В плен нельзя. Совсем нельзя. Пусть стреляют. Они насытятся мной, а других не тронут. Мысль, которая только что была обжигающей, остыла, стала ледяной, как лютая зимняя ночь. Да, других – не тронут.

– Командир, я пойду к ним, – Рамзан вдруг вывел меня из оцепенения, я совсем забыл про своего водителя, я не считал его напарником.

– Убьют. – Я начал немного соображать, но не вполне...

– Всё в руках Аллаха.

– Возьми мой ПМ, вдруг... – Это был самый глупый совет, и я осёкся.

– Нет, командир, – он странно, сочувственно улыбнулся мне правой стороной лица, как будто прощался, но от него вдруг потянуло мощным согревающим ветром, словно его сила духа, его вера могла передаваться по воздуху, по волнам. – Я пойду.

Громко хлопнув дверью машины, нелепо подняв руки, что совсем не вязалось с его характером, мой водитель медленно пошёл навстречу банде. Рыжий бородач и все остальные боевики с удивлением или с насмешкой, а в общем, презрительно смотрели на низкорослого работягу-водителя Рамзана. Для них он тот, кто прислуживает федералам. Он отвлек их на себя, и я наконец-то попытался выйти на связь с базой. Не вышло, слишком большая дальность. Зато совершенно неожиданно, надтреснуто, нечёткими всплесками прозвучали позывные двух бронетранспортёров, нашего отставшего сопровождения. Они были где-то в пути. «Держитесь!» – пронеслось и затихло над широкими предгорьями.

– Ну что, абреки, вас много, а я один, – неожиданно бодрый, безрассудный голос донёлся до приоткрытого окна «буханки».

Ответом был грубый окрик, и после разговор, угрозы, крики шли только на чеченском языке. Рамзан не тушевался и тоже повышал голос. Его ударили в плечо, но он что-то крикнул в ответ, отвёл чужой кулак. В него угрожающе тыкали стволами, орали прямо в лицо, пытались запугать, давили, закатывали глаза, размахивали руками, призывая в свидетели и пророка, и самого Аллаха, снова тыкали. Рамзан находил слова в ответ и ни разу не уступил и не оступись. В какой-то момент эмоции начали стихать, в них не стало агрессивной твёрдости. И уже никто не взывал к Аллаху.

Вдруг «чехи» развернулись к нам спинами и неслышно растворились среди высоких придорожных зарослей, которые здесь были в изобилии, последними быстрым шагом убрались пулемётчики.

Рамзан вернулся к машине, неторопливо, грузно опустился на своё водительское место, пряча от меня левую руку, которая невольно вздрагивала. Запустил двигатель.

– Едем, командир?

Я колебался. Надо было понять, насколько я обязан Рамзану, прежде чем я скажу первое слово. Я был обязан ему всем, всем без изъятия – своим сегодняшним днём, завтрашним, тем, как я обниму сына, когда я вернусь домой, даже сигаретой, которую я сейчас жадно курю.

– Что ты им сказал? – Не выдержал я. – Не молчи.

И он ответил низким грудным голосом, с акцентом, который мне показался ещё сильнее, отрывисто произнося каждое слово, как будто говорил не за себя, а за всех:

– Мой тейп старше!

Я опустил стекло в двери кабины, чтобы свежий ветер остудил лицо, выбросил истлевший до фильтра окуроч, потом поднял глаза к сумеречному небу и нелепо скривил в улыбке губы.

Размашистые с сиреневыми подпалинами облака, похожие на больших ушастых зайцев, лениво плывут к далёкому горизонту, как на старой открытке с поздравлениями к Новому году. Облака скрадывают, приглушают вечерний свет. Есть повод открыть мир заново – сегодня наступил и мой миллениум. Если ночью будет снег, не страшно, утром он растает с первыми лучами солнца. А мы всё также продолжаем свой путь, углубляемся в длинные шероховатые тени, что стелятся от предгорий, чуть слышно шипит «моторолла», автомат, как верный пёс, лежит у меня на коленях, а я бесцельно тереблю ремешок компаса, притороченного к офицерской сумке. Стрелка компаса колеблется, вздрагивает от вибрации мотора, от того, что машину раскачивает на ухабах, трясёт, но стрелка снова возвращается в исходное положение и раз за разом показывает на север, туда, где меня ждут.

Сергей КОЧУКОВ

Свои чужие берега

Отрывок из исторического романа

Конспираторами французские подпольщики были теми ещё. Разгильдяйство полнейшее, с бравадой, чуть ли не громогласно свои антифашистские взгляды демонстрировали. Отсюда и провалы среди подпольщиков были нередки. Позже подуспокоились малость, стали поосторожнее, когда дошли сведения, что ждёт их в гестаповских допросных. Поначалу и само сопротивление на настоящую войну мало походило. Всё больше агитация, распространение воззваний Де Голя из Англии, сбор сил и оружия. Я уж тяготиться всем этим начал. Как не переживать, если там народ мой кровью истекает, а я здесь бумажки на стены наклеиваю.

Французов я, конечно, уважал и уважаю. Есть в них что-то от русского человека, чувств больше, чем разума, порыв, понятия чести. Да и после «исхода», они едва ли не единственные, кто русскую эмиграцию до конца поддерживал, в 20-21 годах кормили русскую армию на островах греческих, позднее приняли деятельное участие в расселении беженцев по странам Европы и Америки, да и сама Франция многим русским бедолагам приют дала. Так что не уважать французов никак нельзя.

Как себя русские эмигранты вели, когда Гитлер на Советский Союз напал? А по-разному вели. Одни постарались ещё больше в песок голову засунуть. Укрыться, притихнуть, пережить очередные времена тяжёлые. Я их не осуждаю, их и без того жизнь поколотила. Другая часть, заметь, немалая, готова была оружие взять в руки и помочь своему Отечеству. Опять же подчеркну, не большевикам и Сталину, а именно народу своему, стране своей. Среди них и генералы, и прочий видный люд были. Что меня лично касается, тут в общем-то вопросов и не возникало. Я свой первый песок в бензобак немецкой машины насыпал, едва ли не на второй день вступления фашистской армии в Париж. Ну да не обо мне сейчас речь.

Была и ещё одна часть эмигрантов русских, и тоже немалая. Та, что нашествие фашистов на родную страну воспринимала только как единственную воз-

можность освобождения её от большевиков. Та самая, что, как писатель Шмелёв (неужто не слышал про такого?), искренне благодарила Бога за каждую очередную победу немецкого воинства на восточном фронте. А что фашисты на родной земле творят, он не знал, а может, знать не хотел. Видно личная ненависть к коммунистам всё и вся затмила. Были также и те, что пошли немцам служить. Надеялись, видно, после их победы в новой России место видное во власти занять. Просчитались паскудники. А за то, что кровью своих же русских руки по самые локти запачкали, прощения ни от людей, ни от Бога не получают.

Ты ведь знаешь, Сергей, мне за годы мытарств немало людей повидать довелось, разных наций людей. В каждом народе своя черта, своя изюминка национальная, каждый по-своему хорош, каждый уважения достоин, а вот немцев не люблю. Главное сознаю, что и они не зря Богом на земле созданы, и им не откажешь в уме там, в других достоинствах. А вот не люблю и всё тут. И тут нет ничего особого. Так жизнь сложилась. Почитай всю жизнь я с ними воюю: и в Первую Мировую, и в Чакской войне в Парагвае, и в последнюю. Хочу к ним непредвзятым быть, а не получается. Не получается – и всё тут. Я и через десятки лет не могу забыть, как они тогда, после нашего отступления из района Лодзи ходили по развороченным бывшим нашим позициям и деловито так, со всем тщанием и прилежностью достреливали наших раненых. Или вспомнится, как по приказу немецких офицеров-инструкторов целые деревни парагвайских индейцев дотла сжигались, или как княгиню Оболенскую на гильотину отправили. Не могу и не буду к ним даже малого сочувствия иметь.

Потому и тяготился я в первое время французского сопротивления, к настоящей борьбе рвался. Представился случай уже в сорок третьем. Послали меня в Бельгию. Операцию там готовили по освобождению русских военнопленных. Там впервые с Шукшиным встретился. О! Подполковник Константин Шукшин – личность в Бельгии известная. Вначале подпольем в лагере руководил, которое сам и создал, потом смог с местными представителями Сопротивления связаться. Не без нашей помощи удалось несколько десятков русских солдат и офицеров освободить. Они в то время на шахтах и предприятиях Льежа, Лимбурга, Намюра работали. Смогли увести их в безопасное место. Уж позднее Константин Дмитриевич из бывших военнопленных отряд создал партизанский. Настоящий, боевой отряд, «За Родину» назывался. Видишь как, оказывается и за тысячи километров от Родины, за неё родимую воевать можно. Я больше полугода в отряде этом воевал. В качестве переводчика, французский для меня к тому времени, почитай, родным стал. Не только переводил, но и в операциях участвовал. А как же не участвовать, к этому, в общем-то, и рвался. И мосты минировал, и склады с боеприпасами рвал, и в атаках на малые гарнизоны участвовал. Немчура там тогда непуганой была, жила себе, как на курорте. Вот и почувствовала, собственной шкурой почувствовала, каково это с русскими воевать. А ведь они не верили тем своим, единичным солдатам, которые после ранений на советско-германском фронте, к строевой был признаны негодными, и отправлены в тыловые подраз-

деления в Бельгию, Голландию. Здесь, правда, не было лютых морозов, как в той далёкой России, но и здесь вдруг появились эти безумные русские. Их безумство, полное отсутствие у них страха смерти никакой идеологией не было продиктовано. Они, прошедшие все круги ада концлагерей, будут мстить, в клочья рвать будут. И те немногие солдаты вермахта, переведённые с восточного фронта, собственным загревком чувствовали, что рано радовались.

Славно воевали русские партизаны и те местные, кто к ним примкнул: одних только эшелонов с бронетехникой 6 штук под откос пустили, гитлеровцев и их пособников около тысячи уничтожили. Меня через полгода отозвали мои парижские руководители, в другом месте понадобился. Узнал уже позже, что отряд в начале сорок четвёртого объединился с бойцами лейтенанта Дядькина, тоже из бывших советских военнопленных, в партизанскую бригаду был преобразован. Так и встретили армию союзников осенью сорок четвёртого во всеоружии, сколоченным воинским соединением.

Иван Николаевич умолк надолго, ушёл куда-то в себя. Сидя на низенькой скамеечке, машинально совал в печь берёзовые полешки, смотрел не мигаючи на огонь. Во всём его облике – в поникших плечах, в руках, безвольно опущенных меж колен, в глазах, где не то огонь, из печи отражаясь, плещется, не то – навернувшиеся слёзы, увидел я такую боль, отчаяние и горечь, что сам едва сдержал готовые вырваться всхлипы.

Я полулежал на кровати молча, боясь пошевелиться, боясь, что своим неосторожным движением, словом, вдруг разрушу этот мир, сотканный из воспоминаний человека удивительной, непредсказуемой и порой неправдоподобной судьбы. Мне позволили войти в этот мир и дали возможность наблюдать целые эпохи, многие тысячи людей, от очень известных личностей до совсем незаметных, рядовых их современников. Мне позволили совершенно по-иному взглянуть на малоизвестные и совершенно не известные исторические события и целые процессы, которые ни в школе, ни в университете не проходили. Я готов был молчать сколько угодно, лишь бы не нарушить рассказа, лишь бы дождаться его продолжения.

Иван Николаевич вернулся к рассказу лишь после ужина, подал голос с печи: «Не спишь, Сергей?»

– Конечно, нет, – с облегчением и чуть ли не радостно ответил я.

– Я вот всё Шукшина вспоминал. И первую нашу встречу и многие последующие. Когда мы их освободили и в безопасные места отвели, он мне руку трясёт и в глаза заглядывает:

– Камерад, мерси, данке, геноссе, спасибо, товарищ... – наверное, все слова иностранные, которые знал, использовал, чтобы радость свободы и благодарность за неё выразить.

– Да, не пыжьтесь вы так, уважаемый. На родном русском мы друг друга быстрее поймём.

– Неужто, и впрямь свой? Вот дела? Я и подумать не мог. Откуда, брат?

– Нет, не из советских военнопленных я, Константин Дмитриевич. Полу-

чается, что из «бывших» я. Получается, из тех, что вы белогвардейцами зовёте. Не совсем так, но, по сути, так оно и есть – белоэмигрант я.

– Быть не может. А как же здесь? С нами как же?

– Ну, сейчас рано говорить: я с вами, или вы со мной. Главное вместе, и враг у нас один. Мне тоже удивительно! Неужто даже не допускаете, что русские здесь, пусть и из «бывших», России-матушке служат. Ладно, вставай, подполковник, нам ещё один двадцатикилометровый марш предстоит, договорим при случае. Сейчас главное – от немцев оторваться, уйти в места наши партизанские.

Примолк тогда Шукшин, задумался крепко. А все последующие дни не раз замечал я, что он пытливо и подозрительно за мной наблюдает. «Ну, бди, бди, сердешный. Коли не совсем дурак, то дойдёт до тебя, что это не Советский Союз, здесь совсем другие порядки-законы. И люди другие. Тебе это осознать следует, если действительно здесь, вдали от Родины с немцами воевать решил».

Думаю, что именно понять всё это, оценить всю неординарность обстановки в чужой стране, сойтись с местными подпольщиками и партизанами я и помог ему. Особенно на первых порах. Да он и сам это не раз потом подчёркивал.

Месяца через полтора, наверное, после первой удачной для нас диверсии против немцев, открылся я ему. Сидели на одной из местных партизанских баз в заброшенной и полуразрушенной средневековой крепости, жевали жёсткий сыр без хлеба, чаем травяным запивали. Я и поведал ему и о ранении под Одессой, и о том, как всем составом госпиталя в Болгарию вывезли, и о прочих своих мытарствах за все годы вынужденной, не по доброй воле случившейся эмиграции. Не всё, конечно, о самом главном хотел выговориться. Обо всём рассказать месяца не хватит.

Шукшин только кричал досадливо, запуская пятерню в густую шевелюру: «Да, быть такого не может! Это же надо! Вот судьба!».

– Послушай, Иван, а ведь мы с тобой чуть ли не однополчане, я ведь в то время в соседней дивизии трубачом был. И ранен был в тех же местах, считай. Месяцами позже, правда, уже при штурме Перекопа.

– Счастливый ты, Константин Дмитриевич, тебя на поле боя не оставили, поневоле в туретчину какую-нибудь не отправили.

– Бр-р, даже представить страшно. Вот выверты судьба с человеком вытворяет. Поверить порой трудно. Что же до того, что счастливый я? Тут, брат, ещё подумать надо. В том последнем бою, там под Великими Луками, счастье от меня напрочь отвернулось. Командовал танковым полком, воевали неплохо, однако сила силу ломит. Разбили нас, ранило меня тяжело. Как ни крути, а и меня раненым на поле боя бросили. Это уж я потом понял, что высшее моё командование и не планировало нас в живых увидеть. Знали, что поляжем все, не могли не знать. Заткнули нами одну дырку, получили выигрыш во времени, и на том, павшие бойцы, спасибо. Я не в обиде. Чего тут обижаться. Время такое было – сорок первый!».

– Что же дальше, товарищ подполковник?

– А дальше, Вань, меня немецкие танкисты на броню и до штаба своего,

похвастаться, что самого комполка пленили. Потом, видно, поняли, что не доведут живым. Спорили недолго: дальше везти или здесь пристрелить. Выбрали иное – бросили в пыльную колею дорожную – сам сдохнет, либо другие танки в землю вотрут.

– Ни танков, ни машин в это время не проходило, а вот колонна наших военнопленных прошла, подняли, под руки подхватили. Когда на ночь в какой-то коровник загнали, раны перевязали, солдатскую гимнастёрку, вместо моей офицерской, едва ли не силой заставили надеть. Вот и прикинь, что это: счастье или нет. То, что не бросили, полдня на себе пёрли, к жизни вернули – это ли не счастье! С другой стороны, какое же это счастье, коли тебя, будто скотину, гонят и бьют, и голодом морят. А впереди? Коли бы знал, что ждет, ещё подумал бы, стоило ли выживать!

– Да-а, вот был человечиче! Большого масштаба мужик. За тыщи верст от родной земли целую бригаду создал боеспособную. При этом нет у тебя вышестоящих штабов, чётких приказов, инструкций тоже нет. Есть у тебя только совесть собственная, да Отечеству своему верность. Да ещё есть честь офицерская. Я ведь, Сергей, о чести офицерской среди наших эмигрантов едва ли не ежедневно слышал. Любили они козырять ею порой к месту и не к месту. Немало среди них её, эту честь, выше жизни ставили и хранили свято. Но было и таких много, что в определённых обстоятельствах, когда собственная шкура, а чаще материальная или финансовая выгода дороже – забывали о ней. Замечал я, подразумевалось с годами это понятие, замусолилось болтовнёй пустопорожней, истинных её проявлений всё меньше становилось.

И вот встреча с подполковником Шукшиным. По сути, для меня ведь это первая встреча с советским офицером. Кадровым офицером новой, советской формации. Те мои командиры в Гражданскую, это ещё не офицерские кадры, это пока ещё лишь часть, пусть и командная часть революционной массы. Сейчас передо мной было иное, передо мной был кадровый офицер, профессионально подготовленный, с нестигаемой волей и невероятным мужеством. Увидел я это, изумился и возрадовался по-настоящему. И мысленно к немцам с их гитлерами и прочими: «И этих людей вы собирались победить?!» Ведь такие как Константин Дмитриевич, а он по сути не одинок был, уже тогда, за долго от открытия Второго фронта, там в Бельгии, Голландии, на севере Франции свой фронт против Германии открыли. Людей местных на борьбу настоящую сорганизовали. Немцам уже тогда приходилось держать там десятки боеспособных дивизий.

– Иван Николаевич, вы, прям как философ, свои умозаключения строите.

– Да уж, какая тут философия? Жизнь это, всего лишь жизнь, Сергей. А она порой такие вопросы ставит, что ни одна философия не объяснит. Мы ведь с Константином Дмитриевичем уже после войны дважды встречались, – моему изумлению не было предела, и я вновь весь обратился в слух.

– Первый раз встретились в 1946 году в лагере репатриантов в Рязанской области, куда я после войны попал и проходил проверку. Шукшина же пригла-

силы из Саратова, где он жил после демобилизации для опознания, как я понял, отдельных из репатриантов. Не знал я тогда, да и не очень желал знать, то ли с его помощью органы выявляли бывших немецких пособников, которые прикрывались легендами советских военнопленных, то ли для подтверждения действительного участия в Сопротивлении.

У меня-то складывалось всё в целом неплохо, постепенно стекались сведения, подтверждающие, что ни в каких антисоветских организациях и действиях я не был замешан, подтвердилось и посещение советского консульства в Париже, и участие в Сопротивлении. Да и следователь нормальный дело вёл, не из тех, видимо, что ещё до начала допросов тебя только врагом и видят. Искренне удивлялся перипетиям моей судьбы, а порой даже подсказывал: «А вот здесь стоп! Тут дела твои нашего государства не касаются и в этом мне ковыряться – резону нет. Не то мы с твоими Парагваями, Палестинами ещё на пару лет твое пребывание здесь протянем. Да и у меня без твоих странствий дел невпроворот».

Константин Дмитриевич меня в лагере чисто случайно встретил, но был рад искренне, а уж я-то как рад был! Он в тот же день следователю моему дал дополнительную информацию обо мне по бельгийскому периоду. Мало того, ещё и какие-то официальные бумаги представил. Видно, велась в бригаде какая-то канцелярия.

Вечером пригласил меня в служебное помещение, где его поселили, водкой угощал «Московской» и рыбкой саратовской. Всю ночь, почитай, проговорили. Смотрел я на него, с великой любовью и уважением смотрел. Не мог не заметить, что осунулся он, погрузился что ли, нет того блеска прежнего в глазах партизанского комбрига «За Родину».

– Чему удивляешься, Иван? Сам, поди, видишь, не всё так складывается, как мечталось нам тогда там, где-то в районе бельгийско-голландской границы. Помнишь, как мечтали на Родину вернуться, берёзки стройные увидеть. Вроде бы всё сделали, чтобы если уж не героями, то людьми уважаемыми прибыть. Вот и я со всей своей бригадой, с оружием, в полном составе пароходом в Одессу прибыл. А вместо ровного ряда берёз русских, строгий ряд парней в синих фуражках с автоматами наизготовку. Оружие сдать – и в карантин. А там вновь бараки за колючкой. Потом разбросали всех по разным местам, уж больно мы сплочёнными всем казались, и пошла писать губерния. Меня, отдать должное, в лагерь не помещали, но постоянный надзор даже не скрывали. Надежды на то, что вновь в армии восстановят, как дым, таять начали. Ты вот говоришь, что следователь у тебя подходящий. Мои следователи, другое «нарыть» пытались. Если я и не загремел на Колыму, то только благодаря бывшему своему комдиву. В мельчайших подробностях отписал, как я воевал в сорок первом, вплоть до своего ранения и пленения под Великими Луками. Характеристику дал самую что ни на есть положительную и исчерпывающую. Благодарен я ему за это несказанно. Хотя и приходит иногда мысль, что он свой должок возвращает за то, что мой полк тогда на верную гибель отправил. Что ты, Ваня, какие обиды? Я ведь военный, мне ли

доказывать надо, что не было у него тогда выхода иного. В его действиях хоть какой-то смысл был – полком пожертвовать, но тысячи людей спасти. Многие тогда и этого сделать не смогли.

– Ну, так вот начал трудиться потихоньку в Саратове, на машиностроительном. Привлекают иногда, чтобы ясность внести в отдельные личности. Эту задачу выше ставлю для себя, чем работа на заводе, на фрезерном станке. Худо-бедно, а почитай, всех бойцов бригады по домам отпустили. Остались единицы, да и те все у меня на контроле, и их освобождения добьюсь со временем. Тебя вот встретил – это ли не радость! А коли хоть на месяц твоё здесь пребывание сокращу – тоже радость. Ты мой адресок саратовский запиши. Неизвестно ещё, как тебя дома примут через тридцать-то лет. Коли будет туго, приезжай. Сейчас мы также как тогда в партизанской бригаде друг за друга стоять должны.

Иван Николаевич вновь смолк, сполз с печи, пригасил ненамного керосиновую лампу и рассказал, как через десяток лет его вдруг неудержимо потянуло вновь встретиться с Шукшиным. Причины своего желания объяснил просто: может, очередные жизненные напасти подтолкнули, может, боялся не успеть ещё раз высказать благодарность человеку, с которым свела судьба. Человеку, который, вряд ли сам то ведая, научил с достоинством принимать удары той самой судьбы, какими бы страшными в своей жестокости, порой в своей вопиющей несправедливости они не были.

– Иван!? Дружище! Какими судьбами? – Шукшин обнимал и увесистыми шлепками молотил по спине Зубатова. – Что? Как? В порядке ли всё? Что не предупредил письмом, что приезжаешь? Боже мой, несу с радости, что попало. Главное, что приехал. Представляешь, последние дни не покидало чувство, что-то должно случиться, какая-то неожиданность произойдёт, и вот ты!

Иван Николаевич оглядывал просторную квартиру своего бывшего командира – всё аккуратно, небогато, неброско.

– Чего оглядываешься? Увы, один, как видишь... Да вот не сложилось как-то. Семью, ты помнишь, говорил тебе, я в войну потерял, а вот новую завести, как-то не сподобился. Были, были, конечно, женщины. Некоторые даже надолго задерживались. В доме задерживались, а вот чтобы в душе... Чувствовал, не мог я не чувствовать, что каждая свой интерес блюдёт, а я вроде как довесок солидный к реализации этого интереса. Одной прописка городская нужна – из родного колхоза едва вырвалась, другая устройством детей от первого брака озабочена, третья напрочь работать не хочет, пожить в комфорте и достатке желает. А так бабы – хоть куда! – Константин Дмитриевич откровенно сам над собой смеялся. – А ты, Ваня, тоже до сих пор холостякуешь? Да ну их к лешему, баб этих. Что и говорить, куда ни кинь, а отпылала, отгорела наша молодость, Вань. Да и зрелость незаметно прошла. Что? стакан воды некому подать будет? Не знаю, как ты, а я в этом стакане нуждаться не собираюсь. Тлеть, догорать – это не по мне. Я на скаку, в походе, в дороге с той тёткой костлявой встречусь. Пусть ещё радуется, что ненароком не зашибу её при этом.

Они сидели за столом на кухне, выпивали по маленькой стопочке-напёр-

сточку тёплую водку (холодную – ни боже мой. Хронические бронхиты у обоих), закусывали тамбовским салом, капусткой квашенной, другими деревенскими деликатесами, Зубатовым привезёнными. Картошку решили не чистить – сварили в мундире. Так было менее хлопотно, а главное, более подходило их неторопливой беседе воспоминаниям. Им было бесконечно тепло.

– Как зашёл, сразу на стене фотографию увидел, неужто ещё оттуда с Бельгии?

– Да это незадолго до отплытия в Одессу. Сейчас принесу, ну и что, что в рамке. Тебя в то время с нами уже не было. Но многих ты помнить должен. Ну, да, это Дядькин, а это подрывник наш Володька Мещанкин, живёт сейчас в Кургане, раньше писал, а теперь молчит второй год, жив ли? А этого ты тем более помнишь: Михаил «Большой», помнишь, здоровяк Мишка, вечно голодный, и всегда ухитрялся полным быть. Весельчак и балагур, своими неиссякаемыми остротами настроение поднимал, когда уж совсем туго становилось. После войны в Подмосковье жил. Сломался Мишка, спился вконец и сгорел. На похороны я не успел, только через месяц узнал.

– А это никак Андрюшка?! Точно он, белобрысый и застенчивый, словно барышня! Воевал, однако, лихо.

– Узнал? Действительно он. Наш бельгийский камрад, Андре Леруа. С ним отдельная история. Поверить трудно, но встречался я с ним всего два года назад, и не где-нибудь, а здесь в Саратове.

– Быть не может. Ну, давай, Дмитриевич, не томи, рассказывай.

– Приезжала к нам в Саратов делегация бельгийских профсоюзов, а Андрюшка наш солидный, полненький, ухоженный такой, чуть ли не во главе этой самой делегации. Ну, и завод наш посетили, митинг прямо в механосборочном организовали. Стою в самом конце зрителей, не высовываюсь. Я, признаться, в то время утомился как-то, в себя ушёл, словно ото всех и всего спрятаться хотел. Ну, и, сам понимаешь, обида не отпускала, что родное Отечество в лице власть придержащих так ко мне отнеслось. Стою потихоньку, слушаю. Андрюшу сразу узнал, думаю, подойду потом потихоньку после официальных речей. А тут наш камрад сам к микрофону – и давай чесать, переводчик едва переводить успевает. И говорит, что, мол, дружба Советского Союза и Бельгии ещё тогда в годы войны ковалась. И что сам он боец Сопротивления и воевал в партизанской бригаде под командованием Кости Шукшина, советского подполковника. В зале тишина громовая, Леруа растерялся даже, что такая реакция на его слова. Вдруг голос чей-то из дальнего края цеха: «Да ведь это Дмитрич наш, фрезеровщик с четвёртого цеха. Дмитрич, где ты там? Выходи!»

В общем, вытолкнули к возвышению, где помост для выступающих устроили. Узнал Андрюшка, как не узнать. Сентиментальный стал, слезу пустил. Что тут в цеху началось! Шум, в ладоши хлопают. Обнялись мы с Андре, а выступать, как ни просили, ни он, ни я уж не могли, так, не расцепляя рук, и отошли в сторонку.

– А что потом? Призадумался я, друг наш пожелал сбежать от всех поси-

деть наедине. А куда я его приглашу, в комнату свою в общежитии, целых восемь метров площадью? Первый секретарь обкома партии быстро смекнул, в чём дело – машину нам и в домик гостевой обкомовский на полный пансион. Ещё помощнику своему, чтобы стол от питья-еды ломился, чтобы любую просьбу незамедлительно исполнить. Он в целом мужик был правильный, нашего замеса был мужик. В годы войны в Крыму партизанским движением руководил. Что такое боевая дружба, ему объяснять не надо. Кстати, вот эти вот хоромы он для меня выбил, уже после отъезда бельгийцев. В совет ветеранов выдвинул, работу в профкоме завода опять же, с собой в заграничные поездки в Чехословакию и Польшу брал, на все приёмы, конференции направлял. Да что говорить. Только благодаря ему я, вроде как, к жизни вернулся, нужность свою почувствовал, место своё нашёл.

А с Андре мы всю ночь так глаз и не сомкнули. Он быстро смекнул, что не в собственные хоромы я его привёз. Трудно не понять, если на мне пиджачок с локтями протёртыми, и руки от постоянной работы с металлом, с эмульсиями, смазками чёрные все. Ты, Вань, помнишь Андрюшку нашего, он без лишнего трёпа всегда решения принимал. Вытащил всю имеющуюся наличность, мне попытался всунуть. «Куда её мне, – объясняю ему, – у нас ведь за валюту иностранную ещё и привлечь могут». Он тогда часы снимает, дорогие часы, швейцарские, с позолотой. Говорит, что это не подарок, чтобы непременно продал и прикупил себе, всё, что необходимо. Вот что значит друг настоящий. Стыдно мне стало, за себя, за страну стыдно. За то, что в такой войне победителями стали, а живём нищенски. Андре и здесь всё понял, на другое перевёл разговор, не позволил мне конфузиться.

Смеялись с ним, разные наши партизанские истории вспоминая. На каком языке говорили? Не понадобился нам переводчик, я к концу войны уже понимал с грехом пополам французский. Андре, правда, русский, как ни старался, не освоил. Всего-то несколько фраз расхожих. Смешил меня, к месту и не к месту употребляемым, но отчего-то накрепко запомнившимся из лексикона Мишки «Большого»: «Ну, ни хрена себе!».

Что потом? Переписка была и до сегодняшнего дня есть. В каждом письме очередное приглашение приехать к нему в Брюссель, да всё как-то не получается. Однажды вроде бы собрался окончательно, документы начал оформлять, да вызвали в дом на Интернациональной. Вежливо так, но настойчиво порекомендовали повременить с поездкой. На сколько? Для начала годика на два, а там, как международная обстановка позволит. Я не стал перечить, им виднее, а доказывать, что не на международную конференцию еду, а просто к другу – себе дорожке. Органы без внимания персону мою не оставляли, особенно в первые годы. Не раз наблюдать приходилось, что ко мне в очередной раз в друзья некий человек набивается. Чаще неуклюже у него получается, как после инструктажа подробного. Смотрю на него и думаю: «И-эх, мил человек, методы твои конспиративные, приемы и всё прочее, я в годы подполья в лагерях и в ходе партизанской борьбы проходил. Цена ошибок там была, правда, другая – провал и гибель, хорошо ещё, если

только одного тебя. Ладно уж, не буду тебя разочаровывать, поддержу твою игру».

Такие-то вот дела. А Андре мне в прошлом году посылку прислал, а там костюм тройка, качества такого, что я ни до, ни после не видел такого. И объяснение в записке, что это мол, он должок возвращает. Будто выделил я ему как-то в партизанскую нашу бытность почти новый френч из трофеев захваченных, когда он уж совсем поизносился. Хитрец. Сколько ни ломал я голову, так и не вспомнил такого случая. Его рекомендацию про часы, я так и не выполнил. Как ни туго становилось, а не продал, сохранил. Лежат в кармане того самого костюма, им даренного, что в шкафу висит. Надеваю и то, и другое в самые торжественные случаи.

– Не утомил я тебя, Сергей? Что дальше? Дальше, сударь, жизнь... Судьба-злодейка свои петли плести изволит. Очередные встречи только сулила, а дать не дала. Ушёл из жизни Константин Дмитриевич, в прошлом году ушёл. Из заводского профкома письмо мне пришло с извещением о его кончине. Видно, оставил он там списочек, кого известить. Сообщили также, что захоронен он при большом скоплении народа, с воинскими почестями. Воздали, что называется, должное, но, как чаще всего бывает у нас, с опозданием. Что ж, и на том спасибо. Горько мне было, настолько горько, будто часть меня самого в мир иной отошла.

Часто размышляю о жизни своей. Сколько же в ней наворочено всего было! А вот Бога гневить, что счастьем обделил, не смею. Счастливый я, как ни крути – счастливый. Стольких людей хороших дал Бог увидеть, какие непридуманные истории вместе с ними пережить... Генерал Беляев... «Вики»... подполковник Шукшин и другие многие. Насколько разные, что и сравнивать не приходится, а было в них что-то абсолютно схожее, что хребтом человеческим является. Родину они свою любили, беззаветно любили, ей и служили до последнего вздоха. Не на словах, делами доказали свою ей верность.

* * *

– Рассказать про «Вики»? Отчего ж не рассказать? Только, пожалуй, завтра. Слышал, мой петух-горлопан уж в третий, никак, раз прокричал, рассвет не за горами, – Иван Николаевич пошептал молитву, к иконам обратясь, загасил лампу, долго на печи умащивался.

– «Вики» – это всего лишь псевдоним. Так звали во французском Сопротивлении княгиню Веру Оболенскую. Из эмигрантов она, девчонкой ещё в Париж попала. Удивительной красоты была женщина, удивительной! Хотя вроде и ничего особенного. Глаза разве. Посмотрит и сердце зайдет. Сложения хрупкого, но изящного какого-то.

– Иван Николаевич, да вы влюбились тогда, наверное? Непременно влюбились!

– Не мудрено, Серёня, ой не мудрено было в такую женщину влюбиться. И я, смертный, сей участи не избежал. Хотя и возрастом уж далеко не юноша, калач тёртый. Было дело – и меня бабье племем вниманием не обходило, да и я от них не шарахался.

С Верой мы и виделись всего дважды, а я и ныне, как вспомню, сердце

тук-тук, тук-тук. Так навеки и остался тайным воздыхателем. Что ты? Куда уж нам? Кто она, и кто я? Да и при муже она. Князь тоже в подпольную работу вовлечён был. Позже арестовали его немцы и в концлагерь отправили. Выжил ли? Не знаю.¹ А вот целовать княгинюшку в уста жаркие довелось, – мой собеседник умолк и, забыв про меня, ушёл в себя. Выражение лица при этом говорили, что воспоминания эти, безусловно, светлые и незабываемые.

– Она тогда не просто участницей, одной из руководительниц подполья была. Через неё вся связь с группами и организациями шла. Встретились на явочной квартире. Я ей принёс сведения от подпольщиков, что жили в районах строящегося немцами «Атлантического вала». Познакомились, на русский перешли. Она ещё укорила меня за то, что с такими бумагами таскаюсь. Немцы схватят, и доказывать ничего не надо. Заставила все эти бумаги зачитать ей, а потом сжечь. Феноменальной памяти была. На мой вопрос, неужто всё запомнила, отрывок один проговорила, как по писаному. Потом одарила своей улыбкой ослепительной, удачи пожелала. Я после того с месяц, как чумной, ходил, не мог забыть. На следующую встречу с ней как бы не сам напросился.

– Будто вчера всё было, а помню всё. Вечер на Париж опустился, дождичек осенний накрапывает, и я на встречу с ней иду. Не иду, на крыльях лечу. Вдруг слышу, окрики гортанные, свистки полицейские и очередь автоматная. Я в подворотню юркнул, да не совсем удачно, двор там глухой. Оставалось только в стену вжаться, в надежде, что не заметят. Тут вижу: в полоске света она! Боже мой, у меня сердце зашло. Немцы уж недалеко коваными сапогами по булыжнику стучат. Меня увидела, решила мимо проскочить, не подставлять и меня, значит. Только несколько шагов и сделала – сразу поняла, что тупик, что двор непроходной. Секунд ей хватило, чтобы оглядеться и решение принять.

– Так! Быстро! Я – проститутка, а ты работяга с завода, меня подцепил на улице, – и тут же плащ и берет с головы долой, за мусорные баки выкинула. Волосы растрепала, помаду рукой по лицу размазала, ещё и ворот кофточки рванула.

Оторопел я. И впрямь в минуту в девицу падшую с улицы превратилась. Повисла на мне, юбка задралась и она пьяным голосом говорит что-то, а больше хохочет. Ну, артистка?! Я такого перевоплощения в жизнь не видел. Дошло до меня, стал подыгрывать. А она шею мою руками обвила и целует жарко. Я едва не задохнулся. Смешалось всё: опасность смертельная, страх провала, а тут она такая горячая, каждой клеточкой ко мне жмётся. От сладких её поцелуев у меня вовсе голова кругом. Хотя, наверное, всё-таки и ещё было одно: прекрасно играя уличную девку, она оставалась настолько уязвимой и беззащитной, что мозг мой не отключался. Готов был в любую секунду закрыть её собой, на немцев зверем броситься.

Немцы подбежали, заметили, луч фонарика в нас упёрся. Перекинулись несколькими фразами, хохотнули. Потом развернулись и двинулись вдоль ули-

---

1. Князь Николай Александрович Оболенский прошёл немецкие лагеря, в том числе Бухенвальд, и был освобождён союзниками в 1945. Позже стал священником и служил в православной церкви Александра Невского в Париже. Умер в 1979 году.

цы. Перед этим каждый из них ещё совет непристойный выкрикнул; как лучше отыметь эту шлюшку.

А мы стоим всё и объятия разжать не можем, она только сквозь зубы в адрес немцев: «Козлы...». С минуту стояли, сердца вроде уж не так колотиться стали. Я наклонился к её лицу, вновь хотел поцеловать. А она голову отклонила и пальчиком мне погрозила. Потихоньку из объятий моих выбираться стала. «Медведь русский... от твоих объятий теперь на плечах синяки будут... Хотя?... Сладенький, однако», – и прыснула сдержанно в кулачок. Выражения лица её я не видел тогда, темнота уж вовсе город накрыла, а по всему чувствовал, что и лукавство, и кокетство, и осознание своей неотразимости – всё в ней тогда было. Что поделать? Она даже тогда, только что пережив смертельную опасность, оставалась прежде всего женщиной.

Иван Николаевич вздохнул тяжело, вроде даже зубами скрипнул. Про меня, пожалуй, забыл, улетел в думках своих далеко-далёко. Губы шептали: «Вики, Вера, прекрасная Вера...».

– Её всё-таки схватили, нашёлся, как я узнал потом, предатель. Бедная, бедная Верочка, сколько мук претерпеть тебе пришлось. А ты всё вынесла... Тебя даже мучители твои так и прозвали: «Княгиня «Ничего не знаю». Судя по дальнейшей борьбе подполья, ты не выдала ни единого человека. Господи, редко прошу тебя о себе грешном. Об одном молю: обрати любовь Свою на душу рабы твоея! Мученицы Веры! Уготовь её место в кущах твоих, по заслугам её, по жертвенности её, – Зубатов, вновь про меня забыв, обращался к иконам в тёмном углу, слова свои к Богу обращал. Видел я в тот момент лицо его, а в нём ни тени трагизма, ни тени великого горя, а лишь торжество душевное, да светлая-пресветлая печаль.

– Знаешь, её не расстреляли даже, а подвергли смерти через гильотину. Как одного из самых страшных преступников Рейха. Да она и была для них таковой, только не преступницей, она их карой была Господней, она неминуемым для них возмездием была, – вновь я стон с зубовым скрежетом услышал. – Не прошу, никогда не прошу фашистам казнь нашей «Вики», моей Веры!

Я слушал рассказ человека очень необычной судьбы и передо мной открывались такие пласты человеческой истории и человеческих судеб, о которых мы не знали, а может, кто-то не очень хотел, чтобы знали. Да, конечно, да! Я слышал о Соппротивлении в европейских странах во время войны, но о том, что только во Франции свыше 400 его участников были нашими соотечественниками, русскими эмигрантами, причём наиболее активными участниками, узнал впервые. Что при этом чувствовал? Не знаю. Пожалуй, больше всего – за свой народ гордость, за жертвенность русскую. Чувствовал, что не вправе умолчать об этом, непременно поведать людям, чтобы помнили и об этих защитниках Земли русской. Только бы получилось, только бы не слухавить, не заболтать громкими словами память эту.

Михаил ВОЛЧИХИН

Градусы не по Цельсию – градусы по Христу

Стихи

Дождь

Переплелось искусство с явью

Н. Ладыгин

В сирень Мусатова в саду,
Без ограждения, без сетки,
Как будто с облака сойду
К твоей классической беседке.

А ты естественным найдёшь,
Вникая в звуки постепенно,
Как гениально может дождь
Исполнить музыку Шопена.

Дыханье сада и духи
Сольются письменно и устно –
Так начинаются стихи,
Так переходит явь в искусство.

Ромашки

А в лугах опять травы по пояс,
А в лугах ромашек – пруд пруди.
Проводи мимоидущий поезд
И в луга под вечер приходи.
Поезда проходят, как на марше,
Уводя неверные сердца,
А по лугу – белые ромашки,

Белые ромашки без конца.
Как они цветут в просторах края,
Как они застенчиво чисты,
Эти, что оставлены от рая,
Полевые, скромные цветы.
Может, потому в делах домашних
Нас теперь обходит благодать,
Что на белых, в крапинку, ромашках
Перестали девушки гадать.

Творчество

С утра по комнате бродить,
В ночи ворочаться,
Писать, как погашать кредит
На право творчества.
Не Блоком в рамке голубой,
Не бардом Визбором,
Но среди званых за собой
Быть Богом избранным.
Не зарывать талант и пыл,
Не рваться попусту,
Не фарисействовать, что был
Ни дня без опуса.
Стараться хоть бы за троих
Всю службу выстоять
И напоследок сотворить
Прилюдно исповедь.
А что потом – пойдёт писать
Моя губерния:
В еретики, на небеса
Или в забвение.

В музее Великой Отечественной войны

Мы не знаем войны.
Её можно потрогать руками
На музейных витринах
и в дедовских старых вещах.
Мы не знаем войны.
Цифры – это обросшие камни,
На которых докладчикам
нас просвещать.

Бледный юноша,
    с блеском сдающий экзамен,
Или муж,
    поседевший в архивной пыли, –
Мы не знаем войны.
    Её можно измерить глазами
На широких полотнах
    мемориальной земли.

Мы не знаем войны,
    у экранов болея за наших, –
За солдата в огне
    и за горем убитую мать.
Мы не знаем войны,
    только их, и выдавших, и знавших,
Невозможно не помнить
    и даже преступно не знать.

Как косила она,
    как людей, точно травы косила,
Как топила в крови,
    за волной нагоняя волну!
Моя бабушка
    фильмы военные не выносила,
Потому что она
    до подробностей знала войну.

Новый век на дворе,
    а мы всё ветеранов хороним,
Всё относим на кладбища,
    чувствуя горечь вины!
Даже кто уцелел на просмотрах
    убийственных хроник,
Принародно признался,
    что так и не понял войны.

Мы горим не в огне,
    мы горим в этом огненном зале
И не знаем войны,
    и не знаем фашистских оков...
Миллионы погибших и выживших
    с точностью знали,
Чтобы мы не узнали такое
    во веки веков.

Сон

Сном полоснуло до крови,
Как полосует лезвием,
Как будто в мире – ни любви,
Ни песни, ни поэзии.
Не зарождаются стихи,
Не дышит вдохновение,
И по карманам – ни строки
И ни стихотворения.
Не тянет в дали по весне
Востока или севера,
И над Россией белый снег
Не поэтичней серого.
Слоняться берегом реки –
Затея бесполезная:
Везде сплошные сквозняки,
И не сквозит поэзия.
Как будто в горле вырос ком,
И никакого голоса,
Уходит облако за холм,
И роща стонет горестно.
Не возвышает душу высь –
Причина, как опричнина,
И не лирична больше мысль,
И чувство обезличено.
Забыты старые тома,
Красивые чудачества,
И в нас поэзия сама
Переродилась начисто.
Среди разбросанных камней,
Где пьют и врут бессовестно,
Я закричал, чтобы ко мне
Пришла моя бессонница.
От лунных сумерек в окне
И полых вод напористых,
От нетерпения, что не
Доходит голос поезда.
От звёзд, парящих на лету
В необозримой россыпи,
От вздоха тайного в саду:
«Как хорошо-то, Господи!»
От гула будущих веков

Заросших рощ, как прачечных,
От скомканных черновиков
И новых, в муках начатых.

Похолодание

Ближние мои и дальние,
Разве нам свет не мил,
Разве на похолодание
Мы обрекаем мир.

Холодом тянет с сервера
Через проводники,
Точно с верховий севера
Тронулись ледники.

Точно в белесо-синее
Небо любовь ушла.
Роща красива в инее,
Роща, но не душа.

Падаю, как в процессию,
Думая, что расту, –
Градусы не по Цельсию,
Градусы по Христу.

Как мы живём неправильно!
Как в полевой тиши
Тайно парит проталина
На бугорке души!

Хочется роду-племени
Наперекор зиме
Вымолить потепление
Общее на земле.

Украина – 2014

Да неужели без конца,
Как в круге проклятом, обратно
Брат будет восставать на брата
И сын преследовать отца?

Да неужели же на бис
Возможно жуткое злодейство,
И миру никуда не деться
От череды братоубийств?

Земля опять раскалена,
И в брате ни слезы раскаянья –
Какого ж миру надо Каина,
Чтоб опостылела война?

Зачем ты руку поднял, брат,
Зачем родство своё оставил,
Когда жизнелюбивый Авель
С тобою радоваться рад?

Застыньте, войны без конца,
Как лава огненная в кратере,
Перед великим плачем матери
И пред молитвою отца!

Прощайте!

Прощайте.
Осень за окном
Плеснула на забор дощатый
Не настоявшимся вином
На наше пиршество.
Прощайте.
Уйти, как будто выпасть в сад
С высот сценической площадки.
Уйти, но не пускает сайт,
Что в *ящик* выбросил «прощайте»
Плеснуть нежданную печаль
В пустыню или на Крещатик,
Где мой товарищ, как печать,
Поставил в имени «прощайте»
«Прощайте» в шорохе травы
И в шуме перелетной стаи.
Прощайте, что устали Вы
Меня одаривать устами.
Как глупо всё разрешено,
И чувствам никакой пощады.

Я пью незрелое вино
Со дна осеннего.
Прощайте.

Украина – 2022

Огонь вскипевшего Майдана
Сжигает мирные дома.
Ты в распрях со времён Адама –
Мир, только не сходи с ума.

Стирались города и страны,
Так, что Заступница сама
Сходила на земные раны, –
Мир, только не сходи с ума.

О войнах мировых и меньших
Гудят пудовые тома,
А ты как будто не умнеешь –
Мир, только не сходи с ума.

Всё, что творишь, творишь с собою,
Свои набивши закрома,
Пренебрегающий любовью,
Мир, только не сходи с ума.

В истории мечей и ружей
Таится атомная тьма.
Ты Божью заповедь нарушил –
Мир, только не сходи с ума.

Рыдает мать на рассвете:
Уж лучше – посох и сума.
Как погибают в мире дети,
Так можно и сойти с ума!

Рвала, крушила и кроила
Твоя бесовская чума.
Тобой распята Украина,
Мир, только не сходи с ума.

Услышь молящий голос детский,
Зажми *ату* в зверином рту.
Аллею ангелов в Донецке
Поставь как красную черту.

Солдат

Когда без совести и чести
Вояки в ломаных крестах
Черны, как карточные крести,
Облюбовавшие Рейхстаг.

Когда из хрупкой, детской плоти
Живой сооружают щит,
В каком бы ни была полёте,
Да разве Муза промолчит!

Когда ребёнок, грустно глядя,
Обняв растерзанную мать,
Солдата спрашивает: «Дядя,
Вы нас везёте убивать?»

Да разве сердце не взорвётся,
Огнём не воспыхает дух,
Да разве на всемирных вёрстах
Страшнее сыщется недуг?!

И в этой бешеной запарке,
Где смерть проносится, как смерч,
Солдат, окаменевший в парке,
Да разве не поднимет меч!

Больно

Было больно, как это было,
Как собаку машиной сбило.

Как она отлетала с воем,
Было больно – их было двое.

У бедняги сложились ноги,
А другая её с дороги

Спешно волоком относила.
Видеть было невыносимо.

Было больно душою зрячим –
За собак. И за мир собачий.

Клеветникам России

Ну, что ж вы набросились бешеной сворой,
Готовой к насилию.
Вы что перепутали с живностью хворой
Россию?
Она не поступится своеобразием
И вас не просила,
Окно прорубала в Европу и Азию
Россия.
Она не наемница и не подстилка,
Она не в кассирах –
Всё та же любимица духа и стиля –
Россия.
Спасала Европу от нечисти, ибо
Она не в пассиве.
Кто в здравом рассудке, скажите спасибо
России.
Вы врёте махрово, нахально и скверно.
Ну, что за манера?!
Как вор, что украсть не успевший, – наверно,
На нервах.
Вы врёте, за пазухой спрятавши камень,
Уже не красиво.
Но правдой сражается с клеветниками
Россия.

Поэт

– Зачем творишь?
Кому всё это надо?
Иль так отводишь душу от греха:
По лезвию ножа,
По впадине каната
И по строке бегущего стиха?

Зачем перо и пуля для поэта,
И тяжкий путь, пока ещё живой,
На линии огня,
На грани тьмы и света,
На полосе сторожевой?
Зачем бежать и не искать покоя,
И бить в колокола в эпоху смут и бед,
Когда у Бога воинство другое
Для этого, поэт?
Какое может быть предназначенье –
Не вспомнит ни потомок, ни страна?
Зачем весло, когда несёт течение...
– Изыде, сатана.

Свеча

Не погашай свою свечу,
Какие б ветры ни случились
В пространствах мировых училищ.
Не погашай свою свечу.

На белый свет не прокричу,
Но прошепчу почти молитвой:
Пред аналогом или битвой
Не погашай свою свечу.

Любая нечисть по плечу,
Любая тьма не беспросветна
Не погасившему от ветра
С небес возженную свечу

И даже если к палачу
Погонят с вервием на шее,
Прими как жертвоприношение.
Не погашай свою свечу.

Ответь в толпу не сгоряча,
Когда окриknут: как живёте?
– Да вот, на вечном эшафоте
Стою, как талая свеча.

Хочу быть дочкой

Мир изощряется в мечтах,
Мечтают взрослые и дети:
Кому – коктейли при свечах,
Кому – игрушки все на свете.

Затеяли телеопрос
На шумных улицах столицы:
Кому – охапку алых роз,
Кому – в Монако или Ниццу,

Кому – быстрее в Кострому,
Кому – на Колыму – с отсрочкой...
А девочка на всю страну
Сказала: «Я хочу быть дочкой!»

Малышка от сиротских стен,
С глазами, точно капли неба,
Она смущалась рядом с тем,
Кто любопытствовал нелепо.

И это было – не каприз,
Летящий ветреною строчкой,
Не даже самый сладкий приз,
А просто – «я хочу быть дочкой».

Три слова выстроились в SOS
Меж старым и грядущим веком,
И праздничный телеопрос
Сгорел словесным фейерверком.

Мелькнули кадры, и затем
Погас экран щемящей точкой,
И только эхо между стен:
«Хочу быть дочкой, дочкой, дочкой...»

Наше поколение

Мы жили, мы не дорожили,
Когда отечеству служили,
Когда обрывочно дружили,
Транжируя молодость, когда

Своих возлюбленных кружили,
Чтоб после бала быть чужими,
И нам казалось: мы двужильны
На все грядущие года.

Мы были Мишами и Витями,
Как будто связанными нитями,
От настоящего за тридевять
Ещё не пройденных дорог,
Мы дети замысла не злого,
Из поколения разлома.
Где наши зёрна, где солома –
Со временем рассудит Бог.

Мы были духом и мощами
Из стройотряда и общаги,
А если после отощали
И оказались на мели,
Мы все ещё готовы лбами
Долбить на Каме и на БАМе
И с жаром припадать губами
К одной шестой всея земли.

Мы от костра и от гитары –
Любили, верили, витали,
И нас заманивали дали,
И мы прибьёмся к небесам.
Но пусть она, как прежде, вертится,
Пусть людям любится и верится,
И пусть уже не наша сверстница
Бежит навстречу парусам.

Пусть наши славные потомки
Через века, через потёмки
Откроют старенькие томики,
Вдохнут эпоху и простят
Нас за не пройденные тернии,
За все пробелы и потери,
За то, что выстроить хотели
Храм без молитвы и гвоздя.

Владимир ТУРАПИН

Синевой искря, горит лампадка...

Стихи

* * *

Знаю: есть прапрадедовский дом,
В нём живёт моя старушка-бабка,
В горнице недремлющих икон,
Синевой искря, горит лампадка.

Бабушка гадает на меня,
Льёт на воду жидкий воск из чаши,
Тянет из колоды короля, –
Карта ей судьбу мою расскажет.

Бабушка в печали: внук вдали –
Ни письма, ни доброго привета.
Говорят бабусе короли
О судьбе московского поэта.

Но, не веря картам, как всегда,
Бабушка в молитве пребывает,
И мои заблудшие года
Бабушкина горница спасает.

В горнице недремлющих икон,
Синевой искря, горит лампадка...

* * *

Вторые петухи своё отпели,
Последние туманят голоса,
В садах буянят майские метели,
И за рекой горят мои леса.

Воруют звёзды утренние птицы,
От молодой зари лугам свежей...
Мир открывает новые страницы,
Но отчего так грустно на душе?

И клонит в сон рябиновая дрёма,
Зарю встречает огонёк свечи,
Изба мышами пахнет и соломой,
И свежим хлебом, что ещё в печи.

* * *

Небольшая деревушка –
Там дворы да там дворы.
Речка Цна, теперь речушка,
Петухи да комары.

По селу иду в волненьи –
Узнают, не узнают...
Тётки Тани, бабки Фени
На привет поклоны шлют.

– Чей же будешь?
– Я-то? Здешний, –
И лукаво щурю глаз.
– Ой, Володька!
Тот ли?
– Прержний,
Но теперь уж без проказ.

Небольшая деревушка –
Там дворы да там дворы.
Речка Цна, теперь речушка,
Петухи да комары.

* * *

Чу! – закат оттешился,
Месяц бровь наводит.
Я с попутки спешился
У родных угодий.

Кое-как сколочены
Через речку лавы.
На родные вотчины
Я пришёл усталым.

Хорошо и весело
На родной Поляне.
Мне поклон отвесили
Ивняки в тумане.

Старики на брёвнышках
Закивали: «Здравствуй!
Воротил, головушка...
Что ж такой несчастный?

Аль тебя там, в городе,
Мёдом не кормили?
Знал бы ты, как жёлуди
Слаще мёда были.

Сытые – балуете.
Так вот и живёте:
В городах поблудите –
И в село бредёте».

Что ответить праведным,
Что ответить близким? –
Добрый словом – правы ведь –
И поклоном низким.

Чу! – закат оттешился,
Месяц бровь наводит.
Вовремя я спешился
У родных угодий.

* * *

Мне в жёлтую осеннюю пургу
Сентябрь нашепчет что-нибудь из детства.
Лицо ветрам подставлю – не сморгну
И разгляжу далёкое наследство.
Пусть отсыреют радостно глаза,
И дураку понятно – шалый ветер.
Вон сколько шороху понабросал!
И весел лист, что брошен не в конверте.
Так и меня развёрнутым листком
Бросало, уносило, приносило,
И очень часто с грязью и песком
Судьба без жалости и устали месила.
Но знаю я четыре стороны,
И счастлив я, что мне доступен ветер.
Не задержусь ни у одной стены,
Себя не спрячу ни в одном конверте.

* * *

Жизнь наладится: полней прольются реки,
Нагуляют берега бока,
И в широком двадцать первом веке
Нам «спасибо» скажут, а пока...

Звёздный вечер бродит на Поляне,
Сказочником шепчет чудеса.
Здесь живут простые россияне,
О которых мне всю жизнь писать.

О которых плохо не напишешь,
А напишешь – грош тебе цена.
Родина!.. Поляна! Ты услышишь,
Как в мои стихи впадает Цна.

* * *

Мне снится сон, что я в краю родном,
Дорога зимняя о край реки и леса...
Я долго не могу попасть в свой дом:
Во всём обычном столько интереса!
Луна прохладным светом улыбнулась,
Засеребрился звёздный хоровод,

Душа гармошкой лихо развернулась
И что-то непонятное поёт.
Я радуюсь такой приятной встрече.
В глаза вливается заснеженный простор,
И старый бор, обняв меня за плечи,
Ведёт душевный, тихий разговор.
Я, как мальчишка, смахиваю шапку,
Бросаю к соснам и взахлёб смеюсь,
Хватаю ёлочку зелёную в охапку
И на сугроб дурашливо валюсь.
Себя забыв, не по годам дурачусь,
Взрываю снег и пригоршнями – в рот.
И, улыбаясь, почему-то плачу,
Наверно, потому, что сон пройдёт.

* * *

Избы сладко дымятся,
Тишина, тишина...
На дворе – минус двадцать.
И февраль-старина
Блин малиновый катит
В этот чудный рассвет.
Бабка Марфа с полатей
Вспоминает, как дед
Запрягал кареухих
Пред Великим Постом
И по вольной округе
Проносился раз сто.
Вожжи струнили руки...
Жаль, что те бубенцы
Не слышали внуки
И забыли отцы.
Бабка тихо вздыхает
На малиновый свет,
И ещё вспоминает,
Как жалел её дед.
Избы сладко дымятся,
Тишина, тишина...
Окна в избах слезятся.
Старина, старина...

* * *

Деревню убаюкали снега.
На всю золото-белую округу
Рассыпал месяц щедро жемчуга –
И этим чудом успокоил вьюгу.

Я брёл по звёздной музыке снегов
С одною мыслью: как всё в жизни мудро.
И счастьем было слышать петухов,
Когда навстречу мне шагнуло утро.

Дымками вдруг пахнуло от домов,
Я посмотрел – дымов не досчитался,
Но, отражая стрелы городов,
Мой край зари бревенчатым остался.

От самой крайней сгорбленной избы
Я ощутил улыбки и упрёки,
С немым вопросом: «Где ты, где ты был?
Заждались мы, давно прошли все сроки.

Пока ты по столицам кочевал,
В надежде на признание и награды,
В отцовском доме ветер ночевал,
И бабки нет, могилка без ограды.

Ты уходил в жестокую войну –
Ценой деревни покорять столицы,
На колокольню даже не взглянул,
Из родника забыл испить водицы».

Иссяк родник, и колокольни нет,
У стариков от боли сохнут руки,
Все эти двадцать беспробудных лет
В село родное не спешили внуки.

Я ждал суда.
Но не было суда –
Меня прощало русское селенье.
Мой край зари, беда вокруг, беда!
Хотя пришёл к тебе я в воскресенье.

* * *

Следы серебряного века
Хранит заснеженный январь.
Всё та же улица, аптека
И тот же призрачный фонарь.

Мир ожидает потрясений
Улыбкой стылой на лице.
И на прекрасные мгновенья
Эпоха смотрит сквозь прицел.

В «Бродячей» молодо и шумно:
Волошин, Блок и Гумилёв...
Всё утончённо и безумно,
И никаких в душе оков.

И лишь задумчивый Есенин
Цветаевой встречает взгляд...
Так из божественных мгновений
Стихи рождает Петроград.

Следы серебряного века
Хранит заснеженный январь.
Всё та же улица, аптека
И тот же призрачный фонарь.

* * *

Неужели молодость уходит?
Неужели старость не придёт?
Август по аллеям тихо бродит,
Освещая мой зенитный год.
Что теперь лукавые забавы?
Что теперь зовущий чей-то смех?
Хочется ничком упасть на травы
И всю землю долюбить за всех.
И на всё былое оглянуться,
Попросив судьбу не дёргать нить.
Радостям и бедам улыбнуться
И ещё немножечко пожить.

* * *

Не буду в этой жизни унывать,
Пусть за окошком тихо плачет осень.
Вы не пришли ни в шесть,
ни в семь, ни в восемь,
Хотя сказали, что придёте в пять.
Вас задержал не дождь, а суета, –
Об этом говорят, волнуясь, свечи.
Они растают, не дождавшись встречи, –
И вновь меня обнимет темнота.
Слепая полночь ступит на порог,
И в мире целом некого окликнуть.
Так я пойму, что больше не привыкнуть –
Страдать и не страдать у Ваших ног.
Теперь мы с Вами даже не на «ты»:
Увы, любовь моя в прошедшем лете.
Лишь в темноте могли меня Вы встретить –
Рассвет увёл меня из темноты.

* * *

Мы часто путаем приятное с любовью,
Мы часто путаем удобное с родным.
И, за ошибки расписавшись кровью,
Мы чувства превращаем в едкий дым.
Но никогда не поздно оглянуться –
Здесь и сейчас; сейчас, а не потом.
В одно мгновенье может всё вернуться,
И небо станет небом, а не дном.
Влюблённые не прячутся в страницы,
Счастливые не прячут светлых глаз –
Они парят, как две волшебных птицы,
И радуют свои сердца и нас.

* * *

Каштаны пьяные в бреду,
Рассвет, что белокурый локон.
В какой весне? В каком году
Я ночевал у Ваших окон?
Куда умчались те года,
То безоглядное веселье,
Где слово «нет» и слово «да»

Звучали до самозабвения?
Казалось, это навсегда,
Но всё ушло в воспоминанье.
Зачем умчались те года?
За что мне это наказание?
Пусть золотистая листва
Мне дарит новые причуды,
Но те невинные уста
Я никогда не позабуду.

* * *

Мы с осенью, доброй старухой,
Вдоль бабьего лета брели,
Она всё твердила: «Ты слухай,
Курлычут мои журавли».
«Курлы» – в переводе на русский
Всегда означало – «вернись».
О, Мир, до чего же ты узкий –
Вместить не сумел слово «Русь».

* * *

А Россия без слёз,
Что трава без росы.
И в рыданных берёз
Посвист чёрной косы.
Зашатался престол,
И народ в кутерьме.
У виска пляшет ствол, –
Все надежды во мгле.
Неужели конец?!
Ни вперёд, ни назад.
А терновый венец
Золотят, золотят.
И помножена грусть
При кострах, при свечах,
Но притихшая Русь
На Микульих плечах
Гамаюнову песнь
И улыбку Христа
Соглашается несть
От креста до креста.

И конец – не конец,
Коль услышан набат,
Пусть терновый венец
Нам Иуды златят.
Только правда и Бог
Этот мир сохранят,
На распутье дорог
Поколенья стоят.

* * *

Мы не забыли Киевскую Русь.
Мы помним Святослава и Олега.
В века прошедшие с прискорбием смотрю:
Литва, поляки, стрелы печенега.
Дерутся братья – старший виноват.
И руки чешутся у внешнего сатрапа.
В Варшаве палачи гуртом стоят,
Пытают ляхи нашего Остапа.
И младший Андрий тоже принял смерть,
Но от руки отца Тараса Бульбы.
По-разному дано нам умереть,
Века другие, но всё те же судьбы.
Свобода с печенюшкой в руке,
А на Майдане каждый третий – Андрий!
И счастье за бугром невдалеке,
А если что, то русский будет крайним.
Мы не забыли Киевскую Русь.
Германия забыла сорок пятый.
Я от угроз уже не воздержусь.
Вы все ответите за Бульбу и Остапа!
Вы все ответите за осквернённый прах,
За памятник советскому солдату.
Фашист, бандеровец, неблагодарный лях,
Не забывают памятную дату!
Мир дому вашему, а нашему – вдвойне!
Мы побратаемся, и снова будут песни.
Не забывают, люди, о войне!
Мир без войны намного интересней.
Мы не забыли Киевскую Русь.
Мы помним Святослава и Олега.
В века грядущие с надеждою смотрю,
Ломая стрелы новых печенегов.

Сергей БЕРЕЖНОЙ

И пошёл брат на брата...

Размышления по поводу

* * *

Когда в середине марта я вернулся из-за «ноля» – так теперь называют границу (видно, потому, что помножили на ноль саму границу, а может потому, что это точка отсчёта в иное измерение, и множат там на ноль и жизни и судьбы), то сразу насыпались с вопросами: ну, как там? почему остановились? Почему Харьков брать не стали? писать будешь? А что писать, если выгорело всё внутри, выжжено, придумывать не хочется, заниматься пропагандой не в силах, а правду сейчас лучше не знать. Да и кто знает её, правду? Она у каждого своя: солдата, генерала, обывателя, политика.... Так что писать не собирался, но события последних дней заставили взяться за перо.

Заходили на рассвете. Мандража не было: кто-то курил, пряча сигарету в кулак, кто-то напряжённо всматривался в ночь, уже тронутую тлением, кто-то зябко дёргал плечами – успели промёрзнуть, полночи простояв с заглушенными двигателями, и молчали в ожидании отмашки. Мелькнула мысль: так на остановке ждут запаздывающую маршрутку, украдкой поглядывая на часы. Вот и мы на остановке ждём свою маршрутку, только повезёт она не на работу, а на войну, и для кого-то это будет дорога в один конец. Впрочем, война – тоже работа.

Минут за двадцать до начала артподготовки передали украинским погранцам, чтобы они уходили: хоть и *украи*, но свои же, братья-славяне. Вбивали нам всю сознательную жизнь чушь про братские народы, а братья при удобном случае то камень из-за пазухи достанут, то нож из-за голенища. Вот и теперь верили, что без крови обойдёмся, хотели верить, и понимали, что без неё ну просто никак, и до последнего старались избежать кровопролития. В общем-то, они и так знали, что поутру начнётся «концерт» и могут заютюжить и запахать, не спрашивая фамилии, потому резво снялись и растворились. Потом на погранзаставе нашли телефон – простенький кнопочный, быстренько просмотрели – звонки и сообщения из России-матушки, причём их интенсивность росла с геометрической прогрессией ближе к утру. Такое ощущение, что наше контрабандное при-

границе по-стахановски сплошь трудилось в поте лица на СБУ.

Артподготовку ждали, и всё же разорвала она ночь внезапно – гудело, ревело, бухало так, что дрожала земля, закладывало уши и казалось, что дома пошли в пляс. Ещё не стихли последние залпы, как «тигр» снёс пограничный шлагбаум и рванул вперёд: нас ждал Харьков. Нас уверяли, что именно ждал и толпы радостных горожан встретят цветами. Он действительно ждал, точнее, поджидал, и встретили, но не цветами: в полдень с верхних этажей домов улиц, выходящих к окружной, снайперы, пулемётчики, гранатомётчики в упор расстреляли нашу передовую группу. И это было только начало.

Адреналин вскипал в крови, мутил разум, возбуждал, обострял слух, и казалось, что взгляды проникали сквозь вязкую темень ночи. Впрочем, то ли глаза попривыкли, то ли действительно чернота размывалась, то ли виной тому сполохи от разрывов на юге, то ли занимающаяся заря на востоке, рассекающая поначалу темноту узким лезвием клинка, а затем всё шире и шире расплзаясь вширь и вкось, то ли всё вместе, но очертания домов и окаймляющие дорогу посадки казались всё чётче и чётче.

Первым шёл Димкин «тигр»² с щупающим дорогу, обочины, посадки «Кордом»³. Дима – боец группы, к которой я был прикреплен. На въезде в село из стоявшего на отшибе огромного склада выскочил «буцефал»⁴, ошалело заметался – эдакая прыткая коняшка, взбрыкнул короткой пушечной очередью и тут же захлебнулся – Димка стреножил его из своего «Корда». Двое выскочивших хлопцев вытащили обвисшего в их руках третьего и замерли у начинающего куриться дымком бэтэра.

– Демилитаризация началась. Эй, гайдамаки, топайте сюда! – махнул рукой старшина-контрактник. – Сейчас будем денацифицироваться.

Трое суток спустя, его разорвёт прилетевшей невесть откуда миной. Одной-единственной на версту в округе и за полдня тишины.

Димка распушил хвост и гоголем пританцовывал перед двумя взэушниками. Молодые ребята, но не первогодки, хотя ещё и не волчары. Третьего наскоро запеленали бинтами и уже утащили в «санитарку». Они не выглядели напуганными или растерянными. Их не колотило, и даже не была мелкая дрожь. Напряжённость в лицах, в будто сжатых телах, в какой-то скованности в движениях ощущалась и даже обречённость и безысходность, а вот страха не было. Это были солдаты, заслуживающие уважения хотя бы за то, что не боялись. Что

---

2. «Тигр» – российский многоцелевой автомобиль повышенной проходимости, броневедомо-мобиль, армейский автомобиль-вседорожник. Вооружение – 30-мм автоматическая пушка, пулемёт «Корд» или «Печенег». АГС-30

3. Корд – российский крупнокалиберный пулемёт (12.7 мм) с ленточным питанием. Предназначен для борьбы с легкобронированными целями и огневыми средствами, уничтожения живой силы противника на дальностях до 2000 м и поражения воздушных целей на наклонных дальностях до 1500 м.

4. БТР-4 «Буцефал» – современный украинский бронетранспортёр. Вооружение – 30-мм автоматическая пушка, один пулемёт, один АГС-30, ПТРК – «Барьер»

дали бой длиной в четыре секунды. Что смиренно принимали неминуемую, по их мнению, смерть. Что всё-таки свои по крови, славяне, а эти и вовсе по вере наши – вон крестики православные на гайтане виднеются в распахнутом ворота.

Вспомнилось, как в четырнадцатом брали блокпост, обороняемый днепропетровскими десантниками. Когда у них закончились патроны, на предложение сдаться раздалось разрывающее мозг и душу: «Русские не сдаются» и, рванув тельник на груди, пошли в рукопашную... Поминали их потом, ставили свечи в храме и скрежетали зубами: опять гражданская, опять русские льют кровь русскую, опять кому-то власть наша кровушка.

Эйфория первого боя, которого, в общем-то, и не было – так, перестрелка – улетучилась вместе с выползшим из-за лесочка солнышком, и только Димка суетился, матерился и торопил командира группы. Да и было, отчего психовать: потратить два часа на разбор с заплутавшим «буцефалом», дурацкий «совет в Филях» командира и бойцов на предмет, есть ли кто на флангах или нет, хотя знание этого вопроса у всех нулевое, тупое сидение в «мотолыгах»⁵ без бокового охранения, разведдозора и всего, что знал сержант Советской Армии.

К обеду вышли на окружную, вошли в город и... Кто и почему остановил нас и отдал приказ на выход, почему не подошли резервы. Почему? Почему? Тысячи «почему?», и все без ответов. Или что-то пошло не так, что кого-то напугал именно успех, который оказался неожиданным, как западня.

А ведь позже в освобождённых/занятых нами сёлах и городках часто спрашивали с тревогой и надеждой: а не предадите, как в четырнадцатом? Разворошили тогда людской муравейник идеями Русской весны и Русского мира, заволновался народ, поверил. Ну, так что же дальше?

В стылом райотделе в Липцах, расстелив на столе карту города и окрестностей, ещё и ещё раз мысленно проходили маршрут, заходили в город, растекаясь по его улицам, и не могли понять, зачем нас остановили. В канун Дня Победы всё взятое нами в феврале было отдано. Люди были отданы, поверившие нам, что Россия вернулась навсегда. На боль, на смерть отданы. И вера в Россию, что своих не бросаем, тоже была отдана на поругание.

* * *

С рассвета и до наступления темноты мотались по округе, встречались с местными, спрашивали, советовали, помогали продуктами и медикаментами, пытались организовывать хоть какую-то власть, снимали украинские флаги, развешивали красные. Не российские, не имперские черно-жёлтые, а именно красные. Как-то работяга попросил установить красный флаг на братской могиле красноармейцев, погибших при освобождении села. Как встречали нас? Да по-всякому: насторожено, с обидой, с пониманием, со скрытой враждебностью, с надеждой, с сожалением. Может быть, в этой палитре нескрываемых эмоций и

---

5. «Мотолыга» – МТ-ЛБ – многоцелевой транспортёр (тягач) легкий бронированный. «Буханка» – грузопассажирский автомобиль УАЗ-452

есть одна из причин, по которой нас остановили. В общем, ни цветов, ни особой радости не было: война несёт только горе, кого-то разъединяет, кого-то объединяет, но в любом случае – это беда.

Ещё утром в первый день под Волчанском завалили несколько опор высоковольтной линии и обесточили три района. Наши или укры – не выясняли, да и какая разница, коли света нет, а значит, нет тепла, воды, не работает канализация, потекли холодильники, остановились пекарня и хладокомбинат, взвыли некормленные свиньи, ревмя заревели надоенные коровы. С домашним скотом разобрались быстро – пустили под нож, а мясо раздали людям.

Украинские власти никто не винил, российские – винить опасались, лишь вздыхали, отводили взгляды и виноватили во всём войну треклятую. Потом потихоньку оттаяли взгляды, потеплели, когда мы стали делиться сигаретами да пайками – гуманитарка пошла только недели две спустя, перед восьмым марта. Не грабили, не мародёрничали, не арестовывали. А ещё поразило местных обращение на «вы», «здравствуйте – до свидания», но больше всего «извините, спасибо, пожалуйста».

Дед Юшка⁶, местный юродивый, приходил к нам на базу уже затемно, черпал кружкой из котла остывающий чай и вразумлял, усмехаясь в вислые усы:

– Круто кашу заварили, теперь хлебать – не расхлебать. Располовинила власть украинская народ, раскромсала нас по живому, по самому святому – по вере да по памяти, по душе и сердцу разлом прошёл. Гражданская война это, мужики, ещё оттуда тянется, с семнадцатого. В России она, может быть, и закончилась Великой Отечественной, а у нас лишь затихала на время, пока вновь не полыхнула в девяносто первом. А потом у нас бесовство верх взяло, осилило, да Россия вмешалась. Только у вас своих бесов, чай, поболе будет – огромная Россия, вот и наплодились эти тараканы повсюду. Поганый народец стал, всё одно ему, лишь бы в корыте поило было. Холодильник завсегда одолеет телевизор. В войну как было? Кто в Красной Армии, а кто в полициях. А после войны дети породнились, вот и поди разберись, кто за кого. Что не радуемся? А что радоваться, коли у половины села родные кто в армии служит, кто в полиции, а значит, сейчас воюют с вами. По мне, так осина давно рыдает по этим паскудникам Порошенкам да Зеленским. Про нациков уж и не говорю – бесы это, истинные бесы. И западенцы тоже бесы, чужие они нам, и верой чужие, и духом. Да только опять война кровью нас метить да делить будет.

С Юшкой мы не спорили: в чём-то прав он, с чём-то можно не соглашаться, но что *нацики* бесы – это факт. В одном из посёлков взяли их базу. Вечером, разбирая изъятое, наткнулся на брошюрку со статьями Билецкого⁷ «Патриот Украины» и «Украинский расовый социал-национализм». В ней ответы на многие вопросы: *«Лечение нашего Национального организма необходимо начинать с расового очищения нации. И тогда в здоровом расовом теле возродится здоровый национальный дух, а с ним культура, язык и все остальное. Кроме вопроса чисто-*

6. Юшка – производное от имени Юхим (укр.) – Ефим

7. А. Билецкий, создатель запрещенного в РФ националистического подразделения «Азов»

ты, мы должны обратить внимание также на вопросы полноценности расы.

Украинцы – это часть европейской «белой расы». Расы-творца великой цивилизации, самых высоких человеческих достижений. Историческая миссия нашей нации в это переломное столетие – возглавить и повести за собой «белые народы» всего мира в последний крестовый поход за своё существование. Поход против возглавляемого семитами недочеловечества». «Если говорить о русской-зычном востоке Украины, украинские территории в составе России, то мы должны в первую очередь пробудить их расовое сознание. Вопрос же тотальной украинизации в будущей социал-националистической стране будет решён в течение 3-6 месяцев с помощью жёсткой государственной политики».

Итак, «братский народ», украинцы – самая качественная часть «белой расы». Её историческая миссия – последний крестовый поход против недочеловеков. Унтерменши, недочеловеки – это мы: орки, свинособаки, татары и т.д. *«Верим ли мы в мультикультурализм и возможность проживания разных больших этнокультурных групп на одной территории? ...Нет. Это миф, который привёл европейскую цивилизацию к огромным проблемам...» «Социальная помощь для рождения ребенка должна касаться всей украинской нации, но лучшие семьи, которые потенциально могут родить наиболее талантливых детей, должны иметь социальный стимул для рождения максимального количества детей. Таким образом, увеличивая количество украинцев, мы одновременно увеличивали бы процент наилучшего расового элемента нации».*

Знакомо, не правда ли? Запах «Майн кампфа» реально ощутим. Концлагеря они уже построили, очередь за крематориями. Там много было таких книжек. А еще были книги художественные – о «киборгах» Донецкого аэропорта, о «подвигах» «Азова», «Айдара», террбатов, о Небесной сотне, о Майдане – почти все на русском языке написаны, и пропагандистски мощно. Украина – превыше всего. Украина – древнейшая и первородная цивилизация. Украинцы – самая чистая на земле белая раса. Украинцы – это мессия для спасения мира от русских. Украинский нацизм оставил нам одно право – право умереть.

* * *

В отношении Украины никогда не питал никаких иллюзий – эклектически собранная, неоднородная, вдруг восплававшая идеей избранности. Есть галичане с ущербной психологией обиженных, с верой, чуждой православию, но пассионарные именно в своей озлобленности и ненависти, выпестованные Австро-Венгрией. Есть срединная Украина, покорная Речи Посполитой. Есть причерноморская, сильно разбавленная *западненцами* в советский период и особенно благодаря Незалэжной. И всё это русская земля, насильно втиснутая в этно-территориальное образование по имени Украина. Разный язык с диалектизмами, ментальностью, верой, культурой. Лоскуты, сшитые тотальной идеей сверхчеловека.

Топоним «Украина» стал обретать национально-политическую окраску в конце XIX века как национальная территория, находящаяся под гнётом Австро-Венгрии. До этого история знала Псковскую Украину, Рязанскую и другие

окраинные земли Московии, позже – Слобожанскую Украину, но исключительно как географическую часть единого целого. Советская власть переусердствовала в создании украинского национализма, порой действуя достаточно агрессивно: насаждение украинского языка в пограничных с Украиной областях, распространение газет и журналов, открытие школ и т.д. В принуждении и подчинении большевики преуспели, как и в создании мифов.

Галичина – исторически часть Червоной Руси. Отсекли её в XIII веке, точнее, она добровольно отложилась от Руси: Даниил Галицкий за королевскую корону изменил вере православной, повёл русские земли под папскую тиару. Менялся язык, менялась ментальность, менялась внутренняя культура. Возник новый субэтнос, ненавидящий свои корни, не имеющий своих исторических героев, холопски покорный, холуйски преданный.

Русские княжества, попавшие в зависимость от Речи Посполитой, потеряли не только политическую самостоятельность, но и претерпели культурно-языковые изменения. Бунтарски-строптивые сложили новый субэтнос, опять-таки разбавив язык и создав внекорневую культуру и военно-административную структуру, именуемую Сечью.

Советская историография прочно вдолбила в сознание, что Украина воссоединилась с Россией в 1654 году, хотя Украина вовсе не воссоединялась. Была часть Речи Посполитой, называемой Гетманщиной – территория реестрового Войска Запорожского и часть подконтрольных ему территорий современной Украины. Кстати, в Переяславском договоре нет ни слова об Украине, а всё потому, что таковой не существовало. Гетманов, то и дело переходивших то под руку польских королей, то под турок, то под шведское влияние, обуздал Пётр Великий, разогнав эту продажную вольницу. Необходимость проституирования как формы существования государственности прочно вошло в сознание украинцев (через западенцев), спешащих отдаться кому угодно, лишь бы заплатили.

С термином «Киевская Русь» тоже не всё просто. Возник он в первой половине XIX века у М.А. Максимовича в узко географическом смысле для обозначения Киевского княжества, в одном ряду с такими словосочетаниями, как «Червоная Русь», «Суздальская Русь» и др. В таком же значении его употребляли С.М. Соловьёв («Русь Киевская», «Русь Черниговская», «Русь Ростовская или Суздальская»). Обычно период Киевской Руси заканчивали 1169 годом – переносом столицы Руси из Киева во Владимир. Да и вообще с историей Украины, как вообще с нашей историей не все просто – слишком она была политизирована.

Там, за «нулём», я встретил другой народ. И язык вроде наш, русский, и даже суржик – тоже русский. И внешне такие же, что лицом, что одеждой, а вот стереотип поведения совсем иной. Наш сформирован советской средой в особую этнопсихологическую систему: убирать за собою посуду, снимать обувь в прихожей, стесняться, извиняться... Целый комплекс мелких деталей, отличающих наше поведение во внешнем общении.

Многие жители Украины откололись от общей этносистемы, приняв западную модель поведения, но ещё не овладев ею до конца. Мой приятель назвал

их оскотинившимися русскими, как особый субэтнос – изменившие вере, языку, культуре, отторгающие всё русское, презирающие говорящих на суржике (хотлы драные, село немытое), пытающихся говорить на украинском языке, не подозревая, что изобретён он в пивных Вены на деньги австро-венгерского генштаба. Кстати, из таких состоит костяк «Азова».

А ведь малороссийское наречие, шутя, слепил в 1794 году И.П. Котляревский путём нарочитого искажения общеславянской фонетики и засорения языка инославными заимствованиями и нарочно выдуманными неологизмами, написав им свою «Энеиду». Это потом уже австрийцы, рассматривая русское население Галиции как естественный противовес полякам, посредством греко-католического каноника Ивана Могильницкого внедрили новоизобретённое наречие, лукаво именуемое «русским». Идея украинства для австрийцев была как нельзя удобна – искусственно созданный народец можно было противопоставить и полякам, и русским.

Нацизм на Украине выпестовали не галичане, не западенцы. Его вынянчили украинцы Полтавы, Черкасс, Киева, Хмельницкого, Житомира, Чернигова. Украинцы центральной Украины, позволившие западенцам установить свои порядки, спасовавшие перед прущей наглостью, хамством и дикостью. Они распевали с ними бандеровские песни, смаковали антирусские анекдоты, позволяли коверкать язык, закрывали глаза на культивирование ОУНовщины, Бандеры и Шухевича. Когда те пошли маршировать по улицам с факелами, а потом с флагами СС – притихли, не смели протестовать, силу почувствовали страшную и безжалостную. Потом они переписали историю, назначив в герои бандеровских палачей. Про сжигание людей в Одессе старались замолчать – нас это не касается, моя хата с краю, хотя таких Одесс было более чем достаточно по всей Украине.

Сейчас Украина получает *ответку* за безразличие, за трусость, за глупость. В том виде, в каком она была всего несколько месяцев назад, её больше не должно быть вообще – детям нельзя играть со спичками. Чаша терпения у России переполнена. Ополоумевшую соседку с усиками под носом и свастикой на рукаве терапевтически не вылечить – только хирургия.

Дранг нах остен начался не вчера и сегодня – это продолжение тевтонского похода на Русь. И Украина идёт теперь в авангарде нового крестового похода. Результат для Запада не столь важен – всё одно русские в исступлении и ненависти перебьют русских. Причины навязанной нам войны всё те же: деградация Западной культуры и веры, её внутренний раскол, становление нового политического центра притяжения, аккумулирующего силы Востока, и здесь же наши национальные богатства и ресурсы. А ещё и потому, что мы чуть ли не единственные, сохранившие чувство человеческого достоинства, другие ценностные качества: совесть, милосердие, справедливость. Потому что мы другие.

Сегодняшняя война – это война за наше выживание, наше существование как народа, как этноса. Нам никто и никогда не простит, что мы русские. Что мы вот такие, какие есть. Что народы Европы и мира снова видят в нас тех освободителей из сорок пятого. Мы возвращаемся. Мы несём знамя Победы.

**Елена
ЗАСЛАВСКАЯ**

Записки Ветерана Апокалипсиса
Стихи

Степная птица

Мне снятся сны. В них тоже нет покоя.
Врут, будто сон есть маленькая смерть!
Мне снится поле. Это поле боя.
И снится степь.
Мне снятся лица тех, кто с нею слился.
Горел! Пылал. И в миг один остыл.
Душа моя пронесется, как птица,
Над разнотравьем полевых могил.
Порою безымянные герои:
Иваны, Сашки, Мишки, имярек
Одной судьбою и одной землёю
Уж связаны навек.
А я? А как же я? Скажите?
Мне остаётся груз моей вины
И память, как небесный Вседержитель,
И эти сны.

Записки Ветерана Апокалипсиса

Всё что мне нужно: нож, кэш и
нательный крестик,
Хотя достаточно и одного креста.
Это мой меч, оружие против бесов
В тёмные дни Апокалипсиса

3.

Когда распадалась империя,
Как же мы верили
В мир, дружбу и жвачку,
Биг-мак, кока-колу,
Потёртые джинсы.
Последней заначкой
За все эти прелести не дорожили.
Какими ж мы были наивными,
  глупыми, жадными!
Но мир этот сгинет,
Охваченный новым пожаром!

4.

Завтра эвакуация.
Завтра мобилизация.
Поезд отходит от станции
Город Дебальцево.
Ну же, останься,
Не бойся,
Так уже было:
И бронейными били,
И мы уходили
Без боя,
Чтобы вернуться
К своим алтарям и могилам,
Чтобы остаться,
Чтобы остаться
Собой.

5.

Мне снится Зорро
В своём сомбреро!
А раньше снился город
Под миномётным обстрелом.
Взорванная Горловка
И её Мадонна.
И слёзы во сне подступали к горлу,
А на иконе
Плакала Богородица.
А может, мне показалось.
И луч восходящего солнца
Сквозь тьму пробивался.

6.

Окопная линия обороны.
Воды по колено, и глина, глина...
Земля пропитана потом и кровью.
Господи, из этого месива ты создал мужчину?

Видны обнажённые корни,
И пролесок синий-синий...
Засмотрелся на цветок воин
И вспомнил глаза любимой.

7.

Причастье битвой.
Причастие ветром.
Причастье светом
В бою со смертью.

Лети, молитва
Моя, сквозь тризны.
Дай силу в битвах
Сынам Отчизны.
Причастье верой
Во имя Жизни!

8.

Когда наши возьмут Киев,
Мы станем другими.
Мы станем совсем другими.
Какими?
Я не знаю, что мне тебе ответить,
Но я верю в жизнь после смерти.
И в мир после нашей победы!

Маргиналии дикого поля

На окраине третьего Рима –
Маргиналии дикого поля.
Бродит здесь одинокий инок,
Удалой здесь гуляет воин.
Спины крепкие терриконьи
Подпирают небесные своды.
Погляди же на наше раздолье!
Ощути этот дух свободы!

Мы надеемся здесь на Бога
И на снайперку Драгунова.
В горизонт убегает дорога,
А дойдёшь – убегает снова.
Что в конце пути – неизвестно.
По следам я иду жемчужным.
У меня есть дорога и песня,
Больше мне ничего и не нужно.

Живая песня

Когда будущее туманность,
Когда прошлое мне приснилось,
Есть только одна данность:
Ощущенье небесной силы,
Что во мне, как росток, прорастает
Сквозь тёплую глину тела.
Ангелы сбились в стаи,
На деревья расселись и пели,
Вся небесная эскадрилья,
Тихий хохот, щекотный щебет,
И мои застонали крылья,
А без крыльев душа ущербна.
Но как трудно, как, братцы, трудно
Бремя тягот и тяготения
Превозмочь, и взлететь прилюдно,
Раствориться в листве весенней,
Воплотиться в живую песню,
Больше мне оправдаться нечем.
Пусть летит она в дом небесный,
Покидая сердца человечьи.

Навстречу солнцу

Где-то в поле под Трёхизбенкой,
В злом, тревожном феврале,
Мой соколик сизокрыленький
На сырой лежит земле.

Так прикрой же пулемётчика,
Схорони от вражьих пуль
Моего сыночка-срочника,
Силу дай, опорой будь,

Чтоб весенний цвет, что целится
В расползающийся мрак,
Не топтал своими берцами
Хитрый и коварный враг.

Так душа моя, как горлица,
Бьётся, молит об одном:
Мать-земля, как Богородица,
Нерушимым стань щитом

Нам живым да против нежити.
Сын мой знает твой завет...
И весны твоей подснежники
Пробиваются на свет!

Вечная битва

Ни слов, ни слёз,
Лишь скрежет стали...
Соль выступает на броне.
Мы в миг один сильнее стали,
Мы научились на войне
Так жизнь любить, как в мирной жизни
Мы не любили никогда!
И боль потери и стыда
Скрывать от всех на горькой тризне!
Так что же, дело молодых...
И мы идём, и дух наш молод,
И вьётся стяг, и льётся стих
В пыли дорог. О, как мне дорог
Твой образ, Родина моя!
Твои поля, берёзки, избы,
И безымянным сыновьям
Поставленные обелиски...
Что ж, может быть, и мне такой
Когда-нибудь в степи воздвигнут.
И для меня все битвы стихнут,
Кроме одной,
За то, чтобы взошла заря,
Заря любви, заря отваги,
Что б от Луганки и до Ганга
Сияла родина моя!

Юрий ХОБА

Перекасти-поле

Рассказ

Быстроногий олень уткнулся лицом в растоптанную и поэтому пахнущую горечью траву прифронтной рощи. Истошные вопли «скорой» вначале приблизились, но вскоре начали отдаляться и чуть позже умолкли в лабиринте окраинных улиц.

– Наверно, кому-то ещё хуже, чем мне, – сказал Быстроногий олень, и слова его зависли на встрёпанных кустах жимолости.

Но он ошибся. Пожалуй, во всей округе не сыскать человека, которому было так худо, как ему. Перетянутая брючным ремнём повыше колена левая нога совсем онемела, и теперь от неё по всему телу расползались холодные черви.

Сразу после случившегося он вскочил, однако нога подломилась, и Быстроногий олень на мгновение перестал слышать вопли «скорой» и трели невесть каким чудом уцелевших соловьёв. Похоже, угодивший в голень осколок перебил кость чуть пониже колена.

– Увидела бы меня сейчас Люсьена, – пробормотал сквозь зубы, – с ходу перекрестила бы в туберкулёзную улитку.

Прозвище получил от Люсьены, бабёнки настолько беспутной, что от неё отеклась родня:

– Ты точно быстроногий олень, – сказала она однажды. – Идёшь – копытцами постукиваешь.

Подмечено верно. И впрямь при ходьбе постукивал копытцами. Но на это имелась причина. Ещё в прежней жизни, до того, как разбежались с женой, по пьяни уснул возле подъезда и напрочь отморозил пальцы на обеих ступнях. А конечности без пальцев – всё равно, что автомобиль без амортизаторов. Никакой мягкости при движении, да и сцепление подставок с почвой уже не то.

– Эх, Люсьена, – выдохнул в измятую траву Быстроногий олень, – знала бы ты, как мне сейчас хреново...

Обычно человек начинает думать вслух под старость. А Быстроногий олень, сколько помнил себя, чувствовал себя одиноким стариком. И только под

хмельком испытывал желание найти собеседника.

Поначалу обитатели слеполенной под кустами, невесть каким образом попавшей на городскую свалку магалебской вишни, лачуги, к которой Быстроногий олень прибилась ещё прошлой осенью, косились:

– Что за сумеречную личность принесло к нашему берегу?

Однако за нового товарища вступилась Люсьена, чьё старшинство признавали ещё трое других постояльцев городской свалки. Ласковый дурачок Бабу и двое рыжебородых братанов, которых разделяли по возрастному цензу – Старший и Меньший. Братаны имели такие косматые бороды, что после трапезы из них приходилось вытряхивать хлебные крошки и увязших мух.

Глядя на эти манипуляции, дурачок восторженно хохотал: «Ба-бу, ба-бу». Правда, иногда он произносил вполне членораздельное: «Билиать». Но это случилось редко. Появление чужака Бабу воспринял радушно и даже похлопал грязноватой лапкой по плечу. Зато братаны подступили с расспросами:

– Кто таков? Почему смурной?..

– Отцепитесь от него! – прикрикнула Люсьена. – Вас же никто не пытал – с какой радости пропили родительский дом? Прибился – пусть живёт. Как говорит наш благодетель Сашок, пара рабочих рук лишней не бывает. А что смурной, то, может, у него душа отшельника.

И то ведь так. Будь у Быстроногого оленя душа поэта, а не отшельника, он бы, наверное, сказал, что губы Люсьены – изгиб половецкого лука. Правда, изгиб тот утратил былую упругость. Точно так же обмякло и лицо, словно там, внутри, оборвалась связующая нить.

Но как бы там ни было, Люсьена не бросила бы его в теперешнем состоянии. Только потерялась она, как потерялась в лабиринте примыкающих к роще окраинных улиц «скорая».

Скажи в прежней жизни кто-нибудь Быстроному оленю, что ему доведётся искать хлеб насущный на свалке, он бы, наверное, огорчился. Откуда ему тогда было знать, что главный городской мусорник – такое же рабочее место, как мастерская по ремонту бытовых холодильников. Только грязнее и менее прибыльное.

Люсьена хоть и считалась беспутной бабёнкой, однако мужикам спуска не давала. В восемь утра кормила остатками разогретого ужина и выводила на выжидательную позицию в то место, где должны опоражняться мусоровозки. Ну и потом следила, чтобы смятые в лепёшку бутылки из-под газировки не оказались в мешках с тряпьем или бумажными обрывками.

Иногда товара набиралось по тонне и больше. В таких случаях негласный шеф бригады Сашок делал вторую ходку на грузовичке, который до того пропитался смрадом, что добропорядочные граждане еще издали начинали зажимать носы большим и указательным пальцами. Точно так же благоухали и перчатки Сашка.

Впрочем, обитатели лачуги на этот пустык не обращали внимания. Человек ко всему привыкает быстро. И, если его поселить среди райских куш, он со

временем перестанет замечать их божественное совершенство.

Расчёт с бригадой производился по окончании трудового дня. Сашок каждого оделял пачкой сигарет без фильтра, а потом вручал Люсьене торбу с самогоном и едой.

Помимо пропитания свалка давала одежду, обувь и прочие необходимые для сносного существования вещи. Так, Быстроногий олень уже который месяц кряду пользовался вполне пригодными одноразовыми бритвами. И при этом не забывал мысленно поблагодарить мужика, который аккуратно сложил в пакет три десятка отработанных «Жиллетов».

Собственно, он порой удивлялся расточительности добропорядочных граждан. Неизвестный чужак даже выбросил толстого литья чарки с клеймом стекольных дел мастера на доньшке «Поповъ».

Попадались и совершенно новые вещи. Как-то в куче тряпья обнаружилась пара босоножек. Люсьена их примерила, не отходя от кассы, и все с удивлением заметили, какие у беспутной бабёнки изящные ступни.

Случались находки и посущественнее. Восемь дней назад на свалку прибился гражданин с расцарапанной физиономией, но при галстуке и в костюме:

– Хотите подзаработать? – спросил, не выходя из чёрного внедорожника.

– Смотря, что надо делать, – уклончиво ответила Люсьена, утрамбовывая мешок с макулатурой.

– Моя дура выбросила в мусоропровод блок из-под сигарет «Мальборо». А в нем кое-что для меня ценное... Короче, найдете – десятая часть ваша.

Доставленную мусоровозкой свежую кучу перешерстили за час. Пусто. Но когда приступили ко второй, послышалось радостное:

– Ба-бу, ба-бу...

– Это то, что ты потерял? – спросила Люсьена, глядя не посыпавшиеся из сигаретного блока доллары.

– Оно самбе, голуба... Держи полсотни. Тебе-на помаду, мужикам – на бутылку.

– Слышь, гражданин хороший, – молвила Люсьенами голос её зазвенел, как тетива половецкого лука. – Мы, хотя и отбросы общества, но милостыней не питаемся. Обещал десятую часть – гони её. Иначе...

– Билять! – сказал Бабу, выживая из хлама половинку огнеупорного кирпича. – Билять!..

Оцарапанный попытался было протестовать, но тут же сник. Понял, что лучше потерять малость, чем всё. В том числе, возможно, и голову.

Второй раз за день Люсьена схлестнулась с Сашком. Тот просто ошалел от требования бригады – предоставить недельный отпуск:

– Какие такие отгулы? – вопил Сашок, потрясая смрадными перчатками.

– Родина погибает без вторсырья, а они требования выдвигают! Дезертиры трудового фронта, вот кто вы есть! Да и о собственном брюхе подумайте... Я ведь задаром никого харчить не стану!

– То не твоя печаль! – отрезала Люсьена. – Ты лучше завтра свози меня

на базар... дельце там одно имеется. И ещё – одолжи палатку, я у тебя в гараже видела... Да не жлобись, вернём в сохранности. А теперь, мужики, слушай мою команду: побриться, патлы я вам сама укорочу, отмыться в ручье и переодеться. После всего переселяемся в рощу на берегу озерца. Хоть неделю, но поживем как порядочные люди.

Отмывались в ручье, который змейкой полз по уставленной кустами серебристого лоха пойме. Когда-то эту пойму именовали Долиной любовных признаний. Но составленные из булыжников письма теперь едва различимы. Всё покрыто репейниковой липучкой и обрывками полиэтиленовых пакетов.

Точно такими же лохами увешаны стоящие на борту Долины любовных признаний кусты боярышника. Издали они кажутся рождественскими ёлками, но всякий, кто приблизится к ним вплотную, увидит одетых в рубище нищих.

Слава Богу, свалка ещё не добралась до роши на берегу рукотворного озерца. Жаль лишь, что безмятежные деньки промелькнули, словно верстовые столбы за окном поезда. Но ведь не даром, же сказано, что ничто не проходит так быстро, как жизнь и отпуск.

Одно утешение – Сашок не поинтересовался, на какие шиши гуляют обитатели лачуги. Проявил деликатность. Хотя, конечно, догадывался, что нашли кошелёк, но это их фарт. О нём в трудовом договоре ни слова.

Но соглашение вскоре пришлось расторгнуть. По ночам в небе над Саур-Могилой зримо раскачивалась огненная зыбка, и в ответ на далёкую канонаду кусты серебристого лоха роняли остатки пахучей пылицы.

Чтобы храп товарищей не мешал слушать канонаду, Быстроногий олень уходил на берег озерца, где у самого уреза лежал отполированный задами рыбаков обломок старой вербы. Закуривал сигарету и глядел, как мелкие волны прибывают к увечным ступням огрызок луны.

Однажды, под занавес отпуска, пришла Люсьена, чей залитый вином свитер казался окровавленным. Люсьена присела рядом и тоже стала смотреть на лунный огрызок.

– Ты всё думу горькую думаешь? – спросила.

– Нет, слушаю.

– Соловьёв? Ишь как хулиганят...

– И соловьёв тоже. Но больше – войну. Ползет, как гадюка в крапиве. Ближе, ближе...

– А стоит пережигать? Нам всё равно недолго землю топтать. Средний срок жизни дятла и бомжа – полтора года. Только первый загинается по причине сотрясения мозга, а второй от водяры. И вообще, Быстроногий олень, наша судьба вроде этого огрызка. Или – детской распашонки.

– В смысле?

– Такая же короткая и такая же обосранная... Ладно, пойдём, накатим по соточке. А потом я тебя согрею. Может, хоть чуток оттаешь.

Не оттаял. А когда на восьмой день вернулись в лачугу под магалебскими вишнями, готов был возненавидеть Люсьену. Устроила дурацкую затею с вылазкой на природу, но не подумала, что жизнь после праздника кажется особо пога-

ной. Хорошо хоть догадалась припрятать пару пузырей водки.

Дрожащими руками утвердили между втоптаннами в почву окурками чарки с клеймом на доньшке «Поповъ»:

– Наливай, боевая подруга!

Закусывали перцами, добывая их через пробоину в боку трёхлитровой банки. Поэтому соления и оказались на свалке. Но ничего, они люди не брезгливые, коль нет иной закуски, сгодится и такая. Надо лишь отряхнуть её от прилипшего стекла.

– Вовремя мы из рощи смотались, – нарушил хруст поедаемых перцев кто-то из рыжебородых братанов. – Слышите, возня в ней...

В роще действительно происходило что-то непонятное. Захлёбывались бензопилы, выжидательно порывивали моторы тяжёлых машин, и всё это сдабривалось щедрым матом:

– Тебе, гадюка семибатюшная... где приказано рыть под блиндажи? А тебя... мать твою... куда занесло? Здесь же под огневые позиции... размечено!..

Возня продолжалась весь световой день, а когда в роще вечернюю зарю сыграли соловьи, обитатели лачуги обнаружили, что война приблизилась к горным карьерам за околицей. Там, в каменном царстве, густо сыпали автоматные очереди и вставали кособокие дымы. Но то была разминка. Настоящее дело распечатали пролетевшие над свалкой стрелы реактивных снарядов.

И тут же всепотрясающим залпом ответила роща. Раз, второй, третий... Быстроногий олень вначале считал залпы, но потом бросил бесполезное занятие. К тому же, рассмешила Люсьена. Заползла под мешки с тряпьем и притихла.

– Люся, – позвал Быстроногий олень, – а кто ещё недавно утверждал, что нам всё равно помирать?

– Нашёл время, – ответила Люсьена и задним ходом выбралась наружу. – Тем более я не говорила, что не хочу жить. И вообще пора отсюда смётываться. А то попадём под раздачу...

Однако Быстроногий олень продолжал сидеть, упершись спиной в мешки, за которыми с минуты на минуту должен явиться Сашок. Отрешённо наблюдал, как народ собирается в путь-дорожку.

Правда, особо собирать-то и нечего. Это добропорядочный гражданин, пакуя пожитки, семью потоми изойдёт. А бездомный подобен шару степного растения перекасти-поле с оборванной пуповиной. Всегда налегке. И уж где проляжет его дорога, так это одному ветру известно.

– Тебе что, особое приглашению требуется? – спросила Люсьена.

– Пережду заварушку здесь. Да и Сашке кто-то пособить должен.

Ушли. Мимо одетых в рубище кустов боярышника, мимо скатывающейся к ручью тропинки. И никто не оглянулся. Наверное, городская свалка не то место, с которым прощаются. Взмахом руки, тем более – протяжным взглядом.

– Куда остальные подевались? – удивился Сашок.

– Откочевали в более спокойные места, – объяснил Быстроногий олень.

– Я на время, наверное, тоже сверну производство. Держи торбу с харча-

ми и прощевай. Я не мать Тереза, даром кормить не намерен. Но если цветной металлолом надыбаешь, сговоримся.

Другой бы затосковал, оставшись наедине с ворохами мусора и одетыми в рубище кустами боярышника. Но ведь не напрасно Люсьена сказала, что у него душа отшельника. Послушав ещё чуток автоматную перебранку, добыл из ущербной банки пару солёных перцев, испек в углях картошек и только после этого наполнил чарку самогоном.

Первую выпил молча. Какой смысл в одиночестве произносить заздравные речи. Но после пятой похвалил перцы, печёные картошки и изделия стекольных дел мастера Попова.

Станным, наверное, казался разговаривающий сам с собой человек у затухающего костерка на свалке. Однако никто не мог увидеть Быстроногого оленя. Добропорядочные граждане позабывались в щели, а Люсьена, Бабу и братаны сейчас, наверное, внемлют пострелушкам с безопасного расстояния.

Он так и уснул у костерка. Но разбудила его не утренняя свежесть, а чудовищной силы гром. Вначале Быстроногому оленю показалось, что приближается гроза, однако на бесцветном, как лицо утопленника, небе не увидел ни единого облачка.

Зато над рощей, где кто-то невидимый крыл матом семибатюшную гадюку, клокотало грязное, в кровоподтёках, варево.

– Действительно, вовремя мы оттуда слиняли, – пробормотал Быстроногий олень, но его не услышали даже мухи. К тому же, они были заняты другим, горевали по поводу пропажи парочки рыжих бород, в которых всегда можно поживиться вкусеньким.

Только война вроде склочной старухи. Трудно предугадать, в кого она метнёт стрелы свои. Главное – был бы объект, а повод всегда сыщется. Даже если этот объект, городская свалка.

К сожалению, наблюдавший за громокипящим варевом Быстроногий олень простую истину понял лишь после того, как очутился лицом в пепле вчерашнего костерка. Оказывается, самая лёгкая субстанция – воздух может спрессовываться до твёрдости железобетонной плиты.

Второй снаряд воспламенил траву у спуска в Долину любовных признаний, и сразу же полыхнули увешанные нищенскими лохмотьями кусты боярышника. Ну а потом фугасы обрушились на свалку сплошным камнепадом. Они наизнанку выворачивали созревшие отходы, и к запаху сгоревшей взрывчатки присоседился убойный смрад.

Однако Быстроногий олень присутствовал лишь на первой части светопреставления. Обогнув горящие кусты боярышника, он скатился в Долину любовных признаний и помчался, куда глаза глядят.

Впрочем, «помчался» сказано слишком громко. Скрывавшая каменные письмена трава оказалась так густо переплетена репьями, что пришлось передвигаться прыжками. И если бы кто увидел сейчас Быстроногого оленя, он бы принял его за странного вида зверя, который спасается от идущих по следу охотничьих собак.

И как дикий зверь ищет спасение среди сородичей, так и он бежал к себе подобным. А всё потому, что случаются такие моменты, когда даже распоследний отшельник, гремя ржавыми веригами, стремится к тем, кого прежде упорно избегал.

Правда, у Быстроногого оленя вместо вериг за подкладкой джинсовой куртки бряцала горсть добытых в мусорных недрах медяков. Их было немного, от силы – на кружку пива. Однако если обезвоженная гортань требует влаги, человек без сожаления расстанется с последним пятакон.

Перевёл дыхание лишь после того, как миновал вынесенную за городскую околицу больничку. Машинально провёл пальцами по «молнии» на брюках – всё ли в порядке? Иначе что подумают люди при виде взмыленного чудака с расхристанной ширинкой?

Впрочем, проверка оказалась излишней. Город замер, словно над ним завис глаз тайфуна. Поэтому Быстроногий олень очень удивился, когда заметил отпертую дверь врезанной в торец пятиэтажного дома забегаловки «Холодные ноги». Вообще-то, у заведения имелось другое, вполне благозвучное название. Однако, как намёк на устраиваемые в забегаловке поминальные обеды, закрепились «Холодные ноги». И Быстроногий олень подозревал, что здесь не обошлось без Люсьены, любившей переиначивать всё на свой лад.

Стараясь поменьше привлекать к своей персоне внимания, осторожно проскользнул в открытую дверь забегаловки. Но та была пуста. Если, конечно, сбросить со счётов сидевшего за угловым столиком толстяка в размалеванной под петриковскую живопись безрукавке и буфетчицы с такими дугообразными бровями, что возникала мысль о конной упряжке.

– Кружку пива, – попросил Быстроногий олень и высыпал в стоявшую на прилавке пластиковую тарелку мелочь. – Пожалуйста.

– Добавить надо, – буркнула буфетчица и поглядела так, словно в забегаловку пожаловал бродячий пес.

«А ведь она права, – подумал Быстроногий олень. – Нельзя любить того, кто питается отбросами. Но если я уйду, меня доконает жажда».

– Я добавлю, – молвил толстяк. – Заодно плесни мне ещё кружечку... А ты не торчи, падай рядом. Расскажи, что там на улке.

– Спасибо. Был за городом, там... в одном месте. Вначале с дерьмцом смешали рощу, потом ударили по свалке... Слушай, здесь курить можно?

Толстяк покачал головой и взглядом указал на буфетчицу. Та, прислонившись плечом к дверному косяку, докуривала тонкую сигарету:

– Потом подымим. Ты давай, рассказывай. А то я похмеляюсь здесь с самого открытия...

Однако Быстроногий олень добавить к сказанному не успел. «Холодные ноги» трянуло и что-то стремительное, как стая стрижей, хлестнуло чуть выше дверного проема.

– Мужики, – сухим, словно осенний лист, голосом спросила буфетчица, – что это было?

– Осколки, – сказал толстяк. – Мина. Шлепнись она поближе и... Короче,

считай, что в ночной сороке родилась. А такое не грех и обмыть.

Буфетчица молча добыла из холодильника семисотку «Сибирской», разлила поровну в три пивных кружки и только после этого позвала:

– Подходите, мужики. Разбавим стресс огненной водой. Я угощаю. Да пошевеливайтесь, черти. По случаю войны «Холодные ноги» закрываются.

– Сильная дамочка, – хохотнул толстяк после того, как их выпроводили за дверь. – Приняла на грудь почти двести пятьдесят и бровью не повела.

На покарябанный миной тротуар и осыпи под окнами пятиэтажки взглянул мельком. Похоже, его больше занимала буфетчица с дугообразными бровями, чем причиненные миной разрушения.

– Не в диковинку все это, – добавил в ответ на удивленный взгляд Быстроногого оленя. – В Афгане такими «пряниками» кормили полтора года. Ну что, давай прощаться...

– Погоди. Не люблю оставаться в долгу. У меня есть бутылка самогонки, закусь...

– Не, похмелился и – будя. Иначе завтра опять придет бодун, а за ним, глядишь, и белочка последует. Хотя, ты знаешь, мне сдается, что она уже здесь, – указал взглядом на стоящие над крышами домов кособокие дымы и ушел. Только стеклянное крошево всхлипнуло под тяжелой поступью.

А Быстроногий олень остался стоять. Меньше всего хотелось возвращаться в лачугу под магалебскими вишнями, но торчать рядом с «Холодными ногами» всё равно, что околачиваться под воротами закрытого на переучет рая.

Город словно вымер. Ни собачьего брёха, ни скрипа тормозных колодок. Казалось, разорвавшаяся рядом с забегаловкой мина вымела с улиц всё живое.

Так, наверное, и продолжал торчать посреди запустения, но напомнил о себе желудок, в котором плескалась гремучая смесь из пива и водки. Да и курево на исходе.

А там, возле лачуги, в торбе целых четыре пачки, бутылка самогона и еда. Всё это – доля Люсьены, Бабу и рыжебородых братанов, однако он, как единственный наследник ушедших, имел полное право распорядиться имуществом.

Возвращался кружным путём. Через железнодорожный переезд, мимо рощи, где кусты серебристого лоха уже растрясли золотники пахучей пыльцы. Но и здесь держалось всё то же безмолвие. Лишь на опушке рощи повстречался караван бронированных тягачей, которые волокли подбитые гаубицы. Наверное, те самые, которые палили из рощи.

– Далековато вы, однако, собрались? – удивился Быстроногий олень, заведя на броне головного тягача размашистые буквы «На Киев!». Но потом сообразил, что тягачи принадлежат ополченцам и волокут они трофейные гаубицы.

За рощей, хочешь того или нет, пришлось пересечь Долину любовных признаний, которую сторожили расцветенные полиэтиленовыми лохмотьями, а теперь обугленные кусты боярышника.

Неузнаваемой сделалась и свалка. Уже не грачи, а хлопья сажи кружились

над её развороченными внутренностями. Но самое главное – исчезла лачуга и окружавшие по периметру вишни. Теперь на ее месте образовалась вмятина, которую запросто можно принять за кабанью лёжку.

Хорошо, что костерок он развел поодаль. И таким образом сохранил остатки имущества. В том числе чарку с клеймом стекольных дел мастера на доньшке.

Почему-то вспомнилась Люсьена. Сортируя вторсырьё, она напевала песенку, содержимое которой состояло из четырёх безответных вопросов: «Куда пойти? Куда податься? Где переспать? Кому отдаться?».

– Нам! – орали в таких случаях братаны, запихивая в мешки сплющенные, чтобы больше влезло, бутылки из-под газировки и пива.

– И в самом деле, некуда податься, – молвил Быстроногий олень, вытирая чарку от прилипшей сажи. – На паперти вакантные места заняты, да и кто подаст, если народ в норки позабывался... Сашок без добычи на порог не пустит... Сходить в рощу и пошарить? Вдруг вояки что-нибудь ценное забыли... Жаль, Бабу нет. Он хоть и дурачок, но фартовый.

Себя таковым не считал. Правда, случались дни, как сегодня, когда чёрные полосы чередуются с белыми. С насиженного места согнала бомбардировка, но в пустом, как штанина инвалида, городе повстречался толстый мужик в расписной безрукавке, который пригласил за свой столик. Потом расщедрилась буфетчица с дугообразными бровями...

Окончательно в своё везение Быстроногий олень уверовал, когда обнаружил в роще целые россыпи отстрелянных гильз сто двадцать второго калибра и два блиндажа, один из которых сохранился в приличном состоянии. А ещё под кустами измятой жимолости валялась разбросанная амуниция, пакеты с сухпайками и посреди этого сказочного богатства, припав на подпорченное осколками колесо, насадкой возвышалась полевая кухня с полным набором посуды.

И хотя котёл тоже был пробит осколками, гороховое пюре с говяжьей тушёнкой показалось теплым. Повизгивая от нетерпения, Быстроногий олень навалил полную миску пюре и принялся есть.

Насытившись, закурил и теперь уже неспешным взглядом окинул новые владения. Если в уцелевшем блиндаже сложить печку, то жильём на ближайшее время, включая зиму, он обеспечен. Да и пропитанием тоже. Как ни скуп Сашок, а настоящую цену за гильзы даст. Главное – держать хлебное место в тайне. Отнёс пару-тройку гильз и будь здоров. Жди следующую партию. Если с ножом к горлу пристанет, – решил Быстроногий олень, – скажу, что у вояк со склада таскаю. Пусть проверит...

Однако предаваться радужным мыслям – значит, рисковать. Стоит пронюхать добычкам металлолома, они и полевую кухню утащат. Вместе с поварешками и гороховым пюре в пробитом котле.

Ещё хранящие пороховой перегар гильзы таскал, словно полешки, по три-четыре за ходку. Складывал в блиндаже таким образом, чтобы осталось место для печки. Но с обустройством можно и повременить. Главное – надёжно

перепрятать свалившееся на голову богатство.

А так, как новое жилище вскоре оказалось заполненным под бревенчатый потолок, часть гильз прикопал в зигзагообразной траншее, предварительно выбросив из неё ломкую от засохшей крови солдатскую куртку, сапёрную лопатку и гранату-лимонку. Поддев лопаткой тряпье, он зашвырнул его подальше, а гранату сунул в брючной карман:

– Сашок за такой трофеей ведро самогона выставит. – А пожлобится, себе оставлю. Мне теперь безоружному никак нельзя.

Мысль о ведре магарыча плавно перетекла к оставленной возле блиндажа торбе. Прежде о выпивке и съестном в лачуге не забывали. Всё употреблялось без оглядки на завтрашний день.

– Я же пашу и пашу без передыху, – поразился теперешнему своему поведению Быстроногий олень. – Неужели потому, что стал собственником? И теперь дрожу – не крадутся ли добытки металлолома?.. Кухню бы схоронить, да разве утащишь в одиночку... тяжеленная, зараза.

Прикрыв для верности зигзагообразную траншею ветками, вернулся к оставленной торбе. Первым делом выкурил сигарету, а заодно малость поостыл от трудов тяжких. Потом спустился в своё новое жилище, где остро пахло потревоженной землёй и сгоревшим порохом. Усевшись на нижней ступеньке, наполнил старинную чарку:

– С новосельем!..

Но завершить начатый тост помешали. Хлопнула крышка котла полевой кухни, а затем послышалось одобрительное:

– Здорово ты придумал, Тимоня!

Быстроногий олень в три прыжка вылетел из блиндажа и похолодел от увиденного. Возле кухни, задрав головы, стояли двое подростков. Ещё один, чуток постарше, мочился в открытый котёл с гороховым пюре.

– Ты что творишь? Вот я тебе сейчас уши оборву!

Писавший так резко обернулся, что забрызгал товарищей. Однако, узрев, кто грозит, продолжил начатое:

– Не видишь, что делаю? Сцу...

– В человеческую еду...

– Уж не ты ли человек? – съехидничал писавший. – Ну так иди и жри. Я как раз твои харчи поперчил...

– Так его, Тимоня, – одобрили дружки. – Может, ещё и врезать ему, а Тимоня?

– Запросто, – усмехнулся писавший и, приподняв левое плечо к подбородку, скорым шагом двинулся навстречу.

Широкая в угрях переносица, глаза цвета испитого чая. Быстроногий олень хорошо знал этот продукт окраинных улиц. Такой залезет к родимой бабушке в рейтузы за кошельком и не покраснеет. А уж пнуть животину или бомжа – для него сущее удовольствие.

Быстроногий олень ударил первым, метя кулаком в угреватую переноси-

цу. Ударил исключительно для того, чтобы выиграть пару-тройку секунд, и занять выгодную позицию.

Теперь, когда за спиной полевая кухня, у него появился шанс устоять против троих. Если нет должной опоры, а ноги с отмороженными напрочь пальцами таковыми не являются, надо иметь прикрытый тыл.

Однако троица, перед тем, как броситься в рукопашную, решила произвести артиллерийскую подготовку. Издали швыряли всё, что попадет под руки. Комья земли, сучья.

Поначалу удавалось увёртываться, но после того, как Тимоня приволок в подоле грязноватой футболки камни размером с детский кулак, понял, что долго не продержаться.

И тогда сделал то, что остаётся загнанному в угол человеку. Выдернув кольцо, Быстроногий олень взмахнул гранатой:

– Молитесь, отморозки!

Быстроногий олень почти ничего не смыслил в военном деле. Лишь слышал от братанов, что осколки ф-1 разлетаются на десятки метров, и что боёк воспламеняет капсулю через шесть секунд.

Полторы секунды уже прошли. И времени осталось ровно столько, сколько едва хватит для того, чтобы подальше отшвырнуть гранату и вдавить собственные мослы в землю.

И хотя почва вокруг полевой кухни была утрамбована до железобетонной твёрдости, Быстроногого оленя остановило другое. Он увидел глаза троицы, полные предчувствия смерти глаза, и понял, что перед ним такие же, как и он, горемыки. С той лишь разницей, что он сполна хлебнул дерьмеца, а парнишки только пригубили из грязной чашки, имя которой жизнь.

Поэтому гранату метнул не вперёд, а за спину:

– Ложись! – подал команду и сам пригнулся за полевой кухней.

Всё-таки он опередил на долю секунды безжалостно ползший по направлению к капсулю боёк. Несущие погибель осколки вновь приняла на себя полевая кухня. И только один отыскал более подходящую цель – человеческую плоть.

Пока Быстроногий олень приходил в себя и перетягивал ногу ремнём, троица испарилась. Но, странное дело, он не злился на подростков. Давала знать о себе боль в голени и тех местах, куда попали камни, а вот злость исчезла.

Если человека долго пинать, у него теряет чувствительность не только зад, но и всё остальное. И потом, в его положении думают не об обидах, а о том, как спасти собственную шкуру. Иначе ею займутся бродячие псы.

Вопрос в другом – каким образом спасти эту собственную шкуру? Роща уже не та, довоенная, с кустиками серебристого лоха на берегу озера, в которой плескался лунный огрызок. Везде воронки, орудийные дворики, сбитые осколками сучья. Попробуй, одолей всё это с перебитой пониже колена конечностью.

Через каждые десять-пятнадцать метров Быстроногий олень отдыхал, уткнувшись лицом в траву, которая, как и всё живое вокруг, приходила в себя после бомбардировки. И попутно прислушивался: не подаст ли заунывный голос «ско-

рая»? Почему-то продолжал верить, что она приехала по его душу.

– Господи, – взмолился Быстроногий олень, – ведь должны же подростки кому-нибудь рассказать о случившемся... Нет, не расскажут, побоятся. Вот если бы о его беде узнала Люсьена...

И здесь Быстроногий олень поймал себя на том, что с теплотой вспоминает Люсьену, ласкового дурачка Бабу, рыжебородых братанов. Хоть у тебя и душа отшельника, но бывают такие минуты, когда ты готов отдать даже вновь приобретенное богатство, ради того, чтобы вернуть тех, с кем закусывал солёными перцами из разбитой банки.

Вновь подала голос «скорая». На этот раз почти рядом с опушкой.

– Здесь я! Здесь! – дважды подряд крикнул Быстроногий олень и пополз, сильно смахивая на подранка, который пытается скрыться от идущих по следу охотничьих псов.

Однако «скорая» опять затерялась в путанице окраинных улиц. Похоже, Быстроногий олень оказался прав, когда сказал, что сейчас худо не только ему. Да и кому может быть хорошо там, куда пришла война.

На дикой окраине Русского мира

Стихи поэтов Донбасса

Анаит Агабекян

г. Донецк

* * *

Помнишь, матушка говорила –
в небе Боженька верховодит.
Но бесовская эскадрилья
в эту осень на небосводе
вышивает крестами саван,
и роняет на землю иглы,
и людей уподобив травам,
косит смерть – где кого настигла.
Не примерив солдатской робы,
вот и ты, паренёк, затравлен:
степь сокрыла тебя в утробе
мягким байковым разнотравьем.
Лёг туман, как сургуч на письма,
да и ветер почил без вести.
Ни слезой материнской, чистой
не омыт, ни мольбой невесты,
только пёс уцелевший чей-то
над тобою завоет в поле,
испугавшись багровой змейки,
что ползёт по височной доле.

17 год

Искажён у святых
лик
в адском зареве трёх
лет,
а война, если плох
свет,
ударяет под дых
в миг.
Потеряли чины
вес,
им теперь лишь солдат –
бог,

дабы смуту создать
смог.
А меж братской войны
бес,
людской род не щадя,
рад
вести глупых кончин
счёт,
когда по площадям
бьёт
БМ-21 «Град».
Хоть какой будь сейчас
век,
весь насмешливо шлёт
рок,
что семнадцатый год
в прок
не пойдёт, как на Спас
снег...

* * *

Ветер украдкой крадётся по кромке
неба над кронами. Минной воронкой
рана разверзлась под жёлтым камзолом
в солнцесплетеньи пшеничного поля.

Мешкая малость, с перин горизонта
не поднимается сонное солнце.
Спят по своим колыбелям овражным
дети-солдатики – наши и вражьи.

Жадно глотают предутренний холод,
вытянув шеи, стволы самоходок.
В небе шаманят и цыкают птицы –
пусть тишина чуть подольше продлится.

Но оглушённые залпом и злобой,
встанут солдатики – взгляд исподлобья,

не убоятся потерь и блицкрига –
лишь неизбежности всем примириться.

Город...

Город, лишённый надежд и отдушин,
сгорблен, сплетением улиц задушен,
мимо наростов из камня и стёкол
время бесцельно идёт самотёком.

Город болезненно серый в удушьё,
бьётся в конвульсиях раненой тушей,
пригоршню гордости будто рассыпав,
стал он доступен ветрам ненасытным.

Крохи тщеславия смыло дождями,
город клаксонами суетно мямлит,
но от того, что все почести – первым,
взвинчены высоковольтные нервы...

Всюду засилье заржавленных истин,
воздух и тот обречённо-охристый –
город во власти тумана-воришки
больше не верит ни правым,
ни пришлым.

Бог не спасёт и не выручит случай –
город утратами крайне измучен,
только живёт, несмотря на потери,
чья-то любовь рудиментом на теле.

Оксана Егорцева

г. Горловка

Здесь – каждый

Здесь каждый повенчан с бедой,
Сверяя потери на раз.
И вновь продолжается бой –
Удар принимает Донбасс.

Здесь в городе каждом – прилёт,
Что рушит и судьбы, и дом:
Плодит бесприютных сирот
Под артиллерийским огнём...

Здесь каждый на слух отличит,
Чем именно давят Донбасс.
Молитвами город укрыт
И криком.

И слёзы из глаз

У каждого, увидевших Смерть –
Старуху с блестящей косой.
Струною натянутый нерв:
Здесь каждый, кто выжил – Герой!

Елена Забайкальская

г. Макеевка

* * *

Новый день... он похож на вчерашний –
страшно.

Снова с «промки» прилёт-миномёт.
Неустанно враги пополняют запасы
опасным,

Металлическим грузом-обузой.

А нас не берёт!

Вроде станет потише, но воздухом
дышим

Мы с тобою одним, и земля,
что твоя и моя,

С содроганьем замрёт, закрывая глаза
и слеза

Не растопит вражды... Окаянное в темени
племя

Точит нож, о победе Единого Бога моля...

Русские идут!

Мы восемь лет держались тут.
Нас убивали – не сломали.
Послушай – русские идут!
Мы возвращаемся в Россию!

Земля гудит от силы той.
За правду нашу и свободу,
Стоят надёжною стеной –
Защитой братского народа.

В истории немало дней,
Где русский богатырь проснётся.
И мощью, силушкой своей
По-русски, просто развернётся...

И восемь лет здесь наш редут
Меж светом и меж тёмной силой...
Послушай! Русские идут!
Мы возвращаемся в Россию!

Алеся Казмерчук

г. Луганск

* * *

На ладонь Мариуполь ложится,
Изюм, Волноваха и...
Это чьи города, скажите?
Нет, не кажется – все мои.
Истекает открытая рана
Вот-вот и совсем истечёт.
Я весной семижильный восстану,
Я покажу ещё!
Ветер сушит сырую землю,
Ветер ленты чёрные рвёт.
Ответь, ангел милосердный,
А была на земле любовь?
Безусловная, всеблагая,
Такая, что не допустит войн.
Чтобы шла хоть рощей, хочь гаем,

А по сути не всё ли равно..
Сбережёт от любой напасти,
От чужих и личных обид,
От чужой и собственной страсти.
Защищать означает любить.
Но что же мне думать, если
Лежу беззащитный в крови.
Может так, мой ангел небесный,
Я лишён был твоей любви?

* * *

Посвящается железнодорожникам

И снова о войне, и снова о войне.
О бесчисленной боли, уплаченной
за отсрочки.
Простые люди знают, как снаряд
выглядит извне.
Каждый вышедший за порог –
потенциальный срочник.
Сотня железнодорожников, уцелела
всего лишь треть...
Под Попасной: кто ранен, а кто навсегда
остался
Из сводок, из новостей, из заплаканных
глаз смотреть
На нас, смевших выжить, ещё пока
костных, страстных.
Похоронку, не парятся, просто оставят
в двери,
Как будто грёбаный счёт за комунуслуги.
А ты клетку свою грудную сердцем
ревушим вспори,
А ты стань для земли миротворческим
плугом.
И паши её градом, кинжалом, тюльпанами,
«Точкой У».
Засевая бетоном, металлом, человеческой
плотью, –
Вместо хлеба, да и нужен он будет кому?
Если ляжем все мы в эту землю частями,
плотно.

У матери день рождения, а она
тихо слёзы льёт.
И плач её снегом безостановочно сы-
плет...
Летят птицы весны. Из железа. Прицелен
их перелёт.
И дома от дыхания птиц этих чёрные,
злые.
Рассвет как точка опоры для всех, кто
остался жив.
А все, кто остался жив, – нерушимая
точка отпора.
Красно-белый март бесконечной войной
упорот,
Утопленный в ненависти и перекрёстной
лжи.

* * *

Детские горки из металла
завязаны в узел.
В песочнице смерть скалится, лепит
пасочки.
Из стального песка, из угольного,
из красного...
И высятся они угрожающим
мёртвым грузом.
А что, без войны не решается,
не живётся?
Нерождённая девочка несаженный хлеб
крошит птицам умершим,
Нерождённые мальчики встречают на
небе
парней не вернувшихся.
Удавка на вые родины из подленьких
мыслей вьётся.
И вот стреляет по мирным из тяжёлого
бывший прохожий.
И вот память людская с кожи земли
стирается.
И вот миг – столько в нём последней
ненужной радости.
И вот лежат люди – сердца отдельно, и
ноги
отдельно тоже.

А где умудрились подцепить заразу эту,
что кровь нашу выест?
Поражённые все, война внутри хлещет
неисцелённая.
Видеть смерть, чинить смерть, успеть
укрыться от смерти вовремя:
С войны все возвращаются мёртвые,
даже если живыми.
Пожалуйста, давайте после всего
вот этого попробуем продолжить
Любить друг друга, уважать, забрасывать
письмами,
Ждать мужчин с работы, а не из атаки
братоубийственной,
Не прощать ложь, к примеру,
а не геноцид размноженный.
Мы, наверное, станем героями
какой-нибудь кинокартины,
Уже сейчас жизнь сдаётся нереальной
и постановочной.
Плачут матери, сёстры плачут, плачут
женщины безостановочно,
Пока спины мужчин их
обрастают хитином.
Бедные малыши, лишили взрослые вас
чистого детства.
Нет солдатиков оловянных, рогаток и
автоматов из дерева.
Есть бронежилеты, тяжёлая техника,
гуманитарка и вера.
Это так мы в песочнице смерти
со смертью играемся вместе.

Константин Коваль

г. Дзержинск

Фазанье царство

Фазанье царство – яблоневый сад,
Заброшенный в пятнадцатом
проклятом,
Пустые окна с улицы глядят
По стариковски как-то виновато...

Безлюдный и не только до весны,
С лихвой вкусивший пороха и соли...
Зато раздолье рябчикам степным,
Токующим на замершем подворье.

В пол крыши без стены и дом – не дом.
Лишь вывеска
«Проулок Декабристов»...
Не видевший не думает о том,
Что чувствует живущий где-то близко.

Им дела нет до пропасти людской,
До горьких очагов под паутиной.
И только одичавший домовой
Качается на выцветшей гардине.

И рябчиков пугает – ну, народ,
Гнездятся где ни попадя, невежды.
Ведь он ещё кого-то очень ждёт
И бережно хранит свои надежды.

Придёт хозяин – двери примостит,
Научит пол мести, снимать ботинки.
Не для него ли я сумел спасти
Обрывки не сгоревших фотоснимков...

Всё в прошлом. И вечера, и рассвет.
И мамки-папки-дети вереницей.
Лишь ветки лезут в очи – спасу нет,
И колются в ослепшие глазницы.

Сергей Кривонос

г. Сватово

* * *

Страшное время пришло –
вседержавная драма,
То ли запутался, то ли запуган народ,
Преданы братство, история,
предана память,

Кто вышиванку не носит,
тот не патриот.

Всюду доносы, допросы, запреты,
наветы,
Всюду крутые разборки и всюду разбой,
И превращён год пятнадцатый
нового века
В прошлого века погибельный
тридцать седьмой.

* * *

На фото пожелтевшее гляжу,
С отцом сквозь время завожу беседу
И словно в сорок первый год вхожу,
Где смерть близка и далеко – Победа.

Отец, как мне твои слова нужны,
Когда забвенью предаётся подвиг,
Когда историю родной страны
Пытаются переиначить подло.

Отец передо мною – молодой,
В фуражке, в офицерской гимнастёрке.
Был тяжким, батя, путь твой фронтовой,
Пропахший кровью, потом и махоркой.

И кажется, что святостям конец,
Что честь бесчестью битву проиграет.
Но смотрит с фотографии отец,
Надежду на победу оживляя.

* * *

Сноровка у Бабы Яги колдовская,
Всесильно её мастерство,
Но ходит по лесу Иван, улыбаясь,
Его не берёт колдовство.

И как ни старается злая старуха,
Считаться с Иваном должна,
Мулит ведь старуху от русского духа,
Что делать – не знает она.

Пускай на Ивашке простая рубашка,
Пусть в лапти обут – ерунда!
Ведь в деле любом не даёт он промашки,
И горе ему – не беда.

Пройдёт через чащи, пройдет через броды,
Пройдёт по ухабам полей.
Десятки столетий лесное отродье
Не может его одолеть.

Встречались Ивану драконы и змеи,
Орда приходила с войной,
Их доля такая, как доля Кощея
С его хитромудрой иглой.

Александр Кучерявый

г. Донецк

За шагом – шаг

Ползут кровавые закаты,
а утром, тот, кто выжил – рад,
здесь терриконы, как солдаты,
грудь подставляют под снаряд.

Здесь каждый дом и каждый камень,
ребёнок, женщина, старик,
идут в сжигающее пламя.
Здесь не молитва Богу – крик.

Несёт сквозь адские пожары,
в крови умывшийся народ.
свой дух, как песню под гитару,
за часом – час, за годом – год.

Зло, улыбаясь, отрицало,
что был поверженным рейхстаг,
и память о дедах стирало
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Нас распинать пытались долго
под рёв звереющих атак,

под вой коричневого волка,
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Наперекор трясине чёрной,
зовущей в скачущий бардак,
Донбасс сражался непокорный,
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Когда вгрызался в нашу душу,
плоть растерзавший имярек,
Донбасс держал атлантов ношу
из года в год, из века в век.

Играя в русскую рулетку,
превозмогая смерти мрак,
мы мстим за поруганье предков
за шагом – шаг, за шагом – шаг.

Иван Нечипорук

г. Горловка

Час «Ч»

И был час «Ч» прописан точно:
Страх оборвать пришла пора!
И распахнулся фронт восточный...
И нужно нам дойти до Волчьей,
А там, глядишь, и до Днепра.

Пусть злоба хлещет грязным валом,
Пусть воют западные СМИ...
Россия, опустив забрало,
В пылу военного запала,
Переворачивает мир.

Только шаг

Только шаг отделяет тебя
От летальной дурной круговерти.
Город болью объят –
Именины сегодня у смерти.

Март рыдает, хрипя,
Полдень скатерть кровавую стелет...
Только шаг отделяет тебя
От зловеще-секущей шрапнели.

Донецк - 14.03.22

Расцветающий июнь

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило
в рост побег,

К окопам подступила мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

Сердце России

Донбасс – сердце России!
Плакат 1920-х годов.

*Ведь Русскому миру сейчас не до этого.
Читают все Рыжего и слушают Летова.*
Анатолий Сорокин

А мы на окраине Русского Мира
Живём, оторвавшись,
по правилам новым...
Живи – не хочу, меж воронок лавируй,
Ходи на «Юнону», читай Шавкунова.

Донбасс – это край не избитого края,
Здесь всё по-другому,

здесь слушают чаще
Вадима Самойлова и «Зверобоев»,

Здесь даже надежды,
как песни, звучащи.

Мгновения ценят, не боятся с жиру,
Традиции чтут и берут за основу.
На дикой окраине Русского Мира
Читают Черницкого и Иванова.

Кому-то покажется быт здесь убогим,
Увечным, поруганным, не экстра-класса,
Но к сердцу России ведут все дороги:
Идут из Донбасса – приводят к Донбассу.

Похолодание

Хороводит холод, свет не мил.
Этот ветер лют и быстрокрыл
Свищет в кронах мартовского сада...
И не ясно, то ли Ангел вострубил,
То ли это отзвук канонады.

Потепленье оказалось сном,
Бытие перевернув вверх дном,
Март в безумных корчитя ужимках...
За моим простреленным окном
Вьётся одинокая снежинка.

* * *

*Пусть дым горящего Вьетнама
Земле вьедается в глаза.*
Николай Тряпкин

Мой край тревогой опоясан:
Пустые выселки вдоль трассы,
Дома – без ризы образа.
Об этом нужно рассказать,
Чтоб дым горящего Донбасса
Европе разъедал глаза.

Мир рвётся чаще там, где тонко
Наш кряж в разломах и воронках,

Но ты не верь, что правды нет.
Знай и по истеченью лет
За каждую слезу ребёнка
Однажды взыщется ответ.

Держись, Горловка!

Не сдаётся зима, и осколки пронзают
сугробы,
Давят мысли и страхи,
когда сам с собой не в ладу.

Этот город –
души моей вечный Чернобыль,
И алтарь, на который я сердце кладу.

Город-мученик, он, опалённый огнём
«операций»,
Так устал содрогаться, и чувствовать
привкус вины...
Я молю: «Продержись! Мы должны
продержаться!
Есть надежда, что мы на пороге весны!»

Александр Рак

г. Макеевка

Юго-восточное счастье

В шесть часов вечера после войны
У полуразрушенного привокзального
фонтана
Отзвонит колокол, и встретимся мы...
Мы и, надеюсь, мама –
Если бессмысленная эта война,
Ненужная Западу и Востоку,
Закончится в обозримые времена,
А не к назначенному кем-то сроку.

А пока – за счастье, если мина мимо,
Если есть в кармане вместо «Винстона»

«Прима».
И если назло всем смертям вокруг
Отзвонится из зоны боёв мой друг...

Минск - 2

Что недавно казалось адом,
Стало будничным в этот год:
Засыпаю под канонаду,
Просыпаюсь под пулемёт.

И будильник – простой довесок,
Отмирающий мирный быт:
В пять ударит укроп из Песок,
В шесть «ответка» к нему летит.

В восемь – лучше бы уши ватой,
Кто живой и не идиот:
В восемь лупят в Ясиноватой –
Фифти-фифти прилёт-улёт...

Так, на радость заморским гадам
Не познаша свой – своего.
...А сегодня – упало рядом.
Перемирие, мать его.

Забери, Господи...

Забери, Господи, память мою,
Слишком она тяжела.
Ты души прибрал, земля – тела,
Я остальное храню:
Как колосья, срезанные на корню,
Вею и ворошу,
Из угла в угол ношу
По тысяче раз на дню...
Забери, Господи, Слово моё,
Не елей оно, а яд –
Если в пламени хаты горят,
И скарб горит, и жнивье...

И забери, Господи, радугу через лес,
Корнями в добро и в беду:
Всё равно я по ней к тебе не приду –
Без души, без памяти, без словес –
Пока в этом аду
Последний не сгинет бес.

* * *

В канун потопа или битвы
Под треск свечей, в дыму кадил
Несутся ввысь слова молитвы,
Прося защиты вышних сил.

Вручив сомненья и надежды
На попеченье сил добра,
Сомкнув измученные вежды,
Мы засыпаем до утра...

...А там, в тех самых высях горних
Своя, обыденная жизнь,
И по утрам небесный дворник
Сгребаёт снег и сыплет вниз...

Патерностер

Тебе наобещают много,
В дорогу ксендз благословит –
И вот от львовского порога
Орёл на бой святой летит.

Но как помнут в Донбассе кости,
Слетит под пулями кураж –
Дойдёт к тебе, что «патерностер» *
Отнюдь не только «Отче наш»...

---

* патерностер – Господня молитва на латинском языке (от лат. Pater noster – Отче наш); Патерностер – вариант оснастки фидера (рыболовной донной снасти).

Наталья Романова

г. Луганск

Родительский дом

Там шёлка нет. Шелковичный узор
Вползает в тень стареющего дома.
Там в детстве я,
как Гекльберри с Томом,
Ведром сирени красила забор.

Там снится сон горячий вековой.
В нём русский дух летает над Луганью.
Река шахтёров стала иорданью,
Где крестится сегодня шар земной.

Где мергель стен давно уже разбит,
Там нет совсем ни серебра, ни злата.
Зато растут смородина и мята,
Зато компот с утра уже кипит.

Который день вдыхая зелень штор,
Кошачий царь лежит в тени вишнёвой.
И я иду по улице Садовой
Туда, где ждут и любят до сих пор.

Зона АТУ

В ветках запутался мёртвый грач.
Перья его – зола.
Землю мою обошёл палач,
Сел во главе стола.

Яства готовы: вороний глаз,
Кости, трава полынь.
Скучно и горько. А мой Донбасс
Пьёт молоко святынь.

Быстро, как птицы, взлетали ввысь
Брызги кусков стекла.
В старой духовке, не смазав лист,
Пекло земля пекла.

В печке горели среди всех зол
Мысли мои в дыму.
Новой метлою до ночи мёл
Ветер в моём доме.

Полуслепой, но, как Божий глас,
Ворон кричал в бреду,
Что на закате в родной Донбасс,
В землю его паду...

Гости

Кровать-скамейка. На ней рожали...
Древесный запах заполнил дом.
Скрипели двери, – войны скрижали
Писались тоненьким угольком.

Сходились гости. В руках – по стопке.
Спешили, видно, на огонёк.
С размаху Слово бросали в топку.
А на дощечке спал мотылёк.

Сражались мысли на поле битвы.
Пищали мыши на чердаке...
А к сердцу близко
Дрожал, как листик,
Листок с молитвою в левой руке.

Гремели кружки. Горели свечки.
Смеялись люди. Им невдомёк,
Что Божий Ангел достал из печки
С горячей кашею чугунок...

Сорок дней

Эти дни не асфальтной корочкой,
А землёю в слезах покрыты.
Маму ждут. И на небе, Колечка,
Книга жизни теперь открыта.

И идёт, и идёт по лестнице,
В небеса постучав молитвою.

А такая малютка! Вместится
И в ладошку твою раскрытую;

А одета - совсем уж простенько.
И идёт. Но пути расходятся.
Если вдруг нападут у мостика,
Пусть заступится Богородица.

Уходят дома...

У меня на руке – почерневшая дробь
из черники.
Не растёт на лугах эта страшная спелая
дробь.
Вот опять Петербург дал ночлег
перехожей калике,
И Луганку мою заменила холодная
топь...

Как трамваи, дома уходили и прятались
в дыме.
Их съедал этот дым, словно пищу
последних иуд.
Я оттуда ушла,
ведь на площади Горького ныне
Только травы, как свечи, и свечи,
как травы,
растут...

Мама, не лови чёрных птиц...

Птицами на кончиках спиц
Вяжется повозка угля.
Мама, не лови чёрных птиц,
Крылья их, ты знаешь, – земля.

Я тебе платок привезу.
Хочешь оренбургский платок?
И сотру с берёзы слезу.
Горек твой берёзовый сок.

Станешь у калитки с котом.
Только не смотри, как кроты
Роют под станичным мостом,
Строят земляные мосты.

Только жди. И летом в жару
Я приду вергунской тропой.
Обнимусь, родная, с тобой
И умру. В тот час и умру...

Мой брат шахтёр

Ромке

Братишка мой, а ты из той породы,
Что строит всё: сарай, планету, дом...
Сегодня мир не ручкой, а углём
С трудом по строчке жизнь твою
ВЫВОДИТ.

Тепло печи и всё, что было к хлебу,
Делил со мной,
                  как самый добрый брат.
В твоей судьбе никто не виноват,
А голод... Легче он ведёт нас
К НЕБУ.

С утра в забой штурвал от корабля
Несёшь в надежде что-то изменить.
В руке, как уголь, –
                  чёрный твой магнит,
В глазах – искрится золотом
ЗЕМЛЯ.

Владислав РУСАНОВ

г. Донецк

* * *

Мой город. Мой Донецк. Моя печаль.
Вдохнул со стоном. Глухо. Больно. Стыло.

Так плачет оцинкованная сталь
от лёгкого прикосновенья била.

Молчит труба. Архангелы не спят,
взирают сверху вниз на толковище.
Лишь некто в белом с головы до пят
кричит, срываясь в рык, на пепелище.

А некто в чёрном скалит тридцать два
на кураже. Он зол, упрям и весел.
Где истина? Слова, слова, слова...
О славе, о героях, о насесте.

Ещё не вечер, не гудит набат,
ещё снаряды не жужжат слепнями.
Донецк не спит и, немотой объят,
молчит, вращая в тишину корнями.

* * *

Год за два на войне, год за два.
Наливается болью трава
и скорбят без коры дерева,
и уже не звенит тетива.
Год за два на войне, год за два...

Год за три на войне, год за три.
Если сердце без фальши внутри,
поднимайся, иди и смотри,
и дорогу другим протори.
Год за три на войне, год за три...

Год за пять на войне, год за пять
Ты уже разучился мечтать,
ты уже разучился летать
и бредёшь через гиблую гать.
Год за пять на войне, год за пять...

Год за семь на войне, год за семь.
В бесконечном больном колесе,
из которого выйдут не все
по полыни в кровавой росе.
Год за семь на войне, год за семь...

* * *

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит не сломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаша
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

* * *

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
день ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут, почти что без надежды,
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, —
долой тоску! —
рекой стальной БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

Александр Савенков

г. Горловка

Письма из ада

*«...он, смеясь, ответил мне:
«встретимся в аду».*

А. Ахматова

1.

она сказала: «встретимся в аду»
и если я всё верно понимаю,
то на беду, на страшную беду
в одном году сошлись три чёрных мая

2.

я пишу тебе из ада
на слепом излёте дня:
кладбище разбито градом,
дом на линии огня,
хлеба нет, надежда только,
что поможет лямку бог

нам тянуть с соседским Колькой,
раз уж чёрт нам не помог,
во владениях аида
шоколадный жирный чёрт...
ну, прощай, сестрёнка Лида,
может, свидимся ещё

3.

вот и медовый спас...
только б хватило сил:
рядом рванул фугас,
мальчик заголосил...
но и в своём аду
город ещё живой:
очередь в триста душ
за питьевой водой

4.

от страха – смех нервозно-сладкий,
а от смешного – не смешно,
где даже спящие с оглядкой
лихую коротают ночь.
быть может, всё свершится скоро,
но час здесь тянется сквозь дни
и люди так вкрапились в город,
что их стирают вместе с ним

5.

им нет покоя – ангельский уют
саднит и колет там, где сердце билось,
им видно землю грешную свою
до мелочей, вплоть до своих могилок...

6.

лучше войны никто не научит
самым простым вещам:
долго ли ждать,
что значит суший,
стоит ли обещать
плачущим детям
детство как праздник,
светлый покров небес...
прошлой и будущей

выверив разность
веры в самом себе

7.

когда вы были молодыми,
именно в те полмига
подыскивал мне ангел имя
в апрельских книгах,
на тёмной дудочке играя,
смывая переливом нот
воспоминания о рае,
что будет всё наоборот
и в разлинованной тетради,
как на фейсбуковой стене,
воспоминания об аде
запечатлеются во мне

8.

пустые слёзы на щеках
под ветром стылым:
всё то, что мнилось – на века! –
сошло в могилу.
талдычат суетные дни
войны законы
да колоколенка бубнит
чудные звоны
и чья-то жизнь длиною в шаг
из ада в царство,
пока другой душе душа
плетёт мытарства

9.

но мы друг другу стали ближе,
иного не нажив добра,
когда вовсю пытались выжить,
чтоб научиться умирать

10.

и кто-нибудь потом напишет:
здесь люди-стены, люди-крыши,
как дети, мечутся во сне
и кровь, как звон, в набрякших венах
о всех невинноубиенных
на диком поле наших дней.

* * *

бывает так, и было так, и будет:
внезапность, очертив незримый круг,
тасует судьбы на зеркальном блюде,
как мишуру на ледяном ветру...
ещё покоен дом и дети рядом,
и ужин на столе горячий, но
смерть за спиной стоит
с холодным взглядом
и смотрится в разбитое окно...
и треснет время в деревянном чреве,
и протечёт забвением имён,
и дочке будет пять, а сыну – девять
отныне до скончания времён.

* * *

небо рушилось на дома,
камни брызгали ало...
так хотелось сойти с ума,
и не получалось.

накрывала и кровь, и боль
жирная копоть...
так хотелось, чтоб мир – любовь,
а не окопы.

искорёженной жизни ось
просто вырвут, как жало...
запрягай, мужичок, «авось»,
трогай помалу.

Василий Толстоус

г. Макеевка

Третье лето

«Не пропущу! –
сказал солдат сурово –
Звонит разведка, что «укроп» звереет.
Мы ожидаем ночью много крови:
за тем леском стоит их батарея».

Так что же, говорю ему, нам делать?
На завтра приглашает пенсионный.
Со мной в машине едет пол-отдела,
а в целом нас, наверно, миллионы.

Мы заработали свои копейки,
на них живём, без них подохнем скоро.
«Не пропущу, родные, хоть убейте –
вздохнул солдат. – Мы защищаем

город.

Вот перебьют вас на нейтралке,
в роще –
а нам ползти, ведь мы своих
не бросим».

Я оглянулся. Мой родной, хороший, –
Донецк, переходящий мягко в осень,

на горизонте заиграл огнями.

Пенсионеры вышли из машины,
под ветром ёжась налетевшим,

пьяным:

он дул с полей, что стали вдруг

чужими.

Сказала женщина: «Ну что ж, уедем.
Быть может, снова выберемся утром.
Мы днём и ночью молим о победе,
но и без пенсий невозможно,
скрутно».

Мы уезжали с линии контакта.

Путь освещала красная ракета.

Темнела рядом взорванная шахта.

Кончалось третье огненное лето.

* * *

Смущаясь, дети попросили:
«Присядь, попей. Припомни, дед –
ты был когда-нибудь в России?
Ведь прожил, чай, немало лет.
Скажи: она вообще какая?
Такие ж хаты ли на ней?»

Ответил дед: «В ней нет окраин.
Земель немилых нет, верней.
В ней было место и Донбассу,
и прерий крымских ковылю.
Я понимал всегда и сразу,
что на Дону её люблю,
что я люблю её на Волге,
и на Днепре, и на Неве,
был не чужим в Москве нисколько,
ведь с детства думал о Москве».
«Ну что молчишь? Ты озадачен?
Бывают лучшие края?»
«Я не молчу. Я просто плачу:
Россия – родина моя».

* * *

По праху нынешних руин
хожу, золы не замечаю.
Ворон прожорливых круги.
Пожаров зарево ночами.
Стихи писать ли? Но о чём?
О том, что водка лучше пива?
Пожалуй, да. Вот и начнём:
помянем прошлое красиво.
Припомним тех, кто удирал,
кто проклинал и ненавидел.
Вот чемодан, а вот – вокзал,
взвивайся, воландова свита.
А мы построим на золе,
наверно, что-то неплохое.
Нам нужно десять, двадцать лет,
не больше. Время-то уходит...

* * *

Что нет войны – о том сказал
приёмник,
а телевизор скромно промолчал,
но в глубине оконного проёма
разрывы бомб изводят по ночам.
Сосед безногий курит на балконе
и смотрит, щурясь, к северу от нас,

туда, где за Щегловским
терриконом
грохочет позабытая война.
Напротив дом. Дырой зияет крыша.
Картина веет чем-то неземным.
Жена уснула. Спит и ровно дышит –
привыкла за все годы не-войны.
Часы на кухне бьют негромко
полночь.
Сосед стоит и матом кроет жизнь:
«Я здесь один, придите мне
на помощь,
а мне невмочь: мешают этажи.
На край передний к вам я улетел бы
и взял бы в руки верный автомат.
В боях я был, на небе толком не был,
в бреду меня звала оттуда
мать».

Он снова плачет.
Каждый вечер то же.
Скрипит протез, и дальше –
тишина.
Его жена у мамы в Запорожье
и не звонит в Макеевку она.

* * *

Снаряды ложатся кучно.
Проснулся, и не до сна.
Не знаю, что делать лучше.
Трезвонит стекло окна.
Жена, чуть дыша, шепнула:
«Я слышу сирены вой.
Болит голова от гула
и лязга по мостовой».
А это куда-то танки –
железные существа –
стремительно спозаранку
направились воевать.
Огни над Ясиноватой,
и там, где аэропорт.
Наверное, виноваты,
что живы мы до сих пор.
Мне кажется, что-то в мире

сложилось не так для нас,
и дышим вдвоём в квартире
как будто в последний раз.

Елизавета Хапланова

г. Макеевка

* * *

Белоликая Москва –
ни румянца, ни слезинки.
Только влажные снежинки
да весомые слова.
Только русская тоска
под церковей хорал стозвонный.
Да солдатские мадонны...
И священные войска...
Тайны нет, загадок нет –
всё исконно, повторится.
И с вражиной станет биться
правнук также, как и дед.
Тает, тает, тает снег...
Сыплет зимушка за ворот.
И блестит огнями город,
и несёт над миром свет!

Будем жить

Мужчине за честь
для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!»
–
И больше ни слова об этом.
О жарких боях не дознается мать,
Об этом не скажут невесте.
Служить, так служить! Воевать? –
воевать
С достоинством, верой и честью.
Лишь вздрогнет над ним
голубой небосвод,

Завидев солдатскую ярость,
Услышав знакомую фразу: «Вперёд!»,
Что в русской крови прописалась.

И в схватке лихой он, мужчина-боец,
Познает свою же породу.
И грудью пойдёт на летящий свинец,
Не знамо ни леса, ни броду.

Но надо дойти. По-другому никак.
Добыть для России победу!
Сквозь дым рукопашных,
сквозь ветер атак.
Сквозь память о подвиге дедов.

Мужчине за честь
для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

Жатва

Смертоносная жатва осени,
Приближающей «Час Быка»...
Все мы нищие, все мы босые.
Но крепки и рука, и строка.

Все мы странники безнадёжные
По дороге в небесный край.
И бредём к Алтарям... безбожные.
А не спрятался, – погибай.

Нам привычно пером и шпагою
выбирать свой дальнейший путь.
Но взлетает Душа – не падает! –
когда пуля достанет грудь.

Все мы держимся эфемерностью,
иллюзорностью бытия...
Только б нам доставало смелости
застилать свою жизнь в поля.

Смертоносная жатва осени...
 Надо выдержать новый бой.
 Под наркозом ли... под колёсами...
 не раздавлены под пятой.

И не каменные, не свинцовые,
 не металлом влитые в жизнь, –
 Будут розы цвести – садовые!
 Словно символ: «Донбасс, держись!».

Сколько жатва ещё протянется? –
 Всё мы выдюжим, вот те крест!
 Не бывало, чтоб Каин каялся.
 Но распятый-то Сын воскрес...

«Час Быка» невозврата точкою
 отмечает ладони нить.
 Но Донбасса сыны и дочери, –
 вот те истина! – будут жить.

Сбереги меня, Россия

Ты – эпоха и мессия,
 Я – печали и долги.
 Сбереги меня, Россия,
 Словно иву у реки,
 Словно длань твою и латы,
 Сохрани для ратных дней,
 Словно флягу – для солдата,
 И для путника – ручей.
 Окорми стихом Завета,
 Дай пройти твой пыльный путь.
 Я тебе за всё за это
 Пригожусь когда-нибудь.
 И прикрою грудью верной,
 И вдохну вторую жизнь.
 Стану над твоим рассветом
 Будни светлые вершить.
 Ну а если оборвётся
 На тебе моя строка,
 Небу русскому всплакнётся, –
 И наполнится река...

Не ишу судьбы красивой, –
 Век мой странный и благий.
 Сбереги меня, Россия...
 Для себя же сбереги.

Военно-оптимистическое

Ничего не поделаешь.
 Время диктует своё...
 Только память суровая
 мысли уносит к проспектам,
 где кормила с ладони
 голубушек и воробьёв,
 где в сезоне любом
 душу грело беспечное Лето.

Вырастаем из крыльев.
 Уходим из белого сна...
 Не остаться ребёнком,
 когда наши дети взрослеют
 не от прожитых лет – от картин,
 что приносит война.
 Раньше срока взрослеют...
 А мы – раньше срока седем.

Только время придёт собирать не беду,
 а росу!
 Строить новую жизнь
 на вчерашнего счастья обломках.
 С терриконов тянуться,
 чтоб в небо плеснуть бирюзу.
 Ставить в землю кресты...
 И латать меж крестами воронки.

Анна Шемахова

г. Горловка

* * *

Я – Россия.
 Я – мать.
 Для своих сыновей
 Не жалела я золота
 чистых полей,

Не жалела небес голубой вышины,
Не желала войны.

Я – Россия.
Я – мать.
Мои дети в крови.
Вновь рождается ад
                среди спелой травы.
С неба сыплет огонь, я кричу,
  но терплю.
Я прощаю, я верю, я жду, я люблю.

Я – Россия.
Я – мать.
Моё сердце в крови.
С неба сыплет огонь,
В ряд стоят упыри.
Кто поможет тебе? –
Злобный хохот вокруг...

Я – Россия.
Я – мать.
Вот мои сыновья.
    Устоять им поможет родная земля.
Кто за пазухой носит не камень, а
горсть,
И чьё сердце всей силою
  с правдой срослось.

* * *

На веранде тепло и мухи,
Старый таз и ветхий ковёр.
Этот дом, как символ разлуки,
Молчаливо смотрит в упор.
Он обижен, забыт, не обжит.
Огород травую зарос.
Из забытых клеённой окон
Больно режет немой вопрос.
Где обещанный смех детский?
Где песочница, шум и гам?
В окнах свет, аромат специй?
Чай с оладьями по утрам?
Непутёвая злая ведьма,

Счастье здесь спугнула война.
Хлещет дождь ледяною плетью.
В доме мыши и тишина.

* * *

Каждый день
обстреливают город,
Я устала вслушиваться в бой.
Город мой,
как будто незнакомец,
Прячет боль.

Плёнкою затягивает раны,
И опять под вражеским огнём –
Гордо-каменный,
великий и упрямый
Город мой.

Андрей Шталь

г. Краматорск

Великий пост

*Идёт смерть по улице,
несёт блины на блюде.
Егор Летов*

Сохрани, Господь, спаси
Земли Киевской Руси!
Сорок дней Великий Пост
Упирается в блокпост.

А на масленой неделе
Города кругом горели,
Прилетало тем и этим
По крылатой, по ракете.

Ходит смерть, косою гладит,
Людям раздаёт оладьи
На муке да на воде,
На чудовищной вражде.

Бездушная тревога

Закрылись магазины,
исчезли спички, соль,
Бездушная тревога
звучит на ноте «соль».
Пытаюсь отрешиться,
за восемь лет устал...
Вчера горела школа,
позавчера – вокзал.

Сегодня вновь прилёт,
я насчитал душет.
Уходит Украина,
зачем-то гасит свет.
Истерика и бегство
из ада в новый ад,
И судя по прогнозу,
сегодня снова град.

Андрей БАЛАШ

(16 лет)
г. Донецк

Бате

А.В. Захарченко – Человеку и Герою

Говорят, что смерти вовсе нет,
Есть тот мир, куда уйдём когда-то,
От руки врагов на этот свет
Наш отправился любимый Батя.

Не забудем, не поймём и не простим,
Кулачки сжимая из ладошек,
Наш Донбасс врагу не отдадим,
Нам до Мира, дорогой, немножко.

Навсегда запомним твой завет,
Ведь в нас каждом огонёк Победы,
И хотя мне так немного лет,
Но за мной Отцы стоят и Деды.

Смерти нет! Не будет никогда!
Батя наш, прощай! И будь, что будет!
Будь навеки проклята, война,
Наш Донбасс Героя не забудет.

Василий Кравченко – любимый писатель моей семьи

Очерк

В мае 2022 года исполнилось бы 85 лет известному тамбовскому писателю Василию Васильевичу Кравченко. Молодому читателю его произведения малоизвестны, несмотря на великолепный русский язык, которыми они написаны, а также оригинальность и динамичность их сюжетов. Вместе с тем, Василий Васильевич был одним из патриархов тамбовской литературы, автором более 15-ти книг публицистики и прозы, полюбился читателям книгой «Лицедеи», одной из самых известных в творческом багаже автора, и своими хрониками конца 20-го века - «Графский наследник» и «Сага о заблудших». Примечательно, что Василий Васильевич полагал, что последнее десятилетие ушедшего 20-го века будет называться «борисовщиной», и сейчас все смогли убедиться, что его слова были пророческими.

Моё знакомство с В. В. Кравченко состоялось в 1994 году, благодаря его детям, сыну и дочери, с которыми мне довелось вместе работать. С первой же встречи я обратил внимание, что это интеллигентный, но всё же простой в общении человек, пронизан человеческой любовью и заботой не только о своих близких, своих учениках, но и о людях, которые его окружали. С какой любовью он относился к своей супруге, детям и внукам. С каким трепетом и любовью говорил о своём детстве и родителях. С каждой новой встречей с этим удивительным, сильным человеком, моё мнение только укреплялось. Позже, уже познакомившись с творчеством Василия Васильевича, я обратил внимание, что в каждом его произведении, даже несмотря на криминальную сюжетную линию, содержалась та необходимая толика оптимизма, без которой любая книга о нашей жизни была бы беспросветна, скучна и вряд ли заинтересовала бы читателей.

С этого времени Василий Васильевич стал одним из самых любимых писателей нашей семьи. До сих пор с большим удовольствием перечитываем его произведения, а в день его памяти стараемся познакомить с ними новых читателей и увлечь их. Мне кажется, что его произведения и сейчас не потеряли своей актуальности, потому что он искренне писал про нашу жизнь, про нас и нашу страну, заставляя читателей вольно или невольно задумываться о себе и своём месте в окружающем мире. Несмотря на трагичность судьбы практически всех его персонажей, его произведения просто пронизаны стремлением к добру, честности и справедливости. Его книги заставляют думать, оценивать, делать выводы о человеческой сущности. Он умел сделать так, что читатель становился самостоятельным действующим персонажем, который не просто следит за развитием сюжета, а невольно сопоставляет себя с литературным героем, с описываемой ситуацией, «живёт» там «внутри». Ему удалось донести до читателя через своих литературных героев одну самую важную мысль, что главное – это не жить

«хорошо», а хорошо «жить». А это удаётся только большому мастеру.

Хотелось бы вспомнить, что последний при жизни Кравченко В.В. роман «Не суждено нам жить в Париже» был опубликован в 2013 году. Помощь в издании книги оказали многие люди, с уважением относившиеся к писателю. Сам Василий Васильевич с болью рассказывал о трудной судьбе этого произведения, которое было написано за 20 лет до его действительного издания. Этот роман, со слов Василия Васильевича, должен был быть опубликован в престижном московском издательстве ещё в 1996 году невероятным тиражом – сто тысяч экземпляров, но не сложилось. В творческой биографии писателя это был не первый случай, когда уже стоявшая в планах того или иного издательства книга не выходила в свет по различным причинам. Если в советские времена препятствием могла стать цензура, слишком злободневные и остросатирические мысли писателя имели место в его произведениях, то в 1996 году причина была банальна – отсутствие финансов. Мне, как и многим, помогавшим в подготовке романа к печати, посчастливилось принять участие в то время, когда Василий Васильевич готовил роман к печати, с большой радостью обсуждая его с мастером. В результате после этих обсуждений Василий Васильевич практически ничего менять в романе не стал. Нам всем было удивительно то, что роман, который был готов за 20 лет до его издания, а сюжет в нём охватывал период смутного времени нашей страны начала 1990-х годов, совсем не потерял своей актуальности. На мой взгляд, читатели книги с удовольствием вновь окунулись в атмосферу провинциального города Лысогорска того времени, как «шифровал» писатель во многих своих произведениях любимый Тамбов, узнавали знаковые для Тамбова места и заведения, многие из которых ко времени издания уже исчезли или коренным образом изменились. Это и парк культуры, и кафе «Кондитерская» на улице Чичканова, где любил бывать Василий Васильевич, и кафе «Лель», и рестораны «Цна» и «Центральный».

До сих пор невольно ловишь себя на мысли, что Кравченко ничего не придумывал, а просто «записывал» жизнь вокруг себя, какой она была. Вот как в своих заметках, вышедших в 2001 году под названием «Всполохи», писал сам Василий Васильевич:

«Есть книги, которые пишутся:

- для своего круга литераторов
- для начальствующего ока;
- для читателей;

и, наконец, пишутся по велению сердца, как Бог на душу положит, – это лучшие книги».

Вспоминаются наши встречи с Василием Васильевичем в семейной обстановке в квартире или на даче. Однако особенно отпечатался в памяти солнечный и морозный февральский день, когда мы с Василием Васильевичем, его дочерью, друзьями на нескольких автомобилях большой компанией выехали на весь день в пригородный лес Тамбова. Василию Васильевичу уже было тяжело ходить, но он так радовался этой вылазке на природу, рассказывал о забавных

случаях своей жизни, радовался, вспоминая свой последний роман, что внучка Варя всё-таки смогла побывать в Париже. В какой-то момент Василий Васильевич вновь начал рассказывать о своём детстве, прошедшем в тяжёлые военные годы, своих родителях Варваре Фёдоровне и Василии Васильевиче. Мы, затаив дыхание, слушали эти воспоминания и наслаждались спокойным красивым голосом настоящего мастера слова. Затем, когда Василий Васильевич решил немного отдохнуть, мы все раздурачились, как дети, фотографировались, шутили, радуясь хорошему дню и нашей встрече. Уже поздно вечером отвезли Василия Васильевича домой, и расстались, договорившись, когда увидимся снова. Тогда мы ещё не знали, что эта встреча с ним окажется последней.

Все мы рады, что судьба подарила нам знакомство и возможность близкого общения с Василием Васильевичем Кравченко, человеком большой души, а также тому, что при жизни смогли выразить ему свою признательность и уважение к его литературному труду. Надеемся, что ему это было приятно, как любому творческому человеку.

Очень хотелось бы, чтобы его книги были читаемы и любимы.

Андрей ВОЛОЩЕНКО,
близкий друг В.В. Кравченко

Картины Павла Золотова

*Заслуженный художник РФ, Почётный член Российской академии художеств
лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка*

«Поля» 2021г.

«Галя» 2022г.

«Константиново. Цветы Сергею Есенину» 2017г.

«Каир. Терраса» 2001г.

«В порту. Гамбург» 2000г.

«Городок в Польше» 2000г.

«Португалия» 2011г.

«На кордоне» 2014г.

«Осиновка» 2012г.

Василий КРАВЧЕНКО

Губернский предводитель

Повесть

1.

Безделье рождает идеи. Так случилось и с Антоном Епанчиным, закройщиком женской верхней одежды. Теперь уже трудно сказать, кому пришла мысль выучить юношу на эту, отнюдь не современную, профессию. Конечно, в школе он учился весьма посредственно и из всех уроков любил только физкультуру.

Жил он с бабушкой. Отца никогда не видел: мама ездила по вербовке на Север и вернулась оттуда беременной. После родов она вышла замуж и уехала в Киев, оставив сыночка на попечение бабушки, у которой был свой домик почти в центре города.

Бабушка работала на ткацкой фабрике и часто приносила пряжу, которую охотно покупали соседки. Так и перебивались. Но трудно, конечно, приходилось, особенно со здоровьем. И когда Антон окончил восьмилетку, то решил освободить бабушку от забот и определился в ПТУ, которых тогда было множество в городе. В этом ПТУ и готовили мастеров швейного дела. Так и стал он закройщиком.

Вырос он в крепкого, весёлого парня с чёрными усиками. Женщины почитали за удачу попасть в его ловкие руки. Он умел так обмерить фигуру, так щекотно пройти по рёбрышкам, что они просто повизгивали от удовольствия.

И дефицит, конечно, играл не последнюю роль. У Антона всегда имелся в запасе первоклассный материальчик, который он и рекомендовал особо почётным (богатым, естественно) клиентам. В общем, с профессией он определился удачно, заработков на хлеб с маслом хватало. И женился он удачно, взял девушку с приданным – родители дали за ней «Жигули», сама она работала на хлебозаводе и без буханки хлеба со смены не приходила. Потом перешла в кондитерский цех – появились в доме сгущёнка, яйца, даже коньяк хорошего качества.

Бабушка умерла своевременно, долго не болела, и даже деньжонок оставила в сундуке.

Жить бы да жить, но затеялась дурацкая перестройка! Это застарелая

болезнь России – перестраиваться, реформироваться. Всё пошло через пень-колоду. Как раньше было хорошо: все поворачивали понемножку, все об этом знали, жили тихо, не роптали. А тут вдруг – приватизация, ваучеры, акции, фирмы, компании, холдинги и всяческая нечисть. Воровать стали вагонами, составами, деньги возили в самосвалах. Простой человек не мог протолкнуться к кормушке.

В то время Антон встретил своего давнего школьного приятеля Диму Петрова. Дима стал обижаться на жизнь:

– Раньше как было? Иду я домой после работы. Ну, ты знаешь, я на мясокомбинате обвальщиком работал. В сумке у меня – кусок мяса. Меня на проходной даже не досматривали. Теперь, понимаешь, костей для собаки не возьмёшь! Всё в дело идёт! Хозяин ходит по цехам, за всеми наблюдает. Всё, ухожу я с этой работы. И фамилию буду менять.

– Разве Петров – это плохо? – удивился Антон.

– Не Петров я! Наша фамилия была – Цукерман. Отец женился и взял фамилию жены. Евреев, знаешь, прижимали.

– А ты еврей?

– Да. Теперь буду и Цукерман, и еврей.

– А можно так?

– За деньги всё можно. Еврей, дорогой Антон, – не национальность. Нет, это звание! Абрамович! Вансельберг! Шмулевич! Прямо музыка, а не фамилии.

– Ну и что, если ты снова станешь евреем? Думаешь, к тебе потекут молочные реки?

– Потекут... Евреи своих в обиду не дают.

И, правда, Петров-Цукерман вскоре открыл свой колбасный цех. Помогла еврейская община – дали ему уставной капитал.

Задумался Антон. А что, если открыть своё ателье? На первых порах будет шить дома, а там и другое, более просторное помещение займёт.

Но никто не пошёл в захудалый домик Антона заказывать себе костюм... Прогорел он моментально. После чего жена и сказала ему:

– Всё, Антон! Привет. Так жить невозможно. Да, я ухожу к богатому. Это стыдно? Твоими усиками, дорогой, сыт не будешь. Ими только щекотать кое-где.

– Сволочь ты, Анька...

– Может быть. Но такова жизнь. Прощай.

И остался Антон совершенно один в своём ветхом домике. Как жить, чем кормиться?

Пробовал и на стройке работать, и даже в одну редакцию пристроился, но ничего у него не получилось.

Пошёл на поклон к Цукерману, тот взял его подсобником, но когда Антона поймали с куском колбасы в кармане, тут же уволили.

Настали совсем постные дни. От нечего делать в мусорных баках собирал выброшенные газеты и читал.

На одну публикацию в местной газете обратил внимание. Некий автор сообщал о том, что издана краеведческая книга, в которой собраны сведения обо всех проживавших когда-то в Лысогорской губернии помещиках. И даже неко-

торые фамилии приведены: Егорычевы, Плехановы, Кугушевы, Горбуновы, Епанчины... Так-так... Епанчины! А ведь он тоже Епанчин! Значит, потомок древнего дворянского рода.

Ну и что? Мало ли их, этих потомков, бродит по земле.

А всё же это интересно: он, Антон Епанчин, – дворянин. Его деду, возможно, принадлежало какое-нибудь село, дед ездил в карете, а может быть, служил у Деникина или Шкуро; воевал за царя, спасал Отечество от большевиков. Из этого можно кое-что извлечь. Грамотёнки у Антона было маловато, но он всё же кое-что соображал. Раньше ловкие люди кормились рассказами о том, как они совершали революцию, брали штурмом Зимний, падали под пулями юнкеров.

А теперь выяснилось, что Зимний никто не брал, юнкера побросали оружие и разбежались. Теперь начали говорить о доблести деникинских и колчаковских офицеров. Можно насочинять с три короба и этим кормиться. В общем, надо подумать...

Не поленился Антон, побывал в библиотеке, нашёл эту книжонку и прочитал о Епанчиных. Оказывается, в дальнем районе есть даже село Епанчино. Последний представитель этого рода эмигрировал в Мексику. Возможно, у Антона за границей живут родственники. Можно поискать по Интернету, затеять переписку, попросить деньжонок... Разные мысли роились в голове Антона. Затем стали как-то более определённо концентрироваться, мелочёвка отсеивалась. Книжка, вон какая большая! Много помещиков было в губернии. Не все же уехали за границу. Живут потомки в Лысогорске. Нужно их найти, объединить, организовать. А что? Есть, например, общество трезвости... Говорят, прибыльное дело.

Из этой же книжки Антон узнал, что в каждом уезде было дворянское собрание, во главе которого стоял предводитель, а в Лысогорске был губернский предводитель дворянства.

Замётано! Нужно сколотить группу дворянских потомков, собрать их и провозгласить себя предводителем. А дальше? Хо-хо! Будем выколачивать денежки на возрождение России.

2.

Кое-какой опыт организации «дела» у Антона имелся, он же в своё время пробовал открыть ателье, вернее, даже открыл, но быстро прогорел. Теперь предстояло открыть «дворянское собрание». Нужен был устав. И тут Антон понял, что без помощника, грамотного и настырного, ему не обойтись. Хорошо бы это был юрист. Пораскинув мозгами, Антон вспомнил Веру Степановну, которая шила у него костюмчик. Материальное состояние женщины легко определить по её белью. А оно у Веры Степановны было более чем скромное, застиранное. Из разговоров Антон понял, что она женщина одинокая, воспитывает дочку и шиковать на свою зарплату работника отдела кадров задрипанного заводика по ремонту подшипников никак не могла. Физиономией и задней частью фигуры она побуждала мужчин к действию, и Антон раза два назначал ей примерки в вечернее время. Костюм, естественно, был сделан ей бесплатно, она хотела ещё заиметь и

платье, но Антон остыл к ней, заинтересовавшись бюстом новой заказчицы.

Вера Степановна по-прежнему жила в двухкомнатной «хрущёвке» (дай Бог царствие небесное этому радетелю за простой народ, этому изобретателю убогого жилья), при входе в которую Антону показалось, что он был здесь только вчера.

Стоял тихий летний вечер. За соседними домами прятался красный шар солнца. В квартире немножко пахло пылью и каким-то запустением.

Гостью хозяйка была удивлена и обрадована.

– Антон! Что это вдруг ты вспомнил?

Бледное лицо её вдруг порозовело, в глазах вспыхнул огонёк.

– Да вот иду... Я же тут недалеко...

Антон что-то бормотал, вдруг пожалев, что заглянул в этот уголок бедности.

– А я одна живу. Дочка замуж выскочила. Видишь, как время бежит... И я совсем постарела...

– Ну, не говори... Нормально выглядишь.

– Эх, Антоша... Никому не нужна старая кляча. Раньше мужики заглядывались, помогали решать вопросы... А теперь я не у дел. Сократили меня, Антон. Живу на пособие. Тебя сам Бог ко мне прислал...

– Ну что ж, как дворянин я обязан помочь женщине, – значительно произнёс Антон.

Вера Степановна с удивлением посмотрела на него.

– Да, я столбовой дворянин Лысогорской губернии. Предводитель!..

Вскоре они пили чай, и Антон посвящал Веру Степановну в свои планы. Она внимательно слушала, восторженно качала головой.

– Ты гений, Антон! Тут можно грести деньги лопатой. Ну, ты меня берёшь в свою контору?

– За этим и пришёл. Только – чур: на первых порах поработаешь за «так». Денег у меня нет.

– Я потерплю! У нас будет много деньжищ! Антоша, миленький, дай я тебя поцелую!

– Без этого, Вера! Только деловые отношения.

Не мог же Антон признаться, что от Веры Степановны исходил запах сырости и старой капусты.

– Да, да, Антон... Сергеевич?

– Точно.

– Сергеевич... Я уже не та. Я понимаю. У женщины есть две главные части тела: голова и задница. У меня, к сожалению, осталась только голова. Она ещё работает. И мы с тобой такие дела провернём! А женщины... В каждой порядочной фирме всегда держат двух-трёх молоденьких шлюх. Не пропадёшь. Уж я позабочусь.

– Ну, ты, Вера, придумаешь...

– Не рассказывай сказки! У мужиков только одна главная вещь... Она заменяет вам и голову, и сердце. Ладно! Давай о деле. Устав я подготовлю за пару

дней. Найду что-нибудь похожее. Например, Союз ветеранов Афгана. Идёт? Ты ищи учредителей. Их нужно человек десять. И уставной капитал. Он есть у тебя?

– Нет.

– Думай. Продай машину.

– Она и даром никому не нужна.

– Возьми кредит.

– Слушай, может, ну его всё к хренам? – обескуражено сказал Антон. – Влезешь в долги... И где я так быстро найду десяток дворян?

– Ну, милый мой, берёшься за гуж – тяни. Первой дворянкой у тебя буду я.

– Ты?

– А что? Моя фамилия – Зубова. Вот и всё.

– Всё, да не всё! Девичья какая фамилия у тебя?

– Зубова. Я не меняла при замужестве. Так что я – дворянка. Притом графиня!

– А чем докажешь?

– А кто будет копать? Больше юмора, Антон. Относись к своей затее с юмором. Мы все произошли от обезьяны. Знаешь об этом?

– Да, говорили в школе...

– Так что дворяне, всякие князья, бароны – это чушь собачья. Но нажить-ся на этом можно. Вперёд, Антон!

Вера Степановна буквально загорелась начавшейся авантюрой и на глазах у Антона преобразалась, словно обмякший шар наполнили воздухом. На какой-то миг Антон испугался, что эта женщина перехватит у него инициативу, настолько она пришлась ей по душе.

3.

Любой справочник начинается с буквы «А». Справочник «Лысогорские помещики» не изменил этому правилу: Абакуловы, Арбузовы, Аракчивы, Арцубашевы... Много их плодилось на этой земле. И все жрали, танцевали, прелюбодействовали. А народ в это время гнул на них спину. Правильно сделали большевики, что скинули это ярмо...

Примерно так ещё недавно думал простой закройщик Епанчин. Однако, став «помещиком», он несколько перестроил ход своих мыслей. Совсем неплохо иметь тыщонку гектаров земли да в придачу ещё и крепостных. Каждый день – щи с бараниной, стопочка холодной водочки и к услугам – хорошо отмытая девка. Допустим даже, что у неё потрескавшиеся пятки – это дело устранимое, нынче разных кремов напридумывали. Помещик Антон Епанчин к своим крепостным относился бы гуманно, разрешал бы вечерами играть на гармошке и плясать «Барыню». Красота! «Выйду я на улицу, гляну на село...»

У пруда дом с колоннами, на пруду лебеди, посреди пруда – островок, а на нём – балерина, в чём мать родила...

Итак, начнём с Абакуловых. Есть в области село Абакуловка — он ездил туда с приятелями на рыбалку. Открываем телефонный справочник. Ого,

их сколько! Не объяснять же каждому причину звонка. Нужны люди пожилые. Начнём...

– Алло, квартира Абакуловых? Здравствуйте, вас беспокоит комитет ветеранов войны. Скажите, у вас нет... Ах, нет. Извините.

Раз за разом, наконец, вот оно:

– Есть ветеран?

– Да, есть. Дедушка, тебя...

Поговорили, условились, встретились. Сухонький старичок, в потёртом кителе и пропотелой фуражке образца Отечественной войны, с небольшим медальным иконостасом на груди. Ещё бодренький, подвижный, с острым взглядом.

Говорили во дворе четырёх многоэтажек, как в глубоком колодце. Сюда не пробивалось солнце, и посаженные когда-то новосёлами берёзки неестественно вытянулись, как запоздалые невесты. И хотя Антон представился работником непонятого комитета, старик всё равно считал его корреспондентом и пытался дать интервью.

– Мы, значит, на левом берегу Днепра, а немец нас жмёт с правого... А вода холодная...

– Пётр Игнатьевич! Меня интересуют ваши корни...

– Это как же?

– Ну, откуда вы родом, какая у вас родня...

– Родом я из Замотаевки. У нас там, почитай, все Замотаевы. И барин был Замотаев. Мой папаша самолично срубил ему голову. На коне, саблей! Вот так подлетел, взмахнул и раз — голова слетела. Сам видел.

– Сколько же лет вам было тогда?

– Ну, считай... Я-то родился в двадцатом.

– Так, может, вас ещё и на свете не было?

– Может, и не было. Ну, другие видели, рассказывали. Отец был отчаянный рубака. У Будённого служил. Он этих беляков рубил, как капусту. Так и напиши. Не бойся. А что слышно насчёт прибавки к пенсии?

– Будет прибавка, обязательно будет. Кто рубил беляков – тем обязательно будет.

– Да ведь их, почитай, уж и нет – будёновцев-то. Все повымерли.

– Будут туда пересылать, – Антон ткнул пальцем в воздух.

Старик принял шутку и засмеялся. С тем и расстались.

Антон понял, что таким образом он ничего не добьётся. Нужно подходить с другой стороны, от противного. Теперь он знакомился с ветеранами и говорил примерно так:

– Я представляю международную ассоциацию русских дворян. Мы в России ищем потомков древних фамилий и будем оказывать им материальную помощь.

Шкала роста дворянских наследников резко подскочила вверх. Самым популярным был вопрос: «А сколько будут давать в одни руки?» На это Антон, наученный пресс-секретарём Верой Степановной, отвечал: «Это зависит от того,

какие доказательства своего высокородства вы представите». Повторных звонков было мало.

С одним из претендентов Антон встретился для более тесного знакомства. Встреча происходила рядом с его домом возле магазина «Перекрёсток». На небольшом клочке земли, огороженном на кладбищенский манер, стояло несколько вкопанных столиков, а возле них, вдоль ограды, росли кусты акации, создавая великолепную тень. Мимо шли прохожие, проносились по дороге автомобили, а в этом алкогольном оазисе было уютно, выпивохи разговаривали мирно, тихо, словно поминая покойников. Рядом находилась аптека, в ней Антон с новым знакомым взяли пару пузырьков спирта, в магазине купили целую селёдку, кружок ливерной колбасы и разовые стаканчики. Будущие помещики привыкали к роскоши.

Претенденту на дворянство было тоже лет под сорок, работал он автомехаником и выглядел довольно культурно, а фамилию имел очень звучную – Самохвалов, Игорь Семёнович. Его предок служил акцизным чиновником и удостоился потомственного дворянства.

– Скажи самое главное: убивать никого не придётся? — допытывался Игорь Семёнович. – У меня двое детей...

– О чём ты говоришь? — возмущался Антон. – Мы же дворяне, благородные люди! Мы объединяемся!

– А для чего?

– Как для чего? Ну, чтобы... Ну, помогать друг другу... Вон как чернобыльцы, афганцы...

– Ты не крути, Антон! – они были уже на «ты» после третьего пузырька. – Не вешай мне лапшу на уши. И афганцы беспешинно торговали импортом. И инвалиды... А ты что будешь иметь?

Короче, мужик попался настырный и неглупый, пришлось частично раскрыть ему карты. Игоря это устроило, и он добровольно, за свои кровные, взял в магазине бутылку водки и два плавленых сырка.

В разгар банкета, когда они обнимались и плакали по поводу безвременной гибели государя-императора, нагрянула патрульная милицейская машина и доставила их в медицинский вытрезвитель.

Составили протокол. На вопрос о месте работы, Антон сказал:

– Предводитель дворянства.

Сержант скривился:

– Уж сказал бы проще: принц Уэльский. Допился до белой горячки. Сейчас мы приведём тебя в чувство.

И Антона сунули под такой обжигающе-холодный душ, что он заверещал заячьим визгом.

– Во, сразу видно: предводитель команчей! – посмеивался сержант, учившийся заочно в университете. – Сначала научись водку пить, а уж потом...

Он не знал, что «потом», махнул рукой и включил горячую воду, после чего Антон проснулся только к утру.

– Штраф будем платить? – спросил сержант. – Деньги есть?
– Нет. Я безработный.
– А что, предводителям не платят? – насмеялся просвещённый мучитель.
– А где мои деньги? – встрял в разговор Самохвалов. – У меня были две-
сти рублей. Теперь их нет!
– Ну, ты, наверное, тоже дворянин? – спросил сержант.
– Не твоё дело!
– Ай, как некультурно! Я, между прочим, при исполнении! И за оскорбле-
ние...
– Я ещё не оскорблял!
– Вот и воздержись! Двести рублей... Ты хоть помнишь, как тебя зовут?
Пропили со своим дружком-предводителем, а теперь... Штраф взыщем через
суд. Марш отсюда!
На улице Самохвалов сказал:
– Ну тебя с твоим дворянством. Глупость всё это. Никто тебе гроша лома-
ного не даст. Прощай, предводитель!
Неудачно закончилась и эта попытка. Хорошо шли дела только у Веры
Степановны. Она записала уже несколько «дворянок». Одну из них, вертлявую
девицу лет двадцати пяти, она привела к Антону домой.
– Вот, познакомься: Галина Голицына. Звучит?
– Угу... – буркнул предводитель.
– Только я на групповуху не согласна, – заявила Голицына.
– А иначе нельзя! У нас ведь будет дворянское собрание.
– Ого! Это уже полный облом!
– Так, давай к своему корнету Оболенскому! – выпроводил её Антон. – Ты
кого привела? – спросил он Веру Степановну. – Под каким забором ты её нашла?
– Ничего подобного! Очень достойная девушка, работает в банке. Просто
у неё мозги куриные. Тебе какая разница?
– Прямая разница! К нам будут приходить, приезжать из-за границы...
Мы же не в бордель набираем.
– Можно подумать, что графини святые... Все одинаковы. Так, пришло
время регистрации. Я составлю протокол учредительного собрания. Подпишут
человек пять – и достаточно.
– Давай, – согласился Антон...
Через несколько дней газета «Курьер» сообщила о возрождении в городе
дворянского собрания.

4.

– Ваша фамилия Нарышкин?
– Да.
– Иван Семёнович?
– Да. А в чём, собственно, дело? У меня на участке полный порядок.
– Подумать только! Нарышкин! Потомок древней фамилии – и с метлой в
руках. Дворник! Вас никогда это не смущало?

Пожилой мужчина, почти старик, со спокойным любопытством смотрел на Антона.

– Вам-то что, собственно, за дело?

– Иван Семёнович! Вы, наверное, слышали, что у нас в городе начинается движение за возрождение дворянства.

– Не слышал. А зачем его возрождать?

– Ну, как же! Культура столетий, так сказать... Благородство. Служение Отчизне.

– Это всё пустые слова. Служить возможно и без титулов. Была бы совесть.

– Вот! Сразу чувствуется, что вы не простой дворник! – воскликнул Антон.

– Конечно, не простой. Да и возраст, между нами говоря, уже не позволяет сидеть над чертежами. А всё равно хочется что-то делать. Так и взялся за метлу. Не вижу в этом ничего зазорного.

– Но ваши предки носили графский титул!

– Не знаю, никогда не копался в своей родословной. Мой отец погиб в ополчении, как и тысячи других. Он мне ничего не рассказывал о своих родителях. Они умерли ещё до революции.

– И вот так по всей Руси – сотни, тысячи наследников славных предков ходят с лопатами и мётлами! – высокопарно воскликнул Антон.

– И что с того? – присаживаясь на скамейку, возразил дворник Нарышкин.

– А сколько нашего брата погибло на фронтах Гражданской войны! Сколько загубили в лагерях!

– Да, всё это так. Жаль, конечно, людей. Но вот же стоит Россия на месте, ничего с нею не случилось. А скажите, дорогой: если бы уничтожили всех дворников, что было бы? Или, тем более, хлебопашцев. Заглохла бы нива жизни! Без князей жить можно, без рабочего люда нельзя обойтись. Так-то вот... И пустое дело вы затеяли, скажу вам прямо. Извините, мне нужно продолжать уборку.

Антон нехотя поднялся и пошёл прочь. Какой это князь! Дворник по натуре. Ну их всех... Что за дурацкая идея пришла в голову – возрождать дворянство? Жрать хочется, вот в чём дело. Нужно опять сосать кровь трудового народа. Эх, найти бы хорошенькую дворяночку, не такую стервозу, какую приводила Вера Степановна... Соскучился Антон по женской ласке, по домашней пище, приготовленной заботливой женщиной. Сидеть бы сейчас в своём имении, ловить карасей в пруду, пить чай на веранде... А вокруг челядь бегают... «Эй, Манька! Поди сюда. Ну-ка, садись на колени к барину!» Погоди, Антон! У тебя жена, дети, причём тут Манька? Ладно, обойдёмся без неё, нехорошо, в самом деле, ты же дворянин – Антон Сергеевич Епанчин. А что, в самом деле, не съездить ли в село Епанчино? Сто километров – это пустыки, зато будет развлечение, утешение для души.

Вечером пришёл Игорь Самохвалов. Решил он всё же примкнуть к дворянскому сословию.

– Обрыдла серая жизнь, – сказал он Антону. – Давай возрождать. Будем балы закатывать, девок в баню водить.

– Игорёк! Ну, нельзя же так примитивно...

– А как? Расшаркиваться перед ними? Перед девками? Не те времена!

– Ты знаешь, у меня возникла идея. В Старо-Козловском районе есть село Епанчино. Наше родовое имение. Давай съездим?

– Хочешь вернуть? – засмеялся Игорь.

– А что? Может, сохранился дом.

– Поехали! – согласился приятель.

Имелась у Антона старенькая «копейка», «Жигули» первого выпуска. Машина малость облупилась, слегка тарахтела и крепко дымила, но всё же передвигалась.

Сельцо Епанчино стояло на высоком берегу небольшой речушки. Издали ещё увидели друзья большой красивый дом, обнесённый кирпичной стеной. И дом, и стена сложены были из красного кирпича, который привозят из Финляндии поштучно завернутым в целлофан.

Они остановили машину, вышли из неё и залюбовались.

– Не дом, а замок! – сказал Антон. – Это ж надо, как сохранился.

– Ха! – засмеялся Игорь. – Ты разве не видишь, что строение современное? Оно сложено из кирпича, каждая штука дороже тех черепков, которые ты называешь посудой.

– Ну, а где же мой дом?

– Давай искать школу. После революции в барских домах, как правило, открывали школы.

И в самом деле, примерно через версту от замка они увидели приземистое одноэтажное здание, тоже кирпичное и с портиком. Остановили прохожего, спросили, что это за дом.

– Дык школа была. Сначала средняя, потом семилетка, вчерась ещё была начальная. А ныне деток нет, закрыли её.

– А в здании что? Пустует?

– Пустует... Внутри оно всё сгнило. Считай, без хозяина жило. То крыша прохудится, то балка провиснет. Пока соберутся починить... Мы и детишек боялись отпускать на учёбу. Писали жалобы. Приезжали комиссии, смотрели, составляли бумаги, а всё оставалось по-прежнему...

– Ничего. Вот хозяин объявился, – Игорь кивнул на Антона. – Он наведёт порядок.

– Это в каком смысле? Купил, что ли, эту рухлядь? – удивился старик.

– Купил. Хочу снести и поставить дворец. Как вон тот, что на бугре.

– Дык у тебя машина... У того знаешь какая? Длинная, чёрная. В ней, говорили мужики, он сейф железный возит с деньгами. В бумажник не помещаются, так он в ящик...

– Кто ж это такой?

– Говорят, какой-то Дубов... или... Дубровский. Леший его знает. Ни он к

нам, ни мы к нему... Бабы, правда, молоко носят, но их дальше ворот не пускают. Там всё, говорят, из золота.

– Так никто ж не был, не видел!

– Это так... Ну, дай вам Бог...

Старик неспешно поплёлся дальше, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть. Очень редко проносились машины, поднимая пыль. И тишина!

– Сдохнуть можно, – сказал Игорь. – И чего занесло сюда этого Дубровского? Отомстить Троекурову?

– Дубровский... – Антон потёр переносицу. – Так я же знаю его! Вместе учились в школе. Точно, он возглавляет строительную фирму. Едем!

– А собак не спустит?

– Не должно.

Ворота, конечно, были на запоре. Увидели кнопку звонка, где-то послышался его звук, по домофону спросили:

– Кто?

– Нам бы услышать господина Дубровского, – прерывающим голосом спросил Антон.

Имя хозяина – Виктор – он знал, а вот отчеством никогда не пользовался.

– Ты, что ли, Антон? – раздался весёлый голос. – Ну, заходи!

Щёлкнул замок в калитке, они вошли, а на крыльце в это время появился хозяин – чуть полноватый широколицый мужчина в цветастых шортах и без рубашки.

– Тебя что занесло сюда? – весело спрашивал он, обнимая однокашника. – А я плюнул на все дела и умотал сюда. В глушь! Ну и тоска, скажу я тебе.

– А я вот... приехал... посмотреть на своё родовое имение. Дом совсем обветшал.

– Имение? Какой дом? – удивился Дубровский.

– Да вон, видно отсюда...

– Так это же, говорят, была школа.

– Была. А до того был барский дом. Мои предки жили. Служили царю и Отечеству. А их за это турнули с родной земли.

– Антон, ты какую-то ерунду несёшь! Так не пойдёт. Без пол-литра, как говорится, не разобраться. Идите в дом.

Да, олигархи умеют жить! Это не задрипанная барская изба, пропахшая мужицкими онучами. Тут сразу захотелось разуться у порога, но хозяин остановил:

– Не надо! У нас всё просто. Проходите в зал.

Громадный двухэтажный зал вполне мог бы вместить сотни две гостей. От камина шёл приятный запах дыма. Бесшумный кондиционер охлаждал воздух.

Неслышно ступила из дверей, – наверное, кухни – нестарая, опрятная женщина.

– Мария, накрой нам по-быстрому, – мягко приказал Дубровский.

Очень быстро на журнальном столике появились сёмга, ветчина, оливки и прочая закуска.

Между тем Антон посвятил олигарха в свои дела.

– Извини, Виктор, я забыл твоё отчество...

– Ты его и не знал! Вообще-то Иванович. Так, на всякий случай. Не будем же мы с тобою...

– У тебя дворянская фамилия – Дубровский. Ещё Пушкин написал...

– У нас всё село было – Дубровские! Дед мой землю пахал, а прадед был крепостным у помещика Селезнёва. Я свою родословную знаю. И что! А теперь я сам помещик! Видал свою хибару? Бедно жили твои предки. Нет, Антон, ты меня на авантюру не подбивай, мне липовое дворянство ни к чему. Я и так дворянин новой формации. А что друг твой такой кислый? Давайте повторим! – он весело взялся за графинчик. – Какие-то мысли тревожат? – участливо спросил он Самохвалова.

– Можно, я позвоню? Есть проблемы у дочери.

– Пожалуйста! Вон телефон. А хотите – мобильник.

– У меня свой, – сказал Игорь, доставая из кармана трубку.

Разговор у него был короткий и неутешительный. Хозяин вопросительно посмотрел на гостя.

– Какие проблемы, если не секрет?

– Дочь никак не может устроиться. Окончила юрфак. Работала в милиции. Недавно приехала с мужем. Уж через знакомых к генералу обращались – нет места. Хотя, известно, кадров не хватает.

– И всего-то? – усмехнулся Виктор Иванович. – От меня примете помощь?

– Почему бы и нет?

Дубровский подошёл к телефону, набрал номер.

– Андрей Павлович? Да, я... Просьба небольшая. – Он коротко изложил суть дела. – Фамилия? Сейчас, – Дубровский посмотрел на Самохвалова. – Голубева Инна Игоревна. Да, спасибо Андрей Павлович. Обязательно найду, – и, положив трубку, обратился к Самохвалову: – В понедельник пусть идёт в отдел кадров с трудовой книжкой.

– Андрей Павлович? Рогов? – уточнил Антон. – Так это же сам Рогов! Глава лысогорской мафии! Вор в законе.

– Был... А теперь директор банка, депутат областного собрания.

– Спасибо, – недоверчиво сказал Самохвалов, всё ещё думая, что это розыгрыш.

Вошла Мария, неся на подносе поджаренные бараньи рёбрышки с гречневой кашей. Руки потянулись к рюмкам...

5.

Друг Дубровского сдержал слово: дочь Самохвалова без напряжения приняли на работу в один из городских райотделов милиции.

А Антон после поездки заболел. Наконец-то он понял, что значит – одинокий человек, когда даже некому сходить в аптеку за лекарством, некому пожа-

ловаться на ломоту в теле и некого послать за водкой.

Зашёл Самохвалов, принёс бутылку и малосольные огурцы. Выпили. Водка не шла, Антону было противно.

– Душа не принимает, – сказал он.

– Слушай, а почему ты не попросил денег у Дубровского? – перешёл к делу Самохвалов. – Он же миллионер! Куры не клюют! Мог бы отстегнуть на благородное дело.

– Дубровский наше благородное дело раскусил с полуслова. Ты не понял, что ли? И вообще... Их сила берёт верх. Пришли новые помещики. У него уже более двух тысяч гектаров земли в собственности. А захочет – и весь район скупит... Дочь взяли на работу?

– Да. С первого захода.

– Видал? Вот это власть! Один звонок – и ты в дамках.

– Ну, давай к Рогову обратимся. Назовём его дворянином... Ему надо чем-то прикрывать своё прошлое.

– Банком он прикрывает! Понял? Чихать ему на прошлое. Он живёт настоящим.

– Ну, должен же он помогать...

– Никому и ничего он не должен... Это мы должны примкнуть к его мафии. Но там уже все места заняты...

Пришла Вера Степановна, принесла молодой картошки, поставила варить, затем присела на диван к Антону, пощупала ладонью его лоб.

– Врача вызывал?

– Не нужен!

– Может, и не нужен, а хорошая медсестра нужна. Я уже позвала, это моя знакомая. Укольник тебе сделает, температуру снимет.

– Вера Степановна!

– Ладно, ладно, не хорохорься.

– Опять приведёшь какую-нибудь...

– Не волнуйся, женщина очень порядочная. Почти как я. Да вот и она!

В дверь позвонили, Вера Степановна пошла открывать и вернулась с молодой женщиной лет тридцати. Это и была медсестра. На ней трещали короткие брюки, блузка на груди готова была лопнуть от натуги. Круглое лицо светилось добрейшей улыбкой, а губы, казалось, только что наполнились вишнёвым соком.

– Где наш больной? – пропела она.

И Антон почувствовал, как у него ослабела подруга, и по телу поползло живительное тепло. Он в жизни никогда не слышал такого голоса.

– Её зовут Маша, – сказала Вера Степановна. – Она самая лучшая медсестра в городе. А может быть, и во всей нашей необъятной России, – со смехом добавила она. – Я думаю, вы найдёте общий язык. Идём, Игорёк, не будем мешать выздоровлению. Маша! На плите картошка варится, выключишь... Я скоро приду.

– Ладно. Только не долго! У меня ещё пять больных.

Остался Антон один на один с медсестрой. Она делала всё неспешно, но ловко, быстро. По поводу температуры сказала:

– Тридцать семь с половиной – это ерунда. Конечно, дети переносят такую температуру легче. Разок я вас уколю. Придётся трусики приспустить, да не здесь, а сзади. Поворачивайтесь!

И не успел он охнуть, как она уже вытирала спиртом уколотое место.

– Вот так... А водку пить не нужно. Уж лучше сухое вино. Есть у вас?

– Нет, – отрезал Антон.

– Я схожу принесу, тут рядом магазин...

– Не нужно! – не мог же он сказать, что у него нет ни гроша в кармане.

Но Маша, по всей видимости, была хорошо проинформирована Верой Степановной.

– Кризис? – с улыбкой сказала она. – Ничего, потом отдадите. Мне пациенты хорошо платят.

Не дожидаясь согласия Антона, Маша выключила газ, воду сливать не стала:

– Пусть картошка дойдёт. Я мигом. Дверь не запирайте?

– Не нужно.

Не прошло и четверти часа, как возле дивана была поставлена табуретка, в миске дымился картофель, на тарелочке лежало крупно нарезанное розовое сало, стояли открытая бутылка сухого «каберне» и два отмытых (в кои веки!) стакана.

– Ну, со знакомством? – сказала Маша.

– А это откуда? – Антон кивнул на сало.

– Из магазина! Горячая картошка с салом – что может быть вкуснее? Я белоруска. Росла в деревне.

– Я бы лучше встал, сел к столу, – сказал Антон. – Не так уж я и болен.

– Дорогой Антон! У вас ангина. И Вера правильно поступила, сварив картошку. Очень прогревает гланды. Ну, пейте вино. Немножко – не повредит, это любой врач скажет.

И выпил, и съел картошки с салом, и под мерный говорок медсестры уснул Антон.

Проснулся, когда на улице было уже темно. За столом сидела Вера Степановна.

– Что я тебе говорила? Завтра будешь бегать.

– Ну, ты и обер, Вера Степановна. Не голова, а дом Советов. Где ты её выкопала?

– Машу-то? Да мы сто лет общаемся! Моя соседка. Замечательная женщина. Вот такую бы тебе жену.

– Ну, ты уж сразу... Мне теперь, прежде чем жениться, нужно сто раз подумать.

– Это почему же?

– А потому... Я предводитель дворянства!

– Ты хоть мне-то голову не морочь! Дворянин отыскался... Приводи себя

в порядок. Завтра заседать будем. Протокол учредительного собрания я написала и к документам приколола, а самого собрания ещё не было.

– С тобой, Вера, и загреметь не долго!

– А с тобою будем век копать. Нужно ковать железо, пока горячо. Где твои парадные штаны? Давай я выглажу.

– Нет у меня парадных...

– Дожился... Предводитель... Да кто поверит? Ладно, от мужа остались, принесу утром. Серые, почти новые.

– Ещё чего придумай!

– И придумай! Я пойду. Дома дел полно. Маша утром забежит, проведает тебя, штаны занесёт. Будь готов!

– Всегда готов, – вяло пошутил Антон.

Выключив свет после ухода Веры Степановны, он долго лежал в сумерках, иногда впадая в дрему, и тогда ему грезился дворец на берегу тихой речки, дощатая пристань, караси, которых ловили на удочку мальчишки. Антон с Машей сидели в лодке, которая легонько качалась на речной волне...

6.

Считая самих организаторов, учредителей собралось семь человек. Вера Степановна нашла древнего старика со звучной фамилией Кутузов, столетнюю старуху с обычной русской фамилией Протасова, пришла ещё совсем молоденькая студентка Горбачёва и студент Пожарский.

Антон выступил с краткой речью о той роли, которую сыграло дворянство в истории государства Российского, и о том, как много ещё работы впереди.

Перешли к прениям. Старуха Протасова, несмотря на почтенный возраст, была подвижна и имела зычный голос пропойцы.

Этим голосом она и спросила:

– Скажи, милоч, когда мне крышу поправят?

– Какую крышу? – оторопел Антон.

– Мою. Моего домика. Раньше в нём жил садовник. А когда наш дом отбирали, мой дед переселился к садовнику. Теперь я там живу. Домик-то ещё ничего, а крыша совсем худая. Теперь самое время покрыть бы железом.

– Простите, Ольга Сергеевна... – глядя в список, забормотал Антон. – Мы этим делом...

– Конечно, займёмся! – перебила его Вера Степановна. – Обязательно сделаем вам новую крышу.

– ...и новое корыто, – добавил Пожарский.

Они с девушкой прыснули. Старуха шутку поняла, но не обиделась.

– У меня есть стиральная машинка. Ишь, насмешники нашлись! Ну, так что насчёт крыши?

– Ты погодь с крышей! – остановил её Кутузов. – Поясни: как будет с пенсией? Прибавят нам за дворянство? Деда наши жизни не жалели ради Отечества. Мой дед на Шипке стоял...

– Давайте сначала решим главные вопросы! – пытался Антон направить разговор в нужное русло.

– Так это и есть главное! Коли власть возвращается, так надо всё вернуть трудовому дворянству! – провозгласила Протасова, которая, как потом выяснилось, ранее работала библиотекарем. – А чего попусту слова тратить?

– С чего вы взяли, что власть возвращается? – обеспокоено поглядывая на дверь, сказал Антон. – Власть как есть, так и будет. А мы просто пытаемся наладить наше содружество. Ну, к примеру, как у евреев. Чтобы помогать друг другу, устраивать всякие мероприятия...

– Балы! – вставила Горбачёва. – Вечеринки.

– Стриптиз, – саркастически добавил Пожарский.

– Заткнись! – отрезала девушка. – Всегда выпендриваешься.

– Фу, как вульгарно, – заметила старуха. – Так что будет с крышей?

– Сделаем! – заверил Антон. – Давайте перейдём к голосованию. Нам нужно избрать предводителя.

– А что тут думать? Конечно, Вовика, – решительно сказала студентка.

– Какого ещё Вовика? – удивился Антон.

– А вот этого! – Горбачёва ткнула пальцем в Пожарского. – Владимир Георгиевич, князь Пожарский, собственной персоной! Молодой. Отличник учёбы. В этом году заканчивает университет.

– Давайте не будем хохмить! – остановила неожиданный поворот событий Вера Степановна. – Мы пригласили вас для серьёзного разговора. Нам нужен взрослый опытный руководитель организации областного масштаба. Губернский предводитель! Есть мнение, – она подняла палец к потолку, – рекомендовать Антона Сергеевича Епанчина.

– А, так у вас тут уже всё решено, – насмешливо сказала Горбачёва. – Так бы сразу и сказали. Пошли, Вовка.

– Идём, дорогая мадмуазель Горбачёва. Подадимся в детей бывшего генсека. Молодые люди засмеялись и покинули собрание.

– Нахалы! – возмутилась Вера Степановна. – А у нас и чай приготовлен. Не уходите.

Через минуту на столе появился чайник, недорогие пирожные и конфеты. Разговор стал более непринуждённым.

– Возвращать имения, конечно, никто не будет, – говорил Антон. – Но мы будем добиваться компенсации за те потери, которые понесли как наследники.

– Это бы хорошо, – сказал Кутузов. – Нужно собрать документы. Этим, наверное, и займётся ваша организация?

– Да, в скором времени! – заверила Вера Степановна.

– А крышу сделайте первым делом, – гнула своё старуха Протасова. – Я в газету напишу. Благодарность выскажу.

Чаепитие закончилось подписанием протокола, что было чистой формальностью, так как Вера Степановна давно его сама подписала и отправила по инстанциям.

Выпроводив учредителей, троица достала припасённую бутылку водки,

колбасу и малосольные огурцы. Выпив и закусив, вытерли вспотевшие лбы и засмеялись.

– Так дело не пойдёт! – сделал вывод Антон. – Что-то мы не продумали.

– Конечно! – согласилась Вера Степановна. – Начинать нужно с добычи денег. Зубами вырывать их у жадных клиентов. А уж с деньгами жизнь пойдёт веселее.

– И что ты предлагаешь? – спросил Антон.

– Не сидеть сиднем! Действовать! Какое дело нынче самое прибыльное?

– Эстрада, – хмуро сказал Антон. – Всякие шоу.

– Верно. Эстрада рвёт деньжищи. К сожалению, петь мы не сможем. Но есть ещё печать.

– Хо! Сказанули. Да ни одна газета теперь не платит гонорара. За книги не платят!

– Смотря за какие. А мы выпустим книгу «200 лучших фамилий губернии». Что ты на это скажешь?

– Угу... И кто её купит? Кому она нужна?

– А те купят, о ком мы напишем. Притом, заплатят авансом.

Мужчины заинтересованно посмотрели на Веру Степановну, даже перестали хрустеть огурцами. Новоявленный Бендер в юбке производил впечатление на уровне сексуального.

– Готовься! Довольно симулировать болезнь! – твёрдо сказала она Антону. – Утром делаем первый удар!

И действительно, утром она пришла к Антону, сама повязала ему галстук, выстригла из ушей волосы.

– Вот так вроде бы похож на дворянина. Едем на завод резиново-технических изделий.

– Закажем партию презервативов? – саркастически спросил Антон.

– Противогаз тебе закажем! Чтобы никто не видел твою унылую физиономию. Распрями плечи! Голову подними. Улыбку сделай, по-американски. Перестраивай свою жизнь и свой внешний облик.

– И ты хочешь Портоса записать в эту книгу?

– Какого Портоса?

– Ну, директора резинки. Это его кличка. А вообще-то фамилия его Зайцев. Ты знаешь, сколько раз он был женат?

– И что с того? Об этом не обязательно сообщать лысогорскому обывателю, – возразила Вера Степановна. – Он видный мужчина.

– Конечно! Центнера полтора.

– Тем более – ему одной бабы мало.

– Он в Сочи дом построил!

– Молодец! Тебе завидно?

– Да, завидно. Мне негде украсть.

– Слушай! А давай сразу обратимся к Рогову. За ним потянутся и все остальные деятели! – воскликнула Вера Степановна.

– Рогов? Ты что? – возмутился Антон. – На нём же ни одного светлого пятна.

– А ты его почисти, поскобли...

– Нет, ты меня на крайности не толкай, дорогая Вера. Уж я-то хоть маленькую, но совесть имею.

– Получается, что у нас и людей порядочных нет? – спросила Вера Степановна.

– Есть, но они бедные. А что о бедном человеке напишешь, даже если он и очень умный? Умом в магазине не расплачиваются.

– Ладно, Антоша, ты затеял эту кутерьму, ты и выкручивайся. А я подоткну подол и стану лестницы мыть. Может, какой мужик и клюнет...

– Или клюнет или плюнет, – грубо съязвил Антон.

Вера Степановна обиделась и ушла.

Антон доел остатки колбасы и с грустью убедился, что холодильник пуст.

7.

Какая песня без баяна, какая повесть без любви? Не нужно пояснять догадливому читателю, что дальше речь пойдёт об отношениях Антона и Маши. Они стремительно развивались и, конечно же, вошли в постельную стадию. Маша всё чаще оставалась ночевать у Антона. В её кудрявой голове даже зародились планы завершения их отношений в загсе, чего она не скрывала от возлюбленного и на что тот ей отвечал:

– Маша! Я тебя люблю. Слов нет. Но брак с тобою невозможен! Ещё полгода назад я бы пошёл за счастье. Но теперь... Ты пойми: я – предводитель губернского дворянства. Дворянин! Барин! Как на это посмотрят мои собратья? Женился на простой... женщине.

– На дворовой девке, да? Барин! Гроша ломанного в кармане не имеешь, а туда же – в аристократы подался.

– Будут деньги! Я чую нюхом – будут! Ты погоди немного. Мы что-нибудь придумаем в отношении тебя. Твоя фамилия как?

– Вишневская.

– Нейтральная... Но мы выведем куда-нибудь кривую, сделаем и тебя дворянкой.

– Да не нуждаюсь я в этом! Иди ты...

Маша, возмущённая, вскочила с постели и начала одеваться. А что значит современной женщине одеться-раздеться? Три секунды: трусики, джинсы, блузка. Но и этих секунд хватило на то, чтобы Антон разглядел на расстоянии то, что ещё недавно обнимал. Аристократические амбиции отошли на задний план, он вскочил, заключил Машу в объятия и уволок обратно в постель. Они со смехом барахтались, затем угомонились, отдыхали и мирно беседовали.

– В конце концов, мы можем и так просто, в гражданском браке жить, – говорил Антон. – Вот был Герцен... Слышала о таком писателе?

– Ну и что?

– Он родился от гувернантки. У помещика была гувернантка. Он её охмурил. У них родился мальчик. И ему дали фамилию Герцен. По-немецки герц – значит сердце. Дитя любви.

– Ясно, куда ты клонишь... Сам женишься на графине, а я буду тебе герценов рожать. Спасибо.

– Не спеши с выводами... Мы с тобою ещё по заграницам поездим. Английская королева будет принимать!

– Скажешь тоже!

– А что? Губернский предводитель! Его превосходительство!

– Знакомых будет у тебя – миллион! И всех угощать надо. Придётся купить большой холодильник.

– Глупая! У нас будет дворец. Выстроим в центре города. И при дворце заведу оранжерею. Круглый год, даже зимой, буду выращивать астры и тюльпаны.

– А почему именно астры?

– Люблю!

– Ладно. Пусть. А я буду продавать их.

– Вот сразу и видно плебейку! Торговать! Ещё придумай семечки продавать.

– Ну и что? Цветами не стыдно торговать. Чистая, культурная работа.

– Мы цветами украсим весь дом, то есть дворец. К нам будут приезжать из-за границы дворяне-эмигранты. Графы, князья... А мы им – цветочки в январе...

– А куда они будут приезжать?

– То есть? В город, ко мне...

– А вот сейчас? Ты уже в газетах кукарекнул про дворян, они и станут сюда тянуться. У тебя же офиса нет!

– Да, Маша, тут ты права... Офис... Ты права... Ох, сколько забот привалило. А самое обидное – мне пособие по безработице перестали выдавать. Говорят, что я работаю, открыл своё дело – дворянское собрание.

– Они правы. Ну, я побежала, мне пора на дежурство. Вот, сотенку могу тебе подкинуть. Ладно, бери две. Я добрая.

– Маша... Я расплачусь бриллиантами!

– Буду ждать! Хорошенько шею отмою для бриллиантового колье.

Имея в кармане две сотни, полученные от «дворовой девки», Антон смелее вышел на улицу. Ноги занесли его в пиццерию, где он взял пива и порцию пиццы, являвшую собою кусок блина с намёком ветчины и помидоров. А пиво было натуральное, местное, прохладное и горьковатое. Он отпивал глоточками и посматривал на серо-зелёное здание, располагавшееся на другой стороне улицы. Ещё недавно здесь располагался областной комитет компартии. У входа стояли милиционеры. Из подъезжавших автомобилей вываливались толстячки в двубортных костюмах, вытирали потные затылки, брали под мышки папки и торопливо бросались к тяжёлым дверям, которые заглывали их со стуком подвешенной к ним гири, которая служила закрывающим устройством. (Техника в то время была фантастической!)

Теперь здесь находится администрация Сельскохозяйственной Академии. А раньше, раньше, ещё до ТОГО?.. А до ТОГО, до революции, до того, как скинули батюшку-царя, здесь и было дворянское собрание. Вот оно, родимое! Сверкали люстры, бряцали шпоры, весело блестели аксельбанты, щебетали барышни, в кабинетах играли в карты и проигрывали состояния... Шла жизнь, а не это мелкое прозябание, когда на пиво приходится брать у дворовой девки.

Хорошее зданьице! Вот такое бы оттяпать у Академии. Что с ним делать? Найдём. Ноги понесли Антона к Полуэктову, юрисконсульту той фирмы, где он работал когда-то.

Юрист Полуэктов являл собою маленького, присохшего, одноглазого старика неопределённых лет: может, семьдесят, а может, девяносто. Раньше он крепко запивал; три раза, а может, и больше, женился, и жёны уходили от него по причине запоев. А как юрист он был виртуоз, он играл законами, как на скрипке.

Эдуард Платонович был кристально трезв. Выслушав своего молодого друга, он сказал уверенно:

– Дело мы не выиграем, но нервы потрепем здорово. И может быть, даже отхватим у них комнату тебе под офис. Можно было бы выиграть, но кишка тонковата: у нас нет денег.

– Да, денег нет... – согласился Антон.

– Поэтому ты ко мне и пришёл! – засмеялся Полуэктов. – Ладно, когда-нибудь покатаешь на рысаках. Помещик! – насмешливо добавил он.

– Эдуард Платонович, даю слово, что оплачу ваши услуги в ближайшее время.

– Поставишь бутылку. Знаю. У русского человека это как эталон расплаты.

Полуэктов говорил, а сам в это время одевался. Прежде всего, конечно, он соскоблил свою недельную щетину. Надел почти чистую чёрную рубашку, а к ней – клетчатый светлый галстук, вынул из старинного фанерного шкафа не менее старинный двубортный серый костюм. И вот он – адвокат высшего класса – готов к сражению.

– Ты хоть знаешь, к кому мы идём? – спросил Полуэктов.

– Пока не знаю.

– Мы идём к ректору Академии, к самому господину Быку.

– Да, у него фамилия другая, Эдуард...

– Знаю! Фамилия у него Росляков. А Бык – это кличка, которую он получил, будучи ещё председателем колхоза. Он прёт напролом! Поэтому я и спросил, знаешь ли ты, к какому человеку мы идём. Он Академией управляет, как колхозом.

– Интересно: из председателей – в ректоры! – изумился Антон.

– Да, такой это человек. В своё время он учился в Академии на экономическом факультете вместе с Носовым. Носов защитился, стал ректором, а Росляков подался в колхоз. Но грыз червь неполноценности, очень хотелось тоже стать кандидатом наук. Загрузил он машину всяческой колхозной провизией и прибыл к старому другу. Так, мол, и так – выручай. А тот к делу отнёсся с юмором. Вызвал заведующего кафедрой экономики и дал команду: подготовьте диссертацию. Так и появился кандидат около хозяйственных наук, как писал один юморист. Но

дальше! Ты ведь знаешь, что колхозы разогнали. Ой, дураки, ой, дураки! – не удержался от восклицания Полуэктов.

Они уже шагали по центральной улице города, прохожие оглядывались на них.

– Ты не так громко, – поостерёг товарища Антон.

– А что я сказал? Конечно, дураки, потому что нельзя было выпускать вожжи из рук. Сразу телега разбилась.

– Ты ближе к делу!

– Хорошо... Росляков не дурак. Он приватизировал всю колхозную технику. И мастерскую в придачу! Но всё это ерунда. Ему, как пушкинской старухе, захотелось, чтобы ему золотая рыбка прислуживала. Захотелось стать учёным. За деньги, Антон, всё можно! Взял его приятель в Академию. Ха! Дурачок! – снова воскликнул Полуэктов. – Не прошло и года, как Бык скинул его. Как? Очень просто. Зная, что его друг любит взятки, подловил его на этом моменте и направил милицию. Взяли ректора с поличным! А дальше денежки довершили дело, избрали Рослякова ректором... Вскоре защитил он докторскую. Стал профессором. Скоро будет академиком. Вот человек, к которому мы идём. Понял?

– Может, ну его к лешему? – засомневался Антон.

– Нет, дорогой мой! Дело принципа! Я юрист! – старичок даже подпрыгнул в предвкушении схватки с легендарным Быком.

Антон покорно втянул голову в плечи и вышагивал рядом. Отступить было поздно.

8.

В приёмной ректора было уныло-тихо. Только иногда всхрапывал парень богатырского телосложения, сидящий в углу на стуле. Он был из числа охраны, которая буквально кишела в коридорах Академии.

Антон с Полуэктовым скромненько примостились на пустых стульях у входа. Секретарша покосилась на них, но ничего не сказала и продолжала что-то выискивать в компьютере. И тут раздался хриплый голос из динамика:

– Эмма! Это что за придурки пожаловали?

– Я думала – по вызову, Виктор Павлович. Вы по какому вопросу, господа? – обратилась секретарша к нашим дворянам.

– Мы... Мы насчёт помещения, – проямлил Антон.

– Гони их! – рявкнул ректор. – И больше такую шваль на порог не пускай.

– Слушаюсь, Виктор Павлович, не доглядела, извините. Господа, прошу покинуть приёмную!

– Мы из дворянского собрания! – наконец обрёл дар речи Антон.

– Откуда? – усмехнулся голос в динамике.

– Из дворянского собрания! – задиристо повторил Антон. – Я предводитель, а это наш юрист.

– Дворянского собрания? Ну... мать! До чего докатились. Эмма,пусти

этих детей лейтенанта Шмидта! Интересно послушать!

Антон и Эдуард Платонович, подталкивая друг друга, ступили в кабинет, равный футбольному полю. За массивным столом восседал в дубовом кресле старинной работы плотный человек с бандитской физиономией. Перед ним стоял монитор, посредством которого он и общался с приёмной.

– Господа дворяне? – глумливо хохотнул хозяин кабинета. – С чем пожаловали?

– Мы уполномочены заявить, что Академия незаконно владеет этим зданием! – сходу по-петушиному бойко заявил Полуэктов.

– Вот как? – с весёлым любопытством разглядывая посетителя, воскликнул ректор. – И на основе чего сделаны такие выводы?

– А на основе чего вы занимаете это здание?

– Гм... Нам дали, мы и занимаем! – слегка опешил ректор.

– У вас есть документ? Свидетельство о собственности? – задиристо продолжил Полуэктов. – Это здание до 1917 года принадлежало губернскому дворянству. В нём размещалась дворянская собрание. Затем сюда вселили ВЧК. Где имеется документ о том, что здание национализировано?

– Гм... Может быть, и нет такого документа, – слегка озадаченно согласился ректор. – Ну и что?

– А то, что настоящий владелец вот он, перед вами – Антон Сергеевич Епанчин, столбовой дворянин, а ныне предводитель губернских дворян...

– Идите, ребята, к... матери! – миролюбиво сказал ректор. – Бог подаст!

– Нет, вы нам предъявите документы! – петушился Полуэктов.

– Сейчас покажу, – сказал ректор, поднимаясь.

Был он невысок, но кряжист и впрямь чем-то напоминал Быка. Он подошёл к Полуэктову, взял его за шкуру, поднял перед собой и понёс к выходу. Ногою пнув дверь, он крикнул:

– Охрана! Надавать этим дворянам... и вышвырнуть за ворота!

Напоследок он лягнул ногою и предводителя. Ошалелые, они пришли в себя за железной оградой Академии.

– Возмело! – весело отряхиваясь, сказал Полуэктов. – Понял, что наши позиции сильны.

– Очень понял! – хмыкнул Антон. – Вот я понял, что ничего мы ему не сделаем.

– Сделаем! На это есть суд! Поднимем на ноги прессу, общественность! Придадим мировую огласку! – не унимался побитый юрист. – Посмотришь, мы выиграем процесс...

В маленьком и высушенном Полуэктове таилась громадная энергия. Пару дней он побегал по редакциям, и вскоре газеты зашелестели сообщениями о конфликте старого и нового, о произволе ректора. Это было уже не шуточное дело, которое грозило перерасти в уголовное.

Антон разыскал представитель Академии и предложил мировую: дворянство прекращает лаять в газетах, а Академия выделяет две комнаты дворянству

для своей благородной работы во славу Отечества. Полуэктов настаивал не соглашаться, но Антон предпочел синицу в руках. Это и так было неслыханной удачей.

Две комнатки ютились с тыльной стороны здания и служили, очевидно, складом инвентаря.

Но всё равно это было уже что-то весомое. А тут ещё из-за рубежа пришёл на счёт собрания солидный валютный перевод. Вера Степановна, ставшая сразу бухгалтером, сняла со счёта несколько зелёных банкнот, сложила их веером и помахала перед носом предводителя.

– Видал, Антон Сергеевич? Заграница нам помогает. Действуй и дальше так же решительно!

– Тебе легко говорить, а я, можно сказать, жизнью рискую.

– Подумаешь: разок по морде схлопотал!

– Меня, дворянина!..

– Заткнись. Давай заниматься делом. Ты думаешь, что много найдётся дураков, которые будут присылать нам доллары? Их клепать нужно здесь, в России.

– Ты права, Вера Степановна. Будем издавать книгу «Сто лучших фамилий».

– Правильно. И современно, и денежно. Прославлять всех, кто деньги платит!

– Циничная ты женщина, Вера!

– С вами, мужиками, станешь такой... У вас на уме только пьянка, бабы и матерщина...

– Ты чего городишь?

– Не так, скажешь? На какой хрен ты затеял всю эту возню с дворянами? Чтобы денежки выколачивать. Водку жрать... Вон Машка – какая девушка! И при деле, и при теле, как говорится. А ты нос воротишь...

– Она замуж стремится!

– Каждая женщина хочет иметь семью!

– Не пара она мне... Я всё же... Что скажут дворяне? Женился на девке. Мы должны возрождать традиции...

– Антон! Вякаешь ты несурязицу. Какую дворянку ты собираешься искать? Найди хоть просто порядочную девицу... Вот она — Маша, и есть такая.

– Вы договорились окрутить меня!

– Иди ты! – Вера Степановна выразилась, плюнула с досады и ушла...

Антон остался один. Надвигались сумерки, время стояло предосеннее, и потому было как-то по-особенному скверно – одиноко.

Вдруг с шумом открылась дверь, и показался мужик с клунком за плечами.

– Тут, что ли, живёт предводитель? – раздался могучий голос лесного лешего.

– А вам что, собственно...

– Да мне он и нужен! Это ты, наверное, Епанчин?

– Ну, я...

– А я Ушаков. Потомок флотоводца. Наум Ушаков.

Вошедший бросил клунок у двери и пояснил:

– Здесь картошка. Ну, и кусок сала прихватил. Давай знакомиться, – гость протянул широченную ладонь и крепко, до боли сжал руку Антона. – Дворянин Ушаков. По прямой линии. Прибыл на службу.

– На какую службу?

– Ну, как же? Ты собираешь дворян. Ополчение, так сказать. Вот я с харчами и прибыл.

– Какое ополчение? – опешил Антон, схватившись за голову.

– Так пойдём бить большевиков! – не унимался Ушаков. – Хватит, попили народной кровушки.

– Каких большевиков? Где ты их видишь? И вообще, кто ты такой?

– В настоящее время я просто сельский житель. Можно сказать – безработный. В колхозе был «куда пошлют». А теперь, когда началось возрождение России, надеюсь вернуть себе дворянские права. У меня там, в мешке, обрез и две гранаты. Обрез сохранился ещё с Гражданской, с «антоновщины». Не удалось тогда задавить большевиков, так мы теперь с ними поквитаемся.

Антон с опаской смотрел на гостя: нормальный он или не совсем? Как бы не открыл пальбу из своего обреза прямо здесь.

– Дорогой господин Ушаков... Вы немного в заблуждении, – начал тихо и по возможности спокойно Антон. – Мы не собираемся воевать...

– Так, господин предводитель... Я тоже кое-что понимаю в конспирации. Не бойся, трубить на всю ивановскую не стану. А бить их, большевиков, надо...

– Да нету их, большевиков!

– Как нету? Куда бы они в одночасье подевались? Как сидели на тёплых местах, так и сидят. Начнём с самого верху...

– Не надо! – остановил Антон.

– Не буду. Начнём снизу. У нас в районе глава администрации – бывший секретарь райкома. Директор сбербанка – председатель райисполкома. Ресторан открыл бывший председатель райпотребсоюза. Куда ни кинь – везде они. Давить надо гадов! Как пили народную кровушку, так и пьют. Сложный вопрос, предводитель. Тебя как зовут?

– Антон... Сергеевич.

– Давай по-простому, без всяких отчеств. У меня там, в мешке, есть бутылочка самогона. Первака! Ну, и сало... Стаканы найдутся? Давай подзакусим. Я у тебя, брат Антон, заночую. Диван, вижу, есть. Да я и на полу могу. Нам не привыкать. Мы люди сельские.

Наум говорил громко, уверенно, и можно было предположить, что он собирается расположиться здесь надолго.

– Я временно живу один, – замямлил Антон. – Но на днях приезжает мама. Она женщина больная...

– А, ты в этом смысле? Не волнуйся. Я видел, во дворе у тебя сарайчик стоит. Вот и прекрасно! Даже лучше. Признаться, я сильно храплю.

За разговором Наум достал бутылку, сало, пару яиц, лук. Они налили, чокнулись и начали трапезу.

Храпел Наум действительно громче иерихонской трубы. Это была какая-то какофония звуков. Дрожали стёкла. От вибрации свалилась настольная лампа.

Антон встал, потрогал гостя за плечо, тот повернулся на другой бок и захрапел пуще прежнего. От него шёл несвежий запах деревянной избы, сарая, лука, самогона и ещё неизвестно чего. Антон открыл все двери и окна. В доме стало холодно, но запахи не исчезли.

Стоило огромного труда на следующий день выпроводить новоявленного столбового дворянина восвояси.

– При первой необходимости вызывай! – на прощание сказал Наум. – Приеду, подмогну. У меня ещё и винтовка припасена.

– Вызову, – пообещал Антон...

Днём забежала Маша, широкими ноздрями вобрала в себя воздух и спросила:

– Ты что, кроликов развёл?

– Почему кроликов?

– Потому что от них стоит такой запах.

– Обычный дворянский запах! – засмеялся Антон и рассказал о ночном госте.

– Смотри, как бы тебе вшей не завезли! – предостерегла Маша. – И вообще... Наживёшь себе врагов. Читал, что пишут про тебя?

– Где? Я уже года два не читаю газет.

– На, почитай, – Маша достала из сумки сложенную газету «Лысогорская жизнь». Известный местный писатель Лозовский задавался вопросом: «С кем вы, господа дворяне?» С крестьянской простотой он писал о том, что недобитая в своё время дворянская сволочь начинает вылезать из разных щелей. Тунеядцы, типа А. Епанчина, делают бизнес на истории святой Руси. И т. д.

– Прекрасно! Пусть пишут, – сказал Антон. – Это подогреет интерес публики.

– А мне стыдно, – сказала Маша.

– Почему тебе стыдно? – удивился Антон.

– Ну... Мы же с тобою... В общем, все знают...

– Мы с тобой никто! – прямо взвился Антон. – Никто!

– Никто? Спим вместе – это никто?

– Ну и что? Это ещё не повод...

– Ах, так?... Ну, ладно. Прощайте, господин предводитель. Больше вы меня не увидите.

– Не велика потеря!

– Негодяй ты, вот что. Ещё пожалеешь.

– Ой, ой... Извините, графиня Вишневецкая! – язвительно сказал Антон. – Я вас чем-то обидел?

– Хамством! И к вашему сведению, самозванный дворянин Епанчин, моя фамилия – Вишневецкая.

- Это что за фантазия?
- Да. Недавно мне сообщили в милиции. Меня разыскивает Интерпол.
- Во! И что же вы натворили, графиня?
- Связалась с авантюристом! Так что сидеть будем вместе. Сказала это Маша и ушла.

9.

Бурная жизнь закипела вокруг Антона Епанчина. Журналисты буквально ловили его за рукав: дай интервью! Писали всяческие небывлицы.

В один из дней в офис явились два амбала.

– Мы из спортивного союза. Собираем средства на проведение Олимпиады. Отстегни, дорогой предводитель, пять тонн.

– Какой союз? Какие тонны?

– Ха! Не понимаешь. Вывезем за город – там всё поймёшь. Мы тебя предупредили. Придём через три дня. Чтобы доллары были готовы.

Парни, поигрывая плечами, неспешно удалились.

Прибежал Игорь Самохвалов.

– Всё, дорогой Антон! Я не я, и хата не моя. Дело пахнет керосином. На кой хрен мне это дворянство! Вычёркивай меня из списков.

– Да в чём дело?

– Не знаешь? – ехидно сказал Игорь. – А Машку зачем вызывали в милицию? Почему ею заинтересовался Интерпол?

– Поди да спроси у неё!

– Сам спрашивай. Я думаю, нас подозревают в торговле наркотиками. А это знаешь... Так что прощай, предводитель...

– Иди ты...

Все покидали Антона. Дольше других держалась Вера Степановна. Она-то и сообщила ему сногшибательную новость:

– Ты знаешь, зачем Машку разыскивает Интерпол? Эх, Антоша... Оказывается, она живёт под другой фамилией.

– Ну и что?

– А то, что её фамилия Вишневецкая!

– Дальше что?

– Дед её был польским князем. Оставил громадное наследство в Бельгии. Наследников нет. Вот Интерпол её и разыскал. Так что у Машки теперь – миллиарды долларов. Понял? Голова садовая! А ты как с нею обошёлся? Теперь кусай локти.

Антон Епанчин был в отчаянии. Он потерял Машу, к которой привязался и которую почти полюбил. По своей дурости он считал себя выше неё, а оказалось, что она-то и есть настоящая дворянка, княжна. Но кроме всего прочего – состояние! Счастье было так близко... Дом с колоннами, озеро с лебедями, парк, в котором можно стрелять диких голубей, – всё это уплыло от него в один миг...

Да, надо мириться с нею, надо упасть к её ногам... Но не примет его Маша, он её предал. Всё рухнуло, вся его авантюра провалилась...

И всё же надо попробовать. Антон надел чистую рубашку, подвернул ру-

кава, чтобы скрыть обтрёпанные манжеты, брызнул дезодорантом под мышками.

В это время в дверь постучали, он крикнул:

– Открыто!

На пороге появился бородатый мужик внушительного вида, чёрный, с выпученными глазами и выпирающим животом.

– Здорово, сынок!

– Тебе чего? – без особой злости спросил Антон.

– Говорю: здорово, сынок!

– Ну, здорово. А дальше что?

– Я твой отец, не понял, что ли?

– Какой ещё отец?

– Ну, родитель твой. Отец, одним словом.

Цыган – а это был именно цыган, Антон сразу понял, – прошёл к Антону, расставил руки для объятий, но Антон остановил его.

– Погоди, дядя! Это если каждый цыган будет заходить сюда...

– Да отец же я твой! Отец. Прости, сынок. Уехал за рублём на Сахалин и застрял там, не подавал вестей. А мама где?

– Уехала в Киев за долларами, – вздохнув, сказал Антон. – Я тебя не ждал.

– Это понятно. Столько лет прошло.

– Но я не думал, что ты...

– Цыган? Какая разница? Я отец! Святое дело – родитель.

– Иди ты... всю обедню мне портишь! Ты всё мне портишь! – заорал наконец в отчаянии Антон. – Жил я без тебя и ещё прожил бы сто лет. На кой ты появился?

– Я не с пустыми руками. Ты не думай, я на твой хлеб не рассчитываю. У меня есть деньги. Я другой семьи не завёл. Всё будет твоё. Дом построим...

– Дом... Ты всё рассчитал. А меня принял во внимание? Мою жизнь? Завтра весь Лысогорск затрубит, что отец у меня – цыган!

– Ну и что? Ты же родился при советской власти. У нас все люди равны. Постыдился бы, сынок...

– Ты сломал всю мою жизнь! И напоследок добил своим приездом. Тебе этого не понять. Где теперь моё дворянство? Весь город будет потешаться надо мной.

– Какое дворянство? Растволкуй мне.

Антон собрался с силами и рассказал. Отец призадумался.

– Ладно, – сказал он. – Дело к ночи. Утро вечера мудренее. Брось мне на пол одеяло, я посплю.

– Это тебе не табор. Вон свободный диван. Сейчас постелю.

Антон достал простыню, подушку, одеяло – всё честь по чести. Согрел чайник, они попили чаю. Сын всё присматривался к отцу и находил общие черты. Бывают же повороты судьбы! Ведь всё так хорошо настраивалось...

Уснул цыган быстро. Антон же долго бодрствовал, ворочался, вздыхал...

Утром он обнаружил, что постель на диване пуста. Антон подождал, думая, что отец, очевидно, вышел в туалет, но и вещей не было в комнате. Наконец, он увидел на постели газетный свёрток, взял его, развернул – в нём были деньги.

Много, очень много денег крупными купюрами. Больше ничего, даже записки не оставил отец. Да, отец – всегда отец, а он, Антон, в который раз поступил подло. Жить надо иначе. Однако в Лысогорске ему оставаться невозможно. Рано или поздно, о происхождении его станет известно горожанам. Засмеют...

Антон собрал свои нехитрые пожитки, сложил в примитивный чемодан, валявшийся под кроватью, повесил на входную дверь замок, перекрестился, глядя на золотой шпиль Успенского собора, и пошёл пешком к вокзалу. До отхода московского поезда оставалось четверть часа. Он подошёл к кассе, взял билет. Занятый своими мыслями, он не видел, как следом за ним к кассе подошла Маша и тоже взяла билет.

Вагон был наполовину пуст. Конечно, цена билета в спальный вагон играла роль. Но и просто так ездить в Москву за колбасой или джинсами горожане перестали. Всё можно теперь купить на месте.

Он сидел один на мягком диване.

Вдруг дверь отъехала в сторону, и в проёме встала Маша.

Она без удивления взглянула на попутчика, кинула сумку на пустой диван и села напротив Антона.

Они долго смотрели друг на друга. Затем улыбнулись. А через мгновение стали хохотать, да так громко, что появилась проводница. Глядя на смеющуюся парочку, она улыбнулась и закрыла дверь.

Поезд плавно проезжал мимо вокзала...

...Они уехали. А в это время в небольшом кафе в привокзальном закоулке застрелился пожилой цыган.

Майка

Рассказ

Жили мы на Украине, перенесли два года немецкой оккупации. Всё испытали: и нужду, и холод, и голод... Но вот пришла Победа. С этим словом у меня всегда связано представление как о чём-то светлом, ярком и тёплом, потому что это слово прозвучало у нас на сельской площади в солнечный майский день. Прискакал из райцентра верховой и на всё село закричал: «Победа!» И люди покидали все дела в своих дворах и высыпали на улицу, плакали, смеялись, обнимались, позабыв про все свои ссоры и обиды. Кто-то достал припрятанную гармошку, и начались всеобщие танцы. И гопак, и барыня – чего только не вытворяли на площади...

Через год маму вызвали в сельсовет и сказали, что нам, как семье, наиболее пострадавшей во время оккупации (отец был в партизанах), положена помощь, и в качестве компенсации нам дают корову из числа тех, что пригоняли из Германии в зачёт контрибуции.

Мама иногда приносила от соседей молоко, и я знал его вкус, но «от пуза» никогда не пил. А тут будет своё молоко! Мама со старшим братом отправилась в райцентр, километров за восемь, а я с волнением целый день посматривал на дорогу.

И вот они идут! С одной стороны – мама, с другой – брат, а посередине –

целая гора! Корова была большая, бокастая, и у неё были закрученные рога. Жёлтая с белым шерсть кое-где была сильно пообтёрта, но всё равно корова выглядела важной и красивой. Вся улица провожала нас завистливым взглядом. Корову загнали в сарай, вскоре мама пошла её доить, но вернулась с пустым подойником.

– Не дала, – сказала она с огорчением. – Голодная, наверное. Да и переживает. Ей нужно привыкнуть к новым хозяевам...

Я смотрел в щёлку на корову, вдыхал её терпкий запах и ждал чуда. Это чудо явилось в обед, когда мама наконец-то подоила корову и внесла в дом подойник с белой пенистой жидкостью. Сквозь марлю она процедила её, налила в кружку и подала мне:

– Пей от пуза!

Молоко было тёплое, пахучее, оно проскакивало внутрь меня легко, неощутимо, и его можно было пить бесконечно...

Потом, до самого вечера, я бегал за сарай. Брат посмеивался надо мной:

– Дорвался до молока? Вот, не жадничай...

К молоку я привык. А потом появились сметана, кисляк (простокваша), творог и даже масло. Мы сбивали его в большом графине с узким горлом. Сливки долго бултыхались, потом сбивались в комочки, мама выливала содержимое в глубокую тарелку, сжимала комочки в один ком и опускала в холодную воду. Масло готово! Берётся скибка (ломоть) хлеба, намазывается маслом... Обедение! А если ещё посыпать сахаром – это непередаваемо. Но сахар появился чуть позже.

– Не ходи с куском на улицу! – приказывала мне мама. – Нехорошо... Дети будут завидовать...

Так вот о корове. Когда мы первый раз попили молока, возник вопрос: а как мы назовём нашу кормилицу? Зашла речь о том, что месяц май для нас счастливый: и Победа пришла, и корову мы получили. И кто-то из нас предложил: «А назовём её Майкой!» На том и порешили. Мы полюбили Майку и заботились о ней. Первое время мама не пускала её в стадо.

– Пусть дома привыкнет к нашему языку. Она ж немка. Пастух станет на неё кричать, а она ничего не поймёт. Вот он и станет хлестать её батоном.

– Разве корова понимает язык? – засмеялся брат.

– А как же! – уверенно сказала мама. – Конечно, понимает. Только говорить не может.

Мы подкашивали вдоль канав траву и кормили Майку во дворе. Мама всегда стояла возле неё и что-нибудь ласково говорила. Корова хрумкала траву и покачивала головой.

– Понимает, – улыбалась мама.

Настало время, и мы все вместе утром провожали Майку в стадо. Мама вывела её за ворота, но Майка смотрела на стадо и стояла на месте.

– Но, пошла! – крикнул пастух и... стегнул её.

– Ты шо робышь? – закричала мама.

– Немчуру тебе жалко? – огрызнулся пастух.

– Какая она немчура? Она корова. Молоко у всех одинаковое.

– И кровь одинакова, – ворчал пастух. – Но, пошли!

Длинный его кнут, извиваясь в воздухе, издавал стреляющие звуки. Пастух был однорукий – таким вернулся с фронта. Мама стояла у ворот и беззвучно плакала...

С коровой мы зажили припеваючи. А там и отец вернулся домой после госпиталя. Ему для поправки нужно было питание, которое и обеспечивала наша Майка.

Поправившись, отец отправился в Белоруссию, где работал до войны, устроился на прежнее место и вернулся за нами. Решали вопрос, как быть с Майкой: гнать её своим ходом двести вёрст или же вести на машине? Остановились на втором варианте.

Загнали грузовик в небольшой овражек, задний борт открыли, положили его на откос. Упиравшуюся корову затащили в кузов, там обмотали её верёвками... В общем, и народ помучился, и животное.

На новом месте Майка с неделю едва-едва доилась, но потом отошла от встряски, и всё встало на свои места.

Мы жили в белорусском местечке, быт которого мало чем отличался от сельского. Так же люди держали скот, и каждое утро пастух гнал стадо на пастбище. Майка принесла нам несколько телят. А потом телиться перестала и сбавила надои.

– Ничего не зробиш, – сказала как-то мама. – Постарела наша корова.

– Продавать её нет смысла, – сказал отец. – Старая. Кто её купит? Придётся зарезать.

– Ты шо?! – воскликнула мама. – Да ни за што!

И всё же отец уговорил маму. Корову решено было зарезать: она крупная, мяса будет много, говядина тогда была в цене. Сговорились с «бойцами», которые пришли вечером, обговорили условия оплаты, посмотрели место работы.

Утром я сказал, что у меня болит голова, и в школу не пошёл. Не мог же я пропустить такое событие! Мама на меня ругалась и даже замахивалась полотенцем, а отец пытался успокоить её:

– А ты что хотела? Ясно, притворяется. Ему же интересно. Но мы его в сарай не пустим.

А мама была уже в истерике:

– Не дам! Она мне как родная. Не дам... За что? Бедное животное...

Пришли «бойцы» с завёрнутой в мешковину косой – ею они собирались перерезать горло нашей Майке. Мама как увидела это, закричала:

– Лучше мне перережьте! А корову не трогайте...

Отец заплатил «бойцам» отступного, и они ушли. В доме воцарилась тишина. А через неделю пришли какие-то мужчины и увели корову. Мама даже не вышла из дома. Она была подавлена, ходила в надвинутом на лоб платке и что-то шептала. Я пытался её успокоить:

– Мама, не надо... Не жалей так. Она же была немецкая. А немцы знаешь, какие были?

Мама ничего не отвечала, только гладила мою вихрастую голову...

Юрий БЕРИДЗЕ

Случаются сны неслучайно...

Поэма

I

Нет ни конца мне и нет мне начала...
Море меня вековечно качало
и принимала от века земля,
мягкие мне постелив ковыля.
Сладко мне спалось в моей колыбели,
и небеса надо мной голубели,
таяли, таяли в них журавли
и облака, словно розы, цвели –
белые розы небесного сада.
Сладок был сон,
нескончаем и сладок...

II

Как чутко спит дитя...
Лишь скрипки половицей –
и дрогнули ресницы,
и глазоньки блестят,
и морщится лицо,
и плач негромкий слышен,
и мама нежно дышит
над маленьким птенцом.

III

Лист, летящий наугад
в многоцветный листопад,
невесом я и несом
в золотой осенний сон.
И летят за мной вдогон

листья - каждый золочён,
краски осени горят
на исходе сентября.
Наш полёт – недолог он,
и волшебный этот сон
будет краток, как печаль,
уносящая нас в даль...

IV

А сны всплывают из морских глубин
и далее плывут вослед туманам,
и каждый сон - улыбчивый дельфин,
по-детски относящийся к землянам,
он сам землянин, только чудней нас,
и чудным сном всплывает в наши ночи –
и мы плывём, не размыкая глаз,
из наших болей, бед и одиночеств...

V

Сны мои рождаются в ущелье,
проплывают мимо цитадели
Петрес-цихе*, тихи, невесомы,
над дорогой старой из Боржоми...
сны мои, не прячьтесь в облаках,
все равно смогу вас отыскать...

VI

Мои молодые весёлые сны,
спасибо за то, что, как прежде, цветны,
симпатий ко мне с юных лет не утратив,
меня посещали в больничной палате.
И я выходил сквозь оконный проём,
с любимой куда-то бежал под дождём,
и вместе, как птицы, мы в небо взлетали
и вновь на каком-то прощались вокзале,
и поезд из нашей весёлой грозы
куда-то зачем-то меня увозил,
но знали мы оба: вернусь непременно –
куда нам обоим из нашей вселенной.
И я возвращался к любимой всегда,
куда бы меня ни везли поезда...

---

* Петрес-цихе – крепость Петра, ранее известная как крепость Квербила или замок князей Авалиани, в Боржомском ущелье, напротив дворца Романовых в Ликани.

Спасибо вам, сны, что вы снили мне это
в больничной палате, всю ночь, до рассвета...

VII

Вода клокочет и ярится -
таков уж норов горных рек,
но как солдату крепко спится -
не просыпаться бы вовек.
Не уходить от этой речки
и солнцем отогретых скал
туда, где жизнь так скоротечна,
и где не раз уже бывал,
где уходил от быстрой пули,
а может, пули обошли,
хотя кого-то зачеркнули
свинцом разящие шмели.
Но как ни крепок сон солдатский,
пробудит жёсткое «Подъём!» -
и снова в горы подниматься,
и сон уже порос быльём...
Ну, может вспомнится когда-то -
не в этой жизни, а в другой -
как крепко-крепко спал солдатом
под речки голос горловой,
под голубым шатром небесным,
и то, какие видел сны,
какие речка пела песни
гортанным голосом войны...

VIII

Словно вензель на холсте,
лёг изгиб Куры.
Постелите мне постель -
я сойду с горы,
принесу свою свирель -
звук высок и чист.
Постелите мне постель
там, где, каменист,
берег слушает Куры
быстрый говорок,
смех её и плач навзрыд,
где бежит поток,
из чужих бежит земель,

от чужой горы.
Постелите мне постель
у моей Куры....

IX

Бывает, ночью не уснуть...
И ладно: в этот час бессонный
я выхожу на Млечный путь,
шагая сквозь проём оконный.
Иду не худшей из дорог,
и не такой уж и безлюдной,
порой вступаю в диалог
с таким же, как и сам, приبلудным,
порой помашет встречный мне –
и молча дальше зашагает,
и я кивну - и в пелене
из звёздной пыли пропадаю...

**Александр
ЛОШКАРЁВ**

Мне б только водой родниковой умыться...

Стихи

* * *

Не потерять мне и не выменять,
пока ещё в своём уме,
ту, рядом с чьим коротким именем
моё писалось на стене
подъездной, чтоб не кануть без вести,
чтоб город точно знал про нас.
От этой несуразной дерзости
смешно становится сейчас.
Слова давно, конечно, вытерты,
немало минуло всего,
и жаль, что через жизни выверты
назад не отыскать следов,
где мы не воры, не любовники
и не герои мелодрам.

Я улыбаюсь, видя школьников,
целующихся по дворам.

* * *

Память шлёт без адреса обратного
письма, и кружат передо мной
города, поделенные надвое –
две судьбы, не ставшие одной.
Нежная доверчивая девочка –
было-сплыло, словно во хмелю...
Но куда от мыслей этих денешься?
Я тебя по-прежнему люблю.

* * *

Почему-то весна добавляет мороки
и стремленье из дома сорваться чуть свет,
и иду на вокзал, но опять по дороге
покупаю бутылку, забыв про билет,
потому что и ехать-то некуда, в общем, –
от себя не сбежишь ни в Москву, ни в тайгу.
Ветер небо апрельское в лужах полощет
и подошвы скользят на раскисшем снегу.
Я всю жизнь уезжал, уходил... Больше-меньше –
что считать-городить, если правда ясна?
Но глазами однажды оставленных женщин
на меня смотрит пристально эта весна,
пригвождая к стене, к пониманью простому –
чтоб простое понять, сколько нужно труда!
Потому и мечусь, убегая из дому,
что его на стихи променял навсегда.

* * *

Слёз не выдавить как на грех,
и от этого горше мука.
Смерть приходит одна на всех
и без стука,
и поэтому вечно вдруг,
и стоишь, что сказать не зная...
Я теперь никому не внук,
спи, родная...
В злой кладбищенской тишине
пробирает мороз по коже –
яма вырыта здесь не мне,
но мне тоже.
Это просто умом понять,
но не верится, хоть ты тресни,
что ещё одна часть меня
не воскреснет.

* * *

До утра не уснуть, вспоминаячи,
всё бродить да глядеть в небеса –
называли для смеху Иванычем
беспородного тощего пса,

что рычал и бежал за прохожими,
звонким лаем плевался во мрак,
сторожил жутковатый, заброшенный,
расселённый советский барак.
Почему-то казалось нам весело
загонять пса в потёмки углов
где пропахли войною и плесенью
чья-то молодость или любовь.
Он, побитый не раз выпивохами
и зашуганный местной шпаной,
побираясь случайными крохами,
всё равно возвращался домой.
Мы гоняли его безнаказанно,
а теперь вдруг – полжизни спустя –
вспомнив эту собачью привязанность,
разрыдаться готов, как дитя.
Приласкать, накормить, заступиться бы...
Но давно ни барака, ни пса.
Остаётся под вечер напиться и
до рассвета глядеть в небеса.

* * *

И вроде при деле – да всё на пределе.
И вроде живётся – да как-то не в масть.
В бескрайней России на каждой неделе
родиться – сегодня, а завтра – пропасть.
Да, чёрт мне не брат, да и смерть – не сестрица,
совсем не до них в этом царстве сует.
...Мне б только водой родниковой умыться
и выйти на свет...

* * *

Слово не попугай, не голубь, вообще не птица –
в клетке не обживётся, сколько ни мысли рай.
Выскочит, пропадёт, позабыв проститься,
лихом не поминай.
Сколько их – слов – отпустил я легко на ветер
и отношения рушил, как города...
Кто-то сказал: всё уходит на этом свете,
будто в песок вода.
Я не тужил да и, честно сказать, не думал,

что на руинах – счастья не возвести.
Прятал себя в городском монотонном шуме,
как медяки в горсти.
А вот теперь всё смотрю, разводя руками –
плакать не плачется, в голос не голошу...
Все пепелища мои засадить садами,
Боже, дай сил, прошу...

* * *

Когда пропитано опасностью
дыхание самой весны,
лелею чувство сопричастности
деяниям своей страны.
Не сдуру, не для вида важного,
а просто – без домов в снегу,
пейзажно-песенной протяжности
я быть собою не смогу.
Черты родимого минувшего
в вещах привычных узнаю,
когда бродяга взглядом Пушкина
глядит на Родину свою.

* * *

Ужаснёшься, как вспомнишь об этом
и подумаешь вдруг: сколько лет
мы друг друга сживаем со свету
и друг другу ломаем хребет.
Как вплетаются в мысли и споры
бесконечные жуткие сны...
Сколько ж бродит по нашим просторам
неприкаянный призрак войны?
Нет ответа в смурном поднебесье,
только снег вытираешь с лица.
Если молимся русской песней,
то России не будет конца.

Елена ЛУКАНКИНА

Прощение вместо прощания

Мистическая драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕТЯ – мальчик 12 лет
СЕРЕЖА – друг ПЕТИ, мальчик 10 лет
АННА – мать ПЕТИ
СВЯЩЕННИК
СТАРИК
ДРУГИЕ МАТЕРИ
ДРУГИЕ ДЕТИ

СЦЕНА 1

Вагон. В купе сидят ПЕТЯ И СЕРЁЖА. На столе разложена карта. Поезд едет без остановок. Колёса ритмично стучат. За окном – ничего не видно. Ночь. Больше никого в вагоне нет. Горит тусклый свет.

ПЕТЯ. Мне кажется, мы уже несколько дней едем в темноте.

СЕРЁЖА. Да-а-а (*протяжно*). Может, полярная ночь?

ПЕТЯ. Не-а, мы же едем с юга. Посмотри (*водит пальцем по карте*) – вот мы проехали Новороссийск, Ростов. Сейчас должен быть в Воронеже.

СЕРЁЖА (*прижимаясь лицом к стеклу*). Почему тогда нет солнца и света? Мы спим что ли, когда светло?

ПЕТЯ. Я не знаю. Но странно как-то... А ты помнишь, чем закончился спектакль?

СЕРЁЖА. Нет. Всё как в тумане.

ПЕТЯ. Мы, наверное, с тобой заболели.

СЕРЁЖА. Плохо. Не хочу.

ПЕТЯ. Кому же хочется болеть?!

СЕРЁЖА. И в вагоне людей нет (*выглядывая в тамбур*).

ПЕТЯ. Да и не было вроде. Мы сели и больше никого.

СЕРЁЖА. Скоро в школу. Все уже дома сидят, готовятся. Только мы с тобой ещё филономим.

ПЕТЯ. Это да-а-а... (*потягиваясь*). Эх, было бы так всегда. Ни уроков тебе, ни домашек!

СЕРЁЖА. Странно: и часы остановились. Даже непонятно, какое сейчас время суток.

ПЕТЯ. И сколько показывают?

СЕРЁЖА (*смотрит на руку*). Четыре тридцать...

ПЕТЯ. Интересно утра или вечера?

СЕРЁЖА. Если вечера – то мы в это время как раз на спектакле были. Помнишь?

ПЕТЯ (*задумчиво*). Ну да...

СЕРЁЖА. Почему же нет остановок? Не может быть, чтобы никто не выходил и не входил.

ПЕТЯ. А помнишь, фильм такой был – «Автобус смерти». После уроков школьники сели в него, двери закрылись, и он поехал. Сначала всё было спокойно, а потом... Он летел без остановок. Все визжали от ужаса, а водитель оказался вампиром и жал на газ.

СЕРЁЖА (*сгущая брови*). И чем всё закончилось?

ПЕТЯ. Он их убил, когда они в овраг улетели. Просто съел.

СЕРЁЖА. Не люблю ужасы.

ПЕТЯ. А мне странно, когда людям страшно. Это же ведь кино, а они всё равно боятся!

СЕРЁЖА. Так там всё как будто по-настоящему: и кровь, и страх.

ПЕТЯ. А ты как думаешь: перед смертью о чём люди думают?

СЕРЁЖА. О своей жизни, наверное.

ПЕТЯ. Жизни после смерти? А она есть?

СЕРЁЖА. Нет, о прожитой.

ПЕТЯ (*с грустью в голосе*). Я вот ещё ничего не успел.

СЕРЁЖА. Я тоже. А давай придумаем рассказ о поезде смерти, который везёт людей на тот свет?

Пауза.

ПЕТЯ (*испуганно*). Зачем? Глупая какая-то идея!

СЕРЁЖА. Почему глупая? Мы вот с тобой сейчас в поезде. Остановок нет. Пассажиров тоже. Солнце где? Кругом – тьма. Часы остановились. Чем не сюжет? Начнём так: «Их везли в ад».

ПЕТЯ (*с ухмылкой*). Также мне Спилберг! Насмотрелся фильмов!

СЕРЁЖА. А что такого? Не нравится? Ты же сам про автобус этот рассказывал.

ПЕТЯ. Это же кино! Совсем другое. (*Пауза*). Чем больше ты обо всём этом говоришь, тем больше я нервничаю. Что-то тут не так (*настороженно оглядываясь*.)

СЕРЁЖА. Ладно. Не будем ничего придумывать. Всё будет хорошо. Давай лучше в города поиграем.

ПЕТЯ (*выдохнув*). Давай.

СЕРЁЖА. Ну, начнём с родного города. Тамбов.

ПЕТЯ. Так-так-так. Вильнюс.

СЕРЁЖА. Хм. Саратов.

ПЕТЯ. Варшава.

СЕРЁЖА. И всё же странно, что за окном – всё время темень. Даже как-то страшновато. Скорей бы домой. Астрахань.

СЕРЁЖА. Так хочется мяч с ребятами погонять. Новгород.

ПЕТЯ. Донецк. А мне в деревню к бабушке съездить.

СЕРЁЖА. Краснодар.

ПЕТЯ (*смотрит в окно*). Даже небо какое-то чёрное.

СЕРЁЖА (*вглядываясь*). Красиво и страшно.

ПЕТЯ. Ростов-на-Дону.

СЕРЁЖА. У – это уже посложнее. Улан-Удэ.

ПЕТЯ. На «э» я не знаю. Поэтому Донбасс.

СЕРЁЖА. Это не город...

ПЕТЯ. Тогда Дно.

СЕРЁЖА. Какое ещё дно?

ПЕТЯ. Город такой есть, умник. У меня там тётя живёт. Рядом с Псковом.

СЕРЁЖА (*задумавшись*). А представь, если мы ночью приедем?

ПЕТЯ (*округляя глаза*). Слушай, а вдруг солнце навсегда потухло?

СЕРЁЖА (*скептически*). Чего?!

ПЕТЯ. Оно ведь должно когда-нибудь потухнуть. Я читал: солнце потухнет раньше, чем думали учёные. Оно постоянно уменьшается в размерах.

СЕРЁЖА. Но не сегодня же! Да и мы бы замёрзли без солнца-то.

ПЕТЯ. Кто знает! Может, мы спали, а в это время солнце умирало. Кстати, в вагоне сильно похолодало.

СЕРЁЖА. Да, холодновато. Но я не верю! (*качая головой*.) Этого не может быть!

ПЕТЯ (*улыбаясь*). Я тоже не верю. Мы точно заболели! Ты – такой белый.

СЕРЁЖА (*присматриваясь*). Ты тоже. Давай спать ляжем. Скоро Тамбов.

ПЕТЯ. Давай. Солнце обязательно завтра взойдёт. Вот увидишь!

СЕРЁЖА ...И мы окажемся дома (*улыбаясь*).

Мальчишки ложатся под одеяло и засыпают под стук колёс.

СЦЕНА 2

Кладбище. Холодный осенний день. Идут похороны. Вокруг двух могилки столпились люди. Бледная АННА, ДРУГИЕ МАТЕРИ и ДРУГИЕ ДЕТИ рыдают. СВЯЩЕННИК стоит рядом. Могилки забрасывают землёй.

СВЯЩЕННИК (*обращаясь к женщинам*). Мы все скорбим по этому трагическому случаю. Эти невинные дети будут оплаканы тысячами слёз и молитв. Я прошу вас всех крепиться и держаться вместе. И ещё – желайте своим детям мира и покоя. Им сейчас очень тяжело.

Анна начинает выть и убегает. Священник – за ней.

СВЯЩЕННИК (*ей вслед*). Анна, подождите.

Анна не останавливается. Выбегает за ворота кладбища и бежит по тротуару. Рядом проносятся автомобили. Впереди – мост.

СВЯЩЕННИК (*выдохшись, останавливается*). Подождите же.

Анна падает на колени.

АННА. Дети не должны уходить раньше родителей. Это невыносимо! Как я могу после этого жить?

СВЯЩЕННИК. Твоё желание – грех. Как ты этого не понимаешь?! Если ты наложишь на себя руки, то никогда не увидишь своего сына. Потому что попадёшь в ад.

АННА (*загробным голосом*). Мой ребёнок видел ад... Он горел в нём. Мой сын был в том зале. Он смотрел спектакль. Улыбался, был счастливым, хотел жить. И вот его не стало. Взрыв. Пепел. Смерть. Какая-то ничтожная секунда и нет этой жизни, моей жизни. Разве это один человек так решил? Что моего Петьки не стало. Нет его больше (*рыдая*.)

СВЯЩЕННИК (*кладёт руку на её плечо*). Эти тучи, трава, деревья – все они скорбят вместе с тобой.

АННА. Это не боль! Это сильнее и глубже! Здесь, внутри... Внутри меня всё выжжено.

СВЯЩЕННИК. Ты мучаешься. Но всё твоё существо полно любви и памяти... Отпусти своего ребёнка. Ему нужен мир и покой. Он уже был на войне. Ему пора домой.

АННА (*рыдая*). Он не вернётся домой! Никогда!

СВЯЩЕННИК. Бог любит тебя и твоего сына! Он встретит его...

АННА (*крича*). Мой бог остановил бы убийц! Это не мой бог!

СВЯЩЕННИК. Я буду молиться за тебя. Детей примут с заботой. Они откроют врата...

АННА. Он нужен мне здесь!

СВЯЩЕННИК. Твой ребёнок сейчас потерян, он между небом и землёй. Только ты в силе остановить его мучения!

АННА (*надрывая голос*). А где в это время был бог? Я спрашиваю тебя, где был твой чёртов бог, когда мой сын умирал?!

СВЯЩЕННИК (*тихо*). Бог был с ним.

АННА (*кидается на него*). И молча смотрел? Смотрел, как тельце моего ни в чём не повинного сына разлетается в клочья?! На это смотрел твой бог?!

СВЯЩЕННИК (*пытается обнять Анну*). Он умирал вместе с ним. На кресте. Он умирал и за этих детей.

АННА (*вырываясь*). Я не хочу... Я не могу больше жить! Бог забрал мою жизнь. Моё сердце мёртвое.

СВЯЩЕННИК. Анна, каждого ждёт свой суд. И меня, и тебя, и тех, кто лишил твоего ребёнка жизни.

АННА. Я не могу больше прощать! Я не могу больше терпеть! (подходит к перилам моста) Я иду к нему...

СВЯЩЕННИК. Это неправильно. Это не выход. Ты же знаешь...

АННА (*с ненавистью*). Самоубийцам нет прощения, да? Твой бог и этого не может понять?!

СВЯЩЕННИК. Всевышний хочет всем добра...

АННА (*поворачиваясь*). А мне? Что он оставил для меня?

СВЯЩЕННИК. Ты не можешь ненавидеть... Ты и ребёнка своего учила этому. Зачем, Анна? Зачем так терзать себя? Ты ни в чём не виновата!

АННА. Что же мне теперь делать?! Жизнь – это, по-вашему, счастье? А смерть – выходит, грех? Теперь моя жизнь – это моя смерть! Тишины больше нет и страха нет (*смотрит вниз, на реку*.) Есть только грохот этого пустого тела...

СВЯЩЕННИК. Ты должна жить! Ради своего ребёнка, который будет смотреть на тебя! Оттуда, сверху!

АННА. Я устала...

СВЯЩЕННИК (*гладит её голову*). Мы все устали... Отпусти его...

АННА. Как, если он во мне?

СВЯЩЕННИК. Поговори с ним. Открой своё сердце и поговори со своим сыном. Он ждёт твоей помощи. Скажи, что любишь его, и вы обязательно встретитесь.

АННА (*падая на колени*). Я не могу его отпустить!

СВЯЩЕННИК. Он всегда будет с тобой, но тебе надо отпустить его душу...

Анна, выбиваясь из сил, что-то шепчет, глядя в небо.

АННА. Петенька, милый мой, мама тебя любит и придёт к тебе.

Слёзы катятся по её лицу.

СВЯЩЕННИК. Вы встретитесь. Я обещаю.

АННА (*почти без чувств*). Мы – вместе...

СВЯЩЕННИК. Вы всегда будете одним целым...

Анна затихает, опускается на землю. Священник поднимает её. Несколько секунд они молча стоят. Потом разворачиваются и идут обратно в сторону кладбища.

СЦЕНА 3

Поезд неожиданно останавливается. ПЕТЯ и СЕРЁЖА выходят на залитую солнцем поляну. Поезд исчезает. Перед ними открывается небывалой красоты вид. Где-то неподалёку журчит ручей.

ПЕТЯ. Посмотри, как здесь здорово. (Пауза). А где мама? Она же должна меня встретить. Где это мы? (*оглядываясь*).

СЕРЁЖА (*испуганно*). Нас не там высадили.

Ребята осматриваются в округе.

ПЕТЯ. Поезд уже ушёл. Мы не попадём домой.

СЕРЁЖА. Посмотри вниз (*подходит к ручью*). Это же твоя мама.

В отражении ручья появляется Анна и Священник.

ПЕТЯ (*наклоняется, начинает кричать и размахивать руками*). Да, это она. Мама, это я, мама! Я здесь!

Петя зачерпывает ладонями воду.

СЕРЁЖА. Она сказала, что любит тебя, и вы обязательно встретитесь.

ПЕТЯ. Но почему она там? Мама должны быть здесь. На платформе. Встречать меня.

СЕРЁЖА. Я не знаю...

ПЕТЯ (*взволнованно*). Моя мама плачет.

СЕРЁЖА. Посмотри, а вон и моя мама (*показывает пальцем*).

ПЕТЯ. Ага. У церкви. И она тоже плачет.

СЕРЁЖА. Что-то не так. Мы здесь одни. Что же мы будем делать?

ПЕТЯ (*отчаянно*). Мы умрём с голоду.

Серёжа снимает с плеч рюкзак и растёгивает молнию.

СЕРЁЖА. У нас осталось печенье и минералка.

ПЕТЯ. Что же нам делать?

СЕРЁЖА. Надо найти кого-то, кто поможет. Вот тропинка. Значит – она куда-то приведёт.

Петя и Серёжа идут по тропинке, подходят к дереву.

ПЕТЯ. Посмотри, какое большое и старое дерево!

СЕРЁЖА. Наверное, дуб.

ПЕТЯ. А это мох. И что это значит?

СЕРЁЖА (*удивляясь*). Что?

ПЕТЯ. Мох растёт с северной стороны.

СЕРЁЖА. И что? Мы идём верно?

ПЕТЯ (*вздыхая*). Я не знаю...

СЕРЁЖА. А здесь хорошо...

ПЕТЯ. Ага.

Вдалеке показывается СТАРИК, который идёт к ребятам. Подходит к ним и приветливо улыбается. Все трое стоят, разговаривают.

СТАРИК. Здравствуйте, дети!

Серёжа и Петя в один голос: «Здравствуйте!»

ПЕТЯ. Скажите, где мы?

СТАРИК. Вы в тайном месте, о котором никто не знает.

СЕРЁЖА. А почему мы здесь?

СТАРИК. Это такая игра...

ПЕТЯ. Мы хотим домой. Отведите нас в милицию. Мы потерялись. Надо, чтобы нас нашли.

СТАРИК. Здесь теперь ваш дом.

ПЕТЯ. А моя мама? Где она? Я видел её в ручье.

СТАРИК. Она придёт к тебе. Но потом.

СЕРЁЖА. Потом??? Это когда?

СТАРИК. Однажды...

ПЕТЯ. Я хочу сейчас, чтобы мама была здесь (*плачет*).

СТАРИК. Мамы всегда будут мамами и всегда будут здесь. А вы всегда будете детьми.

ПЕТЯ. Почему? Мама говорила, что когда я вырасту, то стану лётчиком.

СТАРИК. Петя, ты – уже лётчик. Посмотри. Ты видишь?

Старик поворачивает Петю и Серёжу спиной друг к другу.

ПЕТЯ (*удивлённо оборачиваясь*). Это крылья?

СТАРИК. Да. Теперь вы можете летать.

СЕРЁЖА. А я могу прилететь к своей маме?

СТАРИК. Да. Но только во сне.

ПЕТЯ. Почему?

СТАРИК. Это игра.

СЕРЁЖА (*испуганно*). Я хочу домой.

ПЕТЯ. Я тоже.

СТАРИК. Так надо, ребята. Вы скоро всё поймёте.

ПЕТЯ. А как же школа? Через неделю первое сентября.

СТАРИК. Здесь вы научитесь всему.

ПЕТЯ. Чему?

СТАРИК. Помнить и прощать.

СЕРЁЖА (*хихикая*). Помнить правила и законы, а прощать учителей.

СТАРИК (*улыбаясь*). Да. Именно так.

ПЕТЯ. Я не хочу всё знать.

СТАРИК (*удивлённо*). Не хочешь?

ПЕТЯ. Я не хочу знать зла.

СТАРИК. А ты видел зло?

ПЕТЯ (*опустив голову*). Я видел, что взрослые сделали с Мухтаром.

СТАРИК. А кто такой Мухтар?

ПЕТЯ. Наша собака. Они содрали с неё шкуру и повесили на калитке.

СТАРИК. Мне очень жаль...

СЕРЁЖА. И я не хочу! Не учите нас этому!

СТАРИК. Не буду. Обещаю. Зато я научу вас летать. Высоко. Над горами и реками.

ПЕТЯ. А как же поезд?

СТАРИК. Он ушёл и не вернётся больше.

СЕРЁЖА. И мы не попадём домой?

СТАРИК. Дом – там, где твоё сердце.

ПЕТЯ. Мой дом – это мама.

СТАРИК. Значит – мама всегда будет с тобой. Верно?

ПЕТЯ. Верно.

СЕРЁЖА. Мне кажется, что я умер.

Пауза.

СТАРИК (*в ступоре*). Почему?

СЕРЁЖА. Я больше не боюсь.

ПЕТЯ (*изумлённо*). Не боишься?

СЕРЁЖА. Совсем ничего не боюсь. У меня есть крылья, и я могу летать. Я читал – так бывает, когда человек умирает.

ПЕТЯ (*вздрагивая*). Это правда? Мы умерли?

Мальчики испуганно смотрят на Старика.

СТАРИК (*заботливо*). Вы – мои гости.

ПЕТЯ. А почему у нас крылья?

СТАРИК. У ангелов есть крылья.

СЕРЁЖА. Вот это да!

ПЕТЯ (*опускает голову*). Я не увижу маму...

СТАРИК. Наоборот. Ты теперь её заступник.

ПЕТЯ (*радостно*). Я буду её охранять?

СТАРИК. Да. Она под твоей защитой.

СЕРЁЖА. И я тоже буду защитником?

СТАРИК. Да, друзья мои! И у нас с вами много дел.

ПЕТЯ. А можно желание? Раз я – ангел.

СТАРИК. Да, конечно.

ПЕТЯ. Я хочу, чтобы у меня был братик. Можно так сделать?

СТАРИК (*оторопев*). Ну... На всё воля...

СЕРЁЖА. Господа. Но Петя очень просит...

СТАРИК (*немного помолчав*). Да, у твоей мамы будет мальчик. Я обещаю. А у тебя, Серёжа, есть желание?

СЕРЁЖА (*удерживая слёзы в глазах*). Я хочу, чтобы поезд, на котором мы приехали сюда – сломался. Навсегда, ну... или хотя бы на время.

СТАРИК (*с горечью*). Увы, но у него своё расписание.

СЕРЁЖА (*жалостливо*). На двадцать минут. Пожалуйста.

СТАРИК (*разводя руками*). Ну, хорошо. Будь по-вашему! А теперь нам пора.

ПЕТЯ. Куда?

СТАРИК. Знакомиться с вашими новыми друзьями.

СЕРЁЖА (*весело*). А их здесь много?

СТАРИК. Да.

ПЕТЯ. И они все – ангелы?

СТАРИК. Да, все.

ПЕТЯ. А моя мама станет ангелом?

СТАРИК. А это зависит от тебя, дружок!

ПЕТЯ. Мама говорила, что по-настоящему плохих людей не бывает. Просто их сильно обидели.

СТАРИК. Теперь вы понимаете, почему у нас с вами так много работы?!

СЕРЁЖА. Да, чтобы зла было меньше.

СТАРИК. Помнить и прощать – вот, что умеют ангелы.

ПЕТЯ. Я помню и прощаю.

СТАРИК. Кого ты помнишь?

ПЕТЯ. Маму. Свою семью.

СТАРИК. А прощаешь?

ПЕТЯ. Того, кто убил Мухтара...

СЕРЁЖА. ...И нас.

Серёжа подходит к дереву и прижимается к нему. Петя берёт Старика за руку. Они смотрят вдаль. Поезд, подъезжая к станции, останавливается. Из него никто не выходит.

Картина замирает, будто кадр кинофильма, очертания размягчаются, цвета становятся яркими, фигуры и лица заштрихованными. Всё это превращается в рисунок на листе бумаги, который маленький Алёша дорисовывает и бежит показывать маме. Анна улыбается, целует Алёшу и нарисованного Петю. В её глазах – слёзы.

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Полицмейстер Старынкевич

Главы из романа

Предисловие

Жизнь Константина Юльевича Старынкевича известна неоподобно, дробно и неудобно. Бог весть, когда и где появился на свет. Потомственный дворянин. Окончил в Москве гимназию. В 1879 году выпустился из Александровского военного училища в прапорщики Литовского гвардейского кавалерийского полка. В 1883-1884 годы младший чиновник по особым поручениям канцелярии Тамбовского губернатора барона А.А. Фредерикса. Позже был Кирсановским уездным полицмейстером. По совместительству выполнял общественные обязанности директора уездного тюремного отделения, почётный член пожарного общества, член уездного по вопросам воинской повинности присутствия член уездного по питейным делам присутствия. С 1900 года городской полицмейстер г. Тамбова...

Вхождение в должность

Первое время новый полицмейстер помалкивал и тишился. По крупичкам собирал, казалось, на первый взгляд, разрозненные, разнородные, странного и стороннего свойства сведения о Тамбове. Сначала он согласился с Лермонтовым: «Там есть три улицы прямые // И фонари, и мостовые...» Но быстро понял, что губернский город живёт многообразно и многослойно.

Выглядел он могучим, свежим, чистолицым, источал самый приятный на свете запах – молодости. Так как навредить никому ещё не успел, то появлялись пока одни доброжелатели и приятные знакомства.

Первым делом он навёл порядок в уличном движении, дабы горожане поняли - появился хояин. Самыми разнузданными нарушителями считались извозчики. Их матерная ругань славилась по России и стала своеобразным эталоном – ругается, как извозчик. Причём обложить они могли в том числе и поли-

цейского. Старынкевич пресёк всё это за неделю беспощадными штрафами или отсидкой в полиции. О штрафах этих возвещалось в его знаменитых «приказах» по полиции, которые ежедневно печатались в издававшейся тогда особой газете «Тамбовские Ведомости»: «Легковой извозчик Фомин слез с козел – штрафу 10 рублей», «Трошин оказал слушание полиции – штрафу 25 рублей», «Слез с козел и толпился на тротуаре», «Халат рваный – штрафу 5 рублей», «Произнёс неуместное замечание – штрафу 15 рублей», «Иванов ругался на прохожих непотребно 10 рублей» и т.д. На улицах стихло. Извозчики смиренно и молча сидели на козлах, не смея слезть с них с унылыми минами. Одним из первых наведалься к городскому голове купцу первой гильдии Толмачёву. Кабинетная его зала напоминала сразу торговый зал и гостиную. Полукруглые высокие венецианские окна, блестящие фикусы с листьями из блестящей брони. Всяк входящий оказывался то ли в Бразилии, то ли в Египте. Вокруг длинного, в три сажени, дубового стола кресла из кожи, толще чем у носорога. На столе в красивых ажурных плетёных корзинках знаменитая толмачёвская выпечка, с первым спросом в городе. Пузатые графины с клюквенным и малиновым морсом. С потолка струились две хрустальные люстры. Старынкевич был хитрецом. Хочешь в душу влезть – изреки лезть.

– Вы первым на Гимназической электрические фонари пустили. Ночью, как днём. Как вам удаётся держать, сдерживать соперников по хлебному делу? И много лет.

Городской голова напоминал лермонтовского казначея. «Хозяин был старик угрюмый с огромной лысой головой». Лицо имел мягкое, но глаза тяжкие. В окна ударил огненный закат. Старынкевич аж зажмурился – неужто пожар? Солнечные лучи превратили голову городского головы с огненный шар и подожгли зеркало. Зрелище так комично, что полицмейстер не выдержал и усмехнулся. Видение было недолгим, опустился сиреневый вечер.

– Константин Юльевич, рад, искренне. Незванный полицмейстер лучше татарина.

В противную строгому лицу с глубокими складками, рука оказалась тёплой и доброй.

– Почему вы мне одному из первых нанесли визит? Не такая уж моя видная фигура. Мало, что могу, много что везу.

– Мало кто так глубоко знает всю подноготную и подземную жизнь Тамбова, как вы.

– Откуда такие приговоры?

– Ваши глаза, как и у всех, зеркало души и тела. Мозг рядом с глазами и он в них отражает свою глубину или пустоту. Вы когда-нибудь видели дурака с умными глазами?

– Ваш предшественник был пьяница, мздоимец, подлец, наглец и бездельник. Я с ним был на ножах. Не он со мной, а именно я с ним. Судя по вашим глазам, вы, должно быть, порядочный человек. От кутузки меня спасали только мои суммы и кавалерство, а его погубили.

– Но он держал город в спокойствии.

– Это мы его держали на довольствии.

– Так вы полагаете, взяточник не может быть порядочным полицейским?

– Ты денежки-то бери, но законы исполняй. Иначе ты опаснее любого вора или грабителя с разбойником. Деньги взял, а сам ни палец о палец ни фунт изюма.

– Хуже, он душитель законов и справедливости. В Древнем Риме мздоимцам отрубали руки, как вора.

– Ну это вы, ваше высокородие, загнули за край. Справедливости на свете быть не может. Она мечта, фантом, небеса недостижимые до них лестницу не построишь. Бред правдоискательства – самый для общества опасный. Ваш предшественник, так говаривал. Руки на то и приделаны, чтобы брать и более ни для чего. В жизни всё гораздо проще. У нас в Тамбове издавна принято и вам это знать надо, если хочешь принадлежать к нашему обществу, то ты должен играть в нашу, а не в свою игру.

– Переступатели законов были всегда и везде. Иначе сами законы не были бы нужны. Крали и крадут всё, что плохо лежит, а что хорошо – присваивают, крадут из казны и из карманов. Задумал я, ваше степенство, извести воровство в нашем городе с вашей помощью. Вас купцы уважают, соберите мне их всех для важной встречи.

Купцов Толмачёвых и топором не вырубить из истории Тамбова. Нажитое ими росло и к концу девятнадцатого века перевалило за миллион серебром. Толмачёвы ни разу не писали договоров или соглашений. Работали только на доверии и честности купца русского. Уговор дороже денег. Ударили по рукам – сильнее любой печати шваркнули. Память о них сохраняется до сих пор. В том числе и на Воздвиженском кладбище. А о тамбовских нравах Старынкевич узнал много. Проникся к нему и городской голова, открылся.

Домашний уклад в семье Толмачёвых соответствовал «Домострою»: жена Агафья Яковлевка подчинялась мужу, пятеро сыновей отцу в рот глядели беспрекословно. Кроме своих детей, были трое приёмных. Дети начинали трудиться с пятнадцати лет. Глава семьи часто говаривал «Отдохнём, когда сдохнём!». Работали много и потому любили праздники, тратили на них много денег, дабы получить истинное удовольствие от отдыха. Свадьбы гуляли с размахом, по несколько дней.. Приглашалось сотни гостей, накрывались обильные столы. В жёны брали девушек намного моложе мужей. Толмачёвы хранили исконно русскую кухню. Все рецепты их кухни были традиционными, полученными от отцов и дедов, новые почти не приживались... Дома строились большими: из двух частей – парадной и жилой.... За высоким палисадом размещались конюшни, сарай, баня и сад. Вешали свои и предков портреты, в стеклянных шкафах теснились красивые дорогие безделушки. Все подоконники были густо заставлены бутылками с наливками и настойками, поэтому окна плохо открывались, проветривали редко.

Задумал Старынкевич изловить всех воров и грабителей губернских, как щук в пруду, а уж потом взяться за всякую мелкую селяву и пескарей-карманников, и мелких щипачей на Базаре. Для этого использовать решил самое обоюдоострое оружие сыщиков всех времён и народов: доносчиков, осведомителей

и доносителей. Притягивал он их двумя вожжами: страхом перед тюрьмой и деньгами. Ничего нового под Луной со времён Древнего Рима. Доносчики вербовались из числа самих воров, скупщиков краденого, пристанодержателей, половых в кабаках, чайных, доходных домах. Последних он не бросал в застенки. На свободе они ценнее, всё краденое тут же становилось известно полиции. В Тамбове существовали два города: надземный и подземный. Сколько проживало на земле, было известно из переписей и реестров, собираемых околоточными надзирателями, а подземные жители как бы и не существовали вовсе. Третьей категорией, из которой рекрутировались агенты полиции, были подстёги – проститутки. Набирались и так называемые доверенные лица – простые граждане, передающие сведения «кто что сказал» в людных местах, сборищах и скоплениях людских, к таким иногда случайно прилетали ценные сведения. Каждую субботу полицмейстер собирал весь личный и наличный состав полиции и занимался обучением. Начинать всегда с одних и тех же слов, воздев горе перст:

– Сила полиции состоит не в оружии и острогах, а в здоровье общественной морали. Полицейский есть воин армии порядка – он видит и слышит и обо всём замеченном доносит. Из его донесений составляется план действий этой армии, всегда готовой своевременно тушить огонь преступления. С другой стороны нигде нельзя так легко потерять место и остаться без куска хлеба, как в полиции. И в то же время, ни в какой другой должности не приходится испытывать столько тревог, волнений и отступлений от правильного образа жизни, отражающихся на состоянии здоровья и делающих человека неспособным к труду после десяти лет службы.

...Спустя время, тамбовские полицейские выбились в самые сноровистые в России. Бывают времена, когда тревога проникает во все слои общества. Безотчётная и холодная, как нетопленая печь в избе. Проникает в народ этот страх незаметно, как туман, и исчезает так же. Так произошло в 1905 году. По всей громадной империи шла охота на министров, губернаторов, высоких полицейских и жандармских начальников. Болела власть, выздоравливал народ. Укрыться от боевиков и террористов стало невозможно. Их стреляли, взрывали, травили, резали, давили, душили. Старынкевич договорился с начальником жандармского управления полковником Жихаревым об охране губернатора Муратова.

– Я не буду делить ответственность за гибель тамбовского триумvirата Лауница, Богдановича и Луженовского. Убийство кирсановского исправника Жмаева и трёх его стражников. Мы с вами виноваты оба. Давно известно тот, у кого много власти или денег, боялся всегда. Я что-то не припомню счастливого миллионера. Бедняку и рубль в достаток, а богачу и тысячи мало.

– А если то и другое, то вдвойне. Согласитесь теми силами, что мы владеем – мои двести полицейских и ваши полсотни жандармов на трёхмиллионную губернию мизеральность ничтожная. Потому уповаю на агентуру и доверенных лиц. Анализ перемещения эсеров поможет раскрыть их намерения.. Будем рассуждать арифметически. Если каждый офицер полиции и жандармерии будет иметь по... ну, скажем, по тридцати действующих и расторопных осведомителей, то наши силы увеличатся ровно в тридцать раз. Знание – сила, как говорили древ-

ние греки. А это уже кое-что. Предлагаю разработать совместный план вербовки и расстановки агентурной сети в губернии, дабы пронизать ею все слои и уезды.

– Согласен. Что для этого необходимо?

– Как и всегда. Мозги и деньги. Деньги и мозги.

– И то и другое в большом недостатке.

– Как всегда. Но это всё не сиюминутные задачи, а теперь предлагаю посетить нашего дражайшего губернатора, больно он боек и бесшабашен.

Муратов долго не соглашался, но дух болезненной добросовестности заставлял Стрынкевича упорствовать.

– Мы, Николай Павлович, настаиваем на вашем отказе от частых выездов и посещений мест скопления людей, там, где безопасность ваша затруднена.

– Легче меня в камеру тюремную запрятать, там уж точно социалисты не достанут.

Старынкевич засмеялся.

– Их в тюремном замке как собак небитых набито, там вы и дня не продержитесь.

Старынкевич знал, что губернатор как умный человек, скоро поймёт, что он его попугивает, имея целью безопасность не только своего начальника, но и собственную. В случае чего, от наказания вплоть до освобождения от должности. Выслугу лет и пенсион он давно и с лихвой выслужил, но чуял: как только уйдёт, долго не протянет. Служба в его солидном возрасте была надёжным спасительным щитом и спасательным кругом, а покушение на Муратова прямоком отправляет его ко дну, то есть на загородную дачу в Тулиновку сажать огурцы и клубнику. Убийство второго тамбовского губернатора, если считать Лауница, ему министр не простит. Он станет крайним. А крайний всегда последний. А последний всегда стрелочник. Об убийстве собственной персоны он как-то не думал. Его смерть была распланирована по должности и естественно вытекала из службы. По России уже несколько десятков полицмейстеров и градоначальников удостоились чести быть награждёнными Святыми Владимиром второй степени с мечами посмертно, а семьям назначен повышенный пенсион. С другой стороны, собранные им агентурные данные говорили, что эсеры даже и не рассматривают покушение на него, так как уголовный мир к нему со всем уважением и почтением. За честность и порядочность. Вора и мошенникам порядок в городе необходим, как и всякому гражданину. Спросите у самого отпетого налёточика, и он вам скажет: полиция необходима, без неё наступит конец света. Чаще других перед ним возникал приятный облик Александра Николаевича Луженовского, советника Лауница, застреленного эсеркой Спиридоновой на Борисоглебском вокзале. Безумная фанатичка прервала жизненный полёт такого сокола! Какой могучий мужик был телом, духом и умом! Бывало, о презумпции невиновности мог говорить бесконечно и захватывающе, будто сказку сказывал. Однако мужиков тамбовских непокорных порол и в кутузку тащил безо всякой презумции. Ходячей был энциклопедией, а стал лежачей памятью. Внешне напоминал сразу Алёшу Поповича, Александра Невского и императора Александра Третьего.

Таких женщины зовут красавец-мужчина. На него, как на знаменитого артиста, дамы ходили в окружной суд слушать. Так и звали «присяжный соловей». А убийца Спиридонова влюблена была до соплей. Тряхнёт кудрями, улыбнётся синими глазами, никакая бабёнка не устоит. Глядя на него, думалось, что именно таким хотел создать Господь человека. Часто разговор с ним так и оставался монологом.

– Прости, Саша, не убьёт я тебя. Виноват не прощаемо и неизбежно. Знал, что покушение на тебя будет, даже знал, кто жребий вытянул. Да передала она сестре. Выпросила твоя палачка, в тебя влюблённая, честь – тебя убить, потому и следили лишь за сестрой её, а не за Марией. Промашка на Машку вышла, извини за шутку замогильную. А должны были предположить. Тем настоящий сыщик от городского околотня отличается – предвидением и интуицией. Собака сыскная по запаху след берёт, а сыщик по разуму. Потому про нас так и говорят «нюх как у собаки». Старынкевич лукавил сам с собой. Еженедельно, в чистую субботу проводил он с нижними чинами полиции, то есть с городовыми, занятия по служебной подготовке. На вооружении полиции стояло холодное оружие – сабля, в народе шутливо обзываемая «селёдкой», и огнестрельное – револьвер типа «Нагана». Сабля применялась крайне редко, а потому из ножен вынималась ещё реже. Металл ржавел, старел, с трудом вынимался из ножен. Начальство спрашивало только за блестящий бронзовый эфес, который приходилось часто чистить толчёным кирпичом. Учебные стрельбы до Стрынкевича не проводились. За экономию патронов начальство благополучно ежеквартально получало премии. На первом построении Старынкевич дал команду «Сабли наголо!». Половина не смогла выполнить приказ. Револьверы покрылись грязью, и в стволах завелись тараканы, городовые, собираясь на пост, совали в кобуру сало и хлеб. Кобура больно болталась на левом боку, и полицейские часто закидывали её за спину, что создавало трудности при доставании оружия, а значит, его быстрого применения. Старынкевич издал приказ о ежемесячных стрельбах и упражнениях по фехтованию на саблях. Тут ему с его искусством обращения с палашом и карты в руки. Он до сих лет не бросал ежедневные занятия, называемые «час силы». Для него гимнастика и спорт – успокоение нервов. Вид тамбовских городских стал меняться. Распрямились горбы, опали животы. Походки стали пружинистыми, уверенно плавными. Глаза заискрились интересом и добротой к людям. В действиях появилась весёлая уверенность. Весь Тамбов сначала с удивлением, а потом со смехом наблюдал, как городовые водили в фотографию Боруха Шредера на Гимназическую весь преступный мир города. Химические вещества и светочувствительные пластинки доставлялись из Германии и стоили недёшево, но воры, щипачи грабители и барыги платили с довольством. Старынкевич и тут придумал обманку-приманку:

– Пусть каждое лицо само заплатит за своё лицо в двух экземплярах. Одно в картотеку полиции, другое на память. Под стекло на стенку.

Гоп-стопник Грошев сокрушался:

– За свою же мордовень и плати. Я бы за эти деньги маруху снял и напился бы в стельку. Ну, полицмейстер и хитёр-мудёр!

Старый карманник Ярушкин рассудил мудро,

– С другой стороны, честь вам оказывается, обалдуи . Теперь мы все в полиции, как в музее, навечно. Большая честь. Я помру, а меня помнить будут. Молодец Старынкевич!

Решение оказалось соломоновым. Теперь у каждого будет фотография на толстом розовом картоне, а в полиции останется портрет. Через полгода в полицейском архиве числилось триста тридцать два лица. Мудрость полицмейстера оказалась в том, что никому из них совершать переступления закона в Тамбовской губернии уже нельзя было: опознание следовало незамедлительно. Сам Старынкевич удивился, когда преступность за 1910 год снизилась почти вдвое. Грабители и карманники базарные перестали промышлять в Тамбове, стали отправляться на отхожие промыслы в Воронеж, Рязань, Пензу, Москву. Те же, кто решался воровать в родном городе, вынуждены, как актёры, прибегать к парикам и гриму, дабы не быть узанными и опознанными. Старый налётчик Никифор, смачно чихнув от крепкого табачку, усмехнулся:

– Всех приковал в одночасье без кандалов. Все мы вроде и тут, и вроде там, в полиции. Как телки на привязи. Хитёр-мудёр. Теперь от ока государева – полиции –никуда не денешься.

Скоро полицмейстер понял, что встречаться с осведомителями ему всё труднее и опаснее для них. Горожане стали узнавать: втайне не появишься, да и времени не хватало. Губернатор всё теснее привязывал к себе, привязываясь сам, не отпуская часто по целым дням. Муратов – человек в губернии новый и переборчивый, а к нему проникся.

– Скажите, Константин Юльевич, чем различаются добро и зло?

– Ну, зло дело быстрое, а добро – медленное и долгое. Ждать приходится. Можно и не дожидаться. Секанул ножом по горлу – секунда, а заживать будет, если повезёт, полгода. Зло само приходит, добро и во всю жизнь не дождёшься.

– Думаю, вы правы. Если сделаешь людям добро, обязательно в ответ зло получишь.

Старынкевич с горечью и сожальной грустью стал замечать, что фамилия его пришла в соответствие с внешнем и внутреннем обликом. Старость его повергала в уныние. Достойнее погибнуть в бою со смертью, а не с болезнями. Чем старше становится человек, тем реже заглядывает в зеркало. Потому что страшно. Ещё пять лет назад на него глядело относительно молодое румяное лицо, а сейчас – непереносительно старое, морщинистое. Семь десятков лет! Да каких! Как только дожил? Подвиг, а не цифра! Хотя нет, вся наша жизнь – цифры и числа. Статус чина – число, выслуга лет – цифра. День рождения – число, а дата смерти – цифра. Число – это пока ты в жизненных списках числишься. Цифра – это когда твой труп статистикой станет. Смотришь с колокольни прожитых лет, и дух захватывает, а падать – обязательно. Когда? Одно известно – скоро!

Но бурливая и многослойная река губернской жизни в отличие от тихой и ласковой Цны не давала покоя ни днём ни ночью. Днём вершилась обычная обывательская, а ночью – воровская разбойничья, опасная. Почти в каждом дворе выпускались свирепые клыкастые псы, зловеще звенящие длинными цепями.

Закладывались на толстые переклады ворота и двери. По каждой улице ходили нанятые сторожа с трещотками и свистками. Жильцы побогаче запирали свои улочки и переулки на ворота, а собак спускали с цепей. Поэтому город после заката и до рассвета замирал, освещаясь только редкими фонарями. Светло было только на Дворцовой, Большой, Гимназической и Дворянской. Горели нездешне фиолетово газовые люстры, фланировали щёголи в клетчатых обтяжных брючках, модницы в разноцветных шляпках-горшках, ходили ночные городовые, блестя бляхами, до поздней ночи гремела музыка в ресторанах и кабаках. Дымились сочные тополя. Летели пролётки, экипажи, кареты, извозчики-лихачи. Губерния гуляла. У состоятельных дворян и купцов кучера, они же и охранщики, обычно дюжие и наглые, обученные уложить любого с одного удара, отгонять попрошаек и проституток, носить пьяненького хозяина. Человечество всегда сопровождали животный и преступный мир. Кошки, собаки, крысы, мыши, мухи, тараканы, воры, грабители, мошенники, разбойники, убийцы. Преступный мир Тамбова в прямом и переносном смысле обретался под землёй, рядом с крысами и мышами. Старынкевича жгуче интересовал вопрос: как обычный человек становится вором или убийцей.

– Ты должен любить преступника. Только тогда ты его быстро найдёшь, и он тебя полюбит. Сыщик ненавидящий и плюющий на людей – никудышный сыщик.

Когда наступало время между вечером и ночью, полицмейстер объезжал, а чаще обходил центр города, проверяя несение службы городовыми и околоточными надзирателями, а заодно и дворниками, заботясь о народном спокойствии – главной задаче полиции. Старынкевич к Горохову благоволил за могучую статью, пышные усы, и мужицкую крестьянскую аккуратность. Всё в нём было ладно пригнано. Амуниция начищена до золота. Бляха светила фонарём. Поскрипывая зеркальными хромовыми сапогами, городской густым гулким басом доложил,

– На Долгой, Набережной, Астраханской и в Двориках происшествий не замечено. Благодравие в полном здравии.

Старынкевич улыбнулся:

– Сам придумал про благодравие?

– Сам.

С палашом ходить было бы смешно, но и без него он чувствовал себя, как голый в бане, а крестьянин в банке – безоружным и беспомощным.

Револьвер почему-то не придавал ему уверенности и силы. Может, потому что палаш рождал поединки, а револьвер – убийство.

Полицейская честь так же отличается от чести гвардейского офицера, как честь судьи от чести следователя. У судьи, как и у офицера гвардии, одни только полномочия и никаких обязанностей, а у офицера полиции одни обязанности и никаких прав. Полицейский первым разгребает всю грязь человеческую, очищает её, готовит для передачи следователю и судье. Судья и следователь без полиции бессильны и бесполезны. Только она даёт им работу. Она им пищу готовит. Она – повар, а они – её поглотители.

– Да, но без суда и следствия полиция тоже бессильна.

– Честный и порядочный полицейский и следствие проведёт, и наказание вынесет справедливое. В России-матушке для простонародья был и есть околоточный- самое первое воплощение власти. Крестьянин как увидит в городе городского, так сразу петь начинает «Боже, царя храни...». И боится он его больше царя – тот далече, а этот в кутузку сволоочь может запросто, ни за что ни просто. Большинство тамбовцев в дальние города и места не ездили. О мире слышали понаслышке. Наслышка была самая причудливая. В Китае водились драконы. В Индии люди с хоботами, слоны и бегемоты. В отхожие промыслы в Москву, Воронеж, – таким завидовали и побаивались. В Рязань ездили самые отчаянные и отвязные. Тамбов считали самым большим в мире... Там всё есть: и магазины, и базары, и городские. Без полиции нет власти, а полицейский он и есть «власть, чтоб в карман класть и жить всласть».

– Ну, показывай, где у тебя тут злодии разные, злыдни подпольные, мошенники зловердные, щипачи базарные и подстёги срамные, забияки запьянцовские обретаются.

– Только они, ваше превосходительство, не базарные, а подземные. У нас два Тамбова. Один на земле, а второй под ней. И никто не знает, сколь там внизу какого роду племени людишек.

– Ты часто туда спускаешься?

– Один раз только, когда татары дочь статского советника Давыдова умыкнули. Сам губернатор, его превосходительство Ошанин всех нас собрал. Пятьдесят восемь служивых набралось. Вооружились фонарями и сразу с пяти ходов пошли. Целый день бой был. Я уж там душу отвёл. Дюжину скрутил лихих огольцов. Они потом подходили жаловались. Кому шею свернул, кому руку...

– Как думаешь, кто у них верховодит и как найти главарей?

– Так они уж лет под сто или больше те норы освоили. Там рождаются, живут и умирают. Главных назвать могу, но они ни в чём предосудительном не замечены. Одно слово – подпольные тайные воры.

На Гимназической среди десятков других, между дымчатых тополей располагался магазин Колониальных товаров купца второй гильдии Байкова. С витрины щерился лупоглазый аллигатор и угрожал прохожим жёлтыми клыками огромный седой щетинистый кабан. Хозяин Иван Анисимович встретил покупателя, кивнул не головой, а всем брюхом – сразу уразумел по одежке и обуви, что за птица. Русские купцы распознавали людей не хуже хорошего сыщика. По уверенности в глазах и руках яснилось, гость привык командовать и принадлежал к благородным. И в лавке огляделся, как хозяин. Купец фразой соответствовал.

– Каков прэдмэт вашего интэрэса?

– Есть трость-стиллет прочная и надёжная?

– У нас всё есть, пожалте вот к витрине. Одна из лучших, рукоять из лосиной кости, прочнее камня, сталь златоустовская. Вот мешок с рожью, можете испытать.

Полицмейстер сильно ударил по большому пузатому глиняному горшку. Тот разлетелся в дребезги.

– Горшок стоит два рубля.

– Стоил, а теперь ни гроша ломаного. Отошлите весь счёт в полицейское управление.

Пройдут годы и года. Старынкевич превратится в сморщенную высохшую не свою копию. Седые щётки бровей нависнут над боязливым прищуром щёлочек, заплывших временем, бесцветных глаз. Все младенцы и старики поразительно похожи, как близкие родственники. Долгая жизнь прорезала глубокие скорбные складки вокруг носа и рта выдавали сожаление о прыткой молодости. Склеротическая синяя сеть тянула в вечность. Волны морщин на лбу выдавали прошедшие бури и волнения. Рост уж не гренадёрский. Согбен, скрючен, ледащ, уродлив. Двугорбый верблюд – один на спине, другой на животе. За что, Господи, из могучего гренадёра превратил в беспомощного старца? Ну да ничего, раз сыплется, значит, есть ещё песок в пороховницах. Но так будет ещё не скоро... Сегодняшним утром полицмейстер всё же решился написать дерзкое письмо директору департаменту полиции.

«Ваше высокопревосходительство! Выделяемые министерством private и подкожные суммы по статье 9 Уложения о сыскной плиции для стимуляции работы осведомителей, доносителей и внутри камерных агентов крайне мизерны и не позволяют использовать всю возможность агентурно работы. Их размер не менялся вслед за курсом денег за последние десять лет. Пятьсот рублей едва хватает на проведение трёх десятков внутрикамерных разработок, и на агентов-маршрутников не остаётся средств. Кроме того, в Тамбове традиционно сильна организация партии ЭСЭРОВ, которые постоянно готовят на территории всей Российской империи теракты. Тамбов является одним из гнездовых... (подумал и зачеркнул «гнездовый», написал гнёзд, потом зачеркнул «гнёзд» и написал «гнездовищ») преступности. Особо крупные кражи, грабежи и разбои имеют место на сортировочной станциях железной дороги Козлов и Грязи. Прошу увеличить лимиты выделения средств со статьи 9 Уложения о сыскной работе в три раза до 1500 рублей. Ожидаемая прибыль от этой суммы равна 15 000 рублей!» Прочитал и вычеркнул слов «выделения», сочтя его неуместным.

К вора и грабителям он тяготел больше, чем к партийным бомбистам и террористам. Первые убивали только в крайнем случае. Украсть, ограбить, разбить – эти преступления искони сопровождают Русь Святую. Тогда как вторые этим только и занимаются: лишением жизни лиц, наделённых властью. Дикость – бороться за равенство всех людей, и убивать часть из них не только богопротивно, но и противно самой природе человеческой.

Убийство титулярного советника князя Енгальчева

Людей Старынкевич делил на порядочных, непорядочных и беспорядочных. Князя Енгальчева, начальника второго стола губернского казначейства, относил к непорядочным. Титулярный, а гонором и гордыней действительного, а то и тайного перешибёт. Собственную пустопорожность и духовную нищету заполнял он значимыми и значительными предками, коих начинал тревожить всякий раз, когда хмель ударял в его заурядную голову.

– Наш род, старинный русский княжеский род – первые были потомки выходца из Золотой Орды князя Мамы. Внук его Енгалик Бедышевич назначен был царём в 1580 году князем Кадомской мордвы. Православие мы прняли только в 17 веке. Род наш всероссийский внесён в родовые книги Пензенской, Тамбовской, Московской, Тверской, Владимирской и Рязанской губерний. Прабабка моя – княгиня, красавица писаная Енгальчева богатющей была помещицей, но занималась разбоем на дорогах, так сказать, из любви к искусству, потому как была искусным атаманом шайки. А князь Парфений Николаевич Енгальчев, Шацкий уездный предвордитель дворянства, знаменитейшим был сочинителем. В молодости известный протестант-вольтерьянец, друг порицателя царского Новикова, написал «Простонародный лечебник» и «Словарь добродетелей и пороков». С теми, кто ниже, груб, нагл и оскорбителен. Тем, кто выше – готов облизывать голенища. Тело его обнаружили сегодня спозаранок в доходном доме помещицы генерал-майорши Мосоловой.

Пара гнедых стремглав донесла до места происшествия в конце Большой Астраханки. Дворник – громадный мужик с красным носом, чёрными глазами и рыжей бородой, преданно сверкнул медной бляхой. Прижал винтовкой метлу и вытянулся перед полицейским генералом. Дворники считались доверенными лицами полиции и получали место с её одобрения, получая рубль-два в поощрение рвения. Наблюдали за соблюдением порядка во вверенной территории, поведением жильцов и являлись непременными понятыми при обысках и задержаниях. Квартальный надзиратель коллежский регистратор Щредер Борис Владимирович, хмурая белые кусты бровей, доложил, что знал, но знал мало.

– Почему у вас трясётся рука? Много пьёте?

– От волнительной встречи с вами.

– Волнуйтесь лучше для дела розыска.

– Пока убийство при наличии отсутствия.

– Из каких же резонансов?

– Револьвер рядом с телом. Вокруг раны осаднение порошинок. Выстрел, значит, вплотную к виску...

Князь лежал на кровати, раскинув руки, будто не успев кого-то обнять. Кровь на белой простыне уже стала застывать, превращаясь из алой в тёмно-бордовый студень. От тела тёт ток смерти. Старынкевич втянул глубоко воздух, запоминая смесь запахов – бразильских сигар, олифы, человеческих испражнений...и ещё какой-то неприятный, то ли кислоты, то ли уксуса, то ли мускуса.

– Выясните, откуда запах свежей краски, выделений, ну.. то есть фекалий. Была ли у князя причина покончить счёты с жизнью, высказывал ли он её кому-либо, может, долги, болезнь тяжёлая, телесная или душевная. Он ведь в казначействе служил? Растратил? Проворовался? Вскрытие непременно пусть проведёт доктор Эмпахер. Желтобилетницу, с которой князь был, ко мне. Самим никому не опрашивать. Не похоже на самоубийство, видите, на полу больше крови, чем на кровати, значит, перемещали тело. Револьвер лежит не там, где упал бы после выстрела. Проверьте эмпирически.

Возвращаясь в управление полиции на Долгую, подумал, что смерть, обрывающая самую счастливую или ничтожную жизнь, уравнивает их и лишает всякого смысла.

В вечер Старынкевич маялся от бесцветной бездельной скуки на ужине у вице-губернатора Тарасенкова. Губернская знать не хотела знать о низах городской жизни и пребывала в радужном изобилии и пресыщении души и тела. Все эти тоскливые светские рауты и музыкальные вечера он воспринимал как неизбежную повинность за некую провинность. Утешался тем, что губернские дворянские традиции чрезвычайно консервативны и это есть величайшее благо, ибо если бы каждая новая эпоха создавала мораль заново, в мире бы давно уже воцарился нравственный хаос. Тарасенков, как всегда, притворно погоревал.

– Князь, хоть и непутёвый и, я бы сказал, беспутный шалопут, но у него на левой руке всегда сверкал роскошью фамильный бриллиант изумительной чистоты и красоты, почитай, целое имение. Возле красного он становился кровавым, рядом с голубым – иссиня синим, зелёным, малахитовым. Всё, говорил, пропью-промотаю в пух и прах, а его сохраню до могилы. Закладывал ростовщичку Манделю на набережной, но всегда выкупал каким-то чудом. Видно, хранил память о предках крепко. Интересно, сохранил ли? Алмаз, по их семейной легенде, подарен был его прадеду Екатериной Великой за поставку табуна орловских верховых лошадей Семёновскому полку. Енгальчевы были весьма богаты, почти век правили Темниковской мордвой, имели бескрайние земли в Моршанском и Шацком уездах. Это теперь худо-бедно, вернее, и худо и бедно, едва концы с концами...

В разговор втиснулась вице-губернаторша:

- Князь обладал непомерным самолюбием и низменными наклонностями.
- Зато высокого росту.
- Он часто винил других, дабы обелить себя, и враль известный.
- Но враль честный, потому как сам свято верил в то, о чем врал.

Листья дрожали без ветра, то ли от жары, то ли от страха перед осенью. За окном опустился злой туман. Никак не удавалось раздавить опьяневшую от старости, но ещё ловкую муху. Редко, как сейчас, накатывало нехотение жить. Но весь ужас смерти улетучивался, стоило лишь вспомнить, что до тебя прошли на земле многие миллионы лет и, что ты мог и не родиться. Старынкевич сразу забыл о приличиях и покинул особняк вице-губернатора, служба важнее. Он жалел беспутного князя. Из захудалых мордовских панков, он самый худой. Пьяница,

игрок. Не здесь ли разгадка? Проигрался, а долги отдавать нечем или незачем? Перстень ведь оставался на князе до последнего дня. Сколько нынче таких из обедневших фамилий? Полунищета, пьянство, дворянские фанаберия и амбиции, скандалезность, хамство. Говорят, князь всех, кто не называл его «Ваше сиятельство», чуть ли не на дуэль вызывал или по мордасам норовил. Долги и заложное не единожды родовое поместье в Елатомском уезде. Два года назад князь объявил себя «банкрутом», отдав за долги старый отцовский дом на Долевой. По карьерной лестнице не поднимался, а спускался. Чиновник по особо важным делам при губернаторе, столоначальник в казначействе, старший письмоводитель. Из князя в грязи чернозёмные.

Внутри полицмейстера что-то стукнуло, щёлкнуло, и он, хлопнув себя по лбу, обозвался дурнем. Старый ты околотень, тело-то не осмотрел подробно! Первая заповедь: правило места происшествия! Князь, хоть и мёртв, а рассказать многое может.

– На втором этаже у окна всегда сидит в коляске старуха, она плохо видит. Может она что-то или кого-то заметила?

– Кто плохо видит, тот всё замечает и запоминает, лучше любого остроглазого. Опросите её подробнейшим образом.

Вскороности квартальный доложил:

– Старуха Старова Лукерья видела подозрительного мужика в блестящих лаковых сапогах и плаще.

– Мужчину или мужика?

– Мужчину. Мужиков проходило много, мужчина один.

– А почему подозрительного?

– Потому что именно его она видела в первый раз. Из благородных. Прямой, как секира, и гордый, как индюк.

– Почему секира? Почему индюк?

– Не знаю, она так сказала.

– Узнай, гордый или надутый?

Старынкевич допрашивал мещанку Глафиру Звонарёву, «маманю», содержательницу публичного дома, где было найдено тело князя Енгальчева. Старая «подстёга» кокетничала с «видным мущиной». Несоответствие её поведения и возраста выглядело грустным и жалким. От прожитого всё у неё отвисло – круги под глазами, щёки, грудь, живот, но женщина, видно, не понимала, что жизнь вместе с молодостью давно съела и привлекательность. Допрос её ничего путного не принёс, она твердила одно: «У меня девки все законные, с билетами, и здоровые, с докторами».

– У меня к тебе просьба несколько необычного свойства. Узнай, вернее, понюхай-понюхай в прямом смысле, кто из них пахнет муксусом, наподобие зверька то бишь, как его... Как узнаешь, никому – только мне, иначе твой дом не станет публичным, а ты останешься одинокой вдовой без средств к существованию.

Сырой ветер угрожал весною и призывал к обновлению и оптимизму.

«Маманя» на следующий день стала божиться, что муксусом никто из её

девок не пахнет. Старынкевич сам решил «понюхать» проституток и приказал построить их всех в зале в полуметре друг от друга.

– А сегодня проследи, чтоб они не мылись до того, как я их осмотрю.

Судебный врач Эмпахер Вячеслав Михайлович, близорукий дальновидный еврей с выпуклыми очками, торчащими ушами и пейсами, похожий на пожилую жабу, беззаветно любил своё дело и никак не мог разгадать тайну жизни и смерти, хотя вскрыл более тысячи мёртвых тел. Он всегда чего-то боялся. В евреях крепко заложена дальняя и ближняя память предков, и страх там не на последнем месте. До сорока – жизни, после сорока – смерти, и всё ждал, когда же будет счастлив. Его научный интерес тяготел к насильственным смертям, тут он был дока. С удовольствием и долго разглагольствовал о раневых каналах, направлениях выстрела и разновидностях ядов. Вскоре после вскрытия князя он навестил Старынкевича, которого он не только уважал, но обожал, считая его идеалом мужчины и сыщика.

– Вот толмачёвские плюшки с маком и эклеры, а с вас чай, желательнее жёлтый китайский. А вы знаете, почему Толмачёв – самый процветающий и богатый хлеботорговец в губернии? Каждое утро он рассылает мальчишек узнать цены во всех магазинах и ларьках, торгующих хлебным товаром, и после того, как они принесут ему сведения, назначает в своих заведениях на полушку дешевле. К обеду сметается с прилавков всё подчистую.

– Ловко, но я думаю, что главный его козырь в качестве товара. Вот простая ватрушка, а не оторвёшься, пока не съешь. Философски говоря – лучшее значит полезное. Чаепитие с евреем, потрошителем трупов, полицмейстер любил. Всегда узнавалось что-нибудь новое.

– Люблю эклеры, в них тайна: кладёшь в рот и не знаешь, какой будет крем: ягодный, вишнёвый, яблочный...

Труповед, созрев до главной цели визита, почесал лоб, нос, подбородок и с удовольствием спросил медленно и растяжно:

– А что открыта тайна смерти князя Енгальчева?

– Вячеслав Михайлович, не казните, как будто, я, зная вас, не догадался, зачем пожаловали?

– Я своё дело сделал. Ваше дело – найти убийцу. Определённо и однозначно установлено, что раневой канал в голове князя пролегает от затылка к лобовой части, самой прочной кости человека. Пуля засела в полости носа. Что касается перстня с бриллиантом, то его сняли с пальца при жизни с большим усилием – перстень врос в палец, причём судя по оставленным ногтями кровоизлияниям, рука скорее всего была женская. Незадолго до смерти князь имел половое сношение. Он даже не успел освободиться от каучуковой резинки на члене. Так что женщина – или свидетель, или убийца. В кой у раз.

– Шерше ля фам! Ваше превосходительство. Ничто не ново под луной. Шерше ля фам. Хотя смерть – это прежде всего окончание всякой согласованности со средой обитания. Труп хорошего и плохого человека воняет одинаково.

– Вы – великий!

– Ну, на эту вашу оценку моей персоны повлиять не могу, да и не хочу, ха-ха! Кстати, не могли бы вы мне помочь в одном щекотливом или даже колючем для меня вопросе?

– Слушаю.

– Оно, вроде, и выеденного яйца не стоит, но мозоль больно больная спокойно жить не даёт.

– Всё, чем смогу...

– Можете. Вы один из немногих, кого губернатор уважает. Вы осведомлены о его «приязни» к евреям вообще, а проживающим в губернии в частности? Взять хотя бы Старикова. Талантливейший музыкант и создатель музыкального училища, возглавляет Императорское музыкальное общество, а какое гонение испытывает? Ему перекрыты все концерты и выступления, ограничены финансы. Он собрался покинуть город. Много ли у нас таких богатых духовно людей?

– Ну, вы не музыкант, а доктор и необходимы всем живым, а особенно мёртвым. Каждому ведь хочется знать, от чего он помер.

– У умерших нет желаний и страстей. А вы знаете, что все мы без исключения убийцы?

– Это в каком же смысле?

– Вши, блохи, клопы и все бактерии живут только на живом теле. Как только оно умирает, погибают и все они.

– Признаюсь, мне будет жалко только себя, а не их, а наличие этих паразитов только подтверждает старую истину, что все несчастья коренятся только в нас самих.

– Вас только евреи и глисты волнуют?

– Если бы. Другой раз встанешь, голову в руки, жене десять рублей, сыну пять, сватье три – и за что всё это мне?

– С губернатором поговорю, но надежды мало. У каждого в голове свои насекомые.

Старынкевич с первых минут общения с человеком безошибочно определял, умнее он его или нет. От этого зависела дальнейшая тактика поведения. Тех, кто умнее, зачислял в «персоны», кто тупее – в «персонажи». Жизнь свою равнял с железной дорогой, говоря, что он уже почти у конечного пункта назначения и поезд идёт точно по расписанию, и опозданий туда не бывает никогда и ни для кого. Вспоминая прошлое, в мозгу всплывало одно и то же... И с отвращением читая жизнь свою, я трепещу и проклиная... Как удалось ему переслужить семерых губернаторов? Людей разных, но занимавших одну и ту же высшую должность – правителя, царского наместника, представителя высшей власти в одной из громаднейших губерний империи с населением почти в три миллиона человек? Фредерикс, Ржевский, Рокасовский, Янушкевич, Фон дер Лауниц, Муратов, Ошанин, Салтыков. Слабые в коленях, и умом до губернаторства не допрыгивают. В парадных мундирах и при наградах все золотом и серебром в глаза бьют, а под мундирами такие светлые и тёмные страсти бушуют, что отведи и не приведи Господи... Вот фундаментальный во всём, даже и в семье не снимавший мундира тайного советника и маски беспристрастного равнодушия Фредерикс.

Проницательный, гибкий, как юноша, умом и телом Рокасовский. Остроумный и остроносый Ржевский. Порядочный до трусости Янушкевич. Волевой, стальной рыцарь Фон дер Лауниц. Мягкий, но дальновидный Ошанин. Педант и служака Салтыков, упрямый и неподкупный. Что-то вы часто приходите ко мне стали по ночам... Зовёте, что ли, к себе в невозвратимый. путь... Вы по мне или я по вас соскучился?

Особенно зачастил Муратов. Всезнающий, всевидящий, всезамечающий. Каждый из них, как прочитанная книга, запавшая в память, и он часто их перечитывал. Аттестацию на Старынкевича Муратов написал сам со знанием дела, как бывший губернский прокурор. «Старынкевич человек уникальной работоспособности, он может работать круглые сутки, очень быстро вникает в дело, приспосабливается к обстановке, а что он действительно делает превосходно, и мастерски, так это отыскание преступника по самым сложным делам». Обладал Старынкевич ещё одной уникальной способностью, – оценивать людей, определять их суть по их голосу. Голос выдаёт внутренне содержание и тембры души. Бас в тщедушном теле говорит о сокрытом внутри великане. Дискант в могучем теле свидетельствует о ранимости и слабости воли. Тенором говорит большинство людей ничем не выдающихся неприметных. Сиплый, значит, хитрый. Заикается – несмелый до трусости. Медлит со словами и ответами – лежебока и сибарит.

Подслеповатый Тамбов под самые резные наличники занесён снежной ватой. Валенки – и те не спасают, сугробы по пояс. Снежинки уже третий день, падая, грустно танцую, погибали, превращались в сугробы. Они такие маленькие, а сугробы такие большие. Старынкевич наблюдал их слезливые смерти на ладони.

Старынкевич дал приказ о задержании Нюрки. Открылось, что в день после убийства она уехала с утренним скорым. Из Москвы пришла телеграмма «Тришкина поселилась в гостинице «Бристоль». Старынкевича несколько раз приглашали в Департамент МВД получить орден Святого Станислава Третьей степени, да всё отговаривался недосугом. Но сыщик взял след и уже не мог остановиться, поручить дело подчинённым. Решил совместить бесполезное с неприятным. Хотя более приятным для него был процесс раскрытия убийства, чем получение ордена. Скорый на Москву отправлялся в 2 часа пополудни. Старынкевич с юности любил поезда и вокзалы. Они волновали его, обещая чудо и приключения. А чудовища-паровозы, их тяжёлая одышка внушали страх и восхищение. Запахи сгорающего угля, горячего машинного масла, металла, рельсов. Идёшь по перрону – и вдруг мягкий удар паром, вокруг тёплое облако, сначала испуг, потом смех. Линейные голубые жандармы с красными лицами, увешанные жёлтыми шнурами, сверкая медными бляхами, звякая чёрными шашками-селёдками, упредительно сопровождали полицейского генерала до купе для особых особ. Среди малинового панбархата, звенящей слепящей бронзы, глядя в своё отраженное лицо и затылок в повторяющихся зеркалах, Старынкевич почувствовал давящую усталую тоску, навалившуюся за последние дни тревожными заботами. Физические занятия всегда на него действовали, как снотворное. Вот и сейчас, дабы быстрее заснуть, он сделал получасовую зарядку под музыку-перес-

тук рельсов, выпил серебряную рюмичу-напёрсток коньяку и упал уже в полусне в мягкие бархатные объятия Морфея-дивана. В Рязани, звякнув медными шпорами, разбудили телеграммой. «Искомая вами особа сорит деньгами, заказала заграничный пачпорт».

В ресторанах запахи и звуки одинаковы: звон бокалов, тарелок и вилок, и рокот говора, смех легковесных девиц, надрывные голоса и голые плечи второсортных певиц. Её он сразу узнал по подробному описанию и совершенно неподражаемой внешности, по отчаянной победительной уничтожающей добродетель красоте. Золотую шапку волос венчала шляпка спелой соломы с незабудками. Малахитовые озерца обрамляли опахала ресниц и полумесяцы чёрных бровей. Красное крепдешинное платье теснило обильную грудь, из матовой ложбинки брызгал искрами такой алмаз, что даже в зернистой икре сверкали искры. Пахло дорогим «одэколоном» и жареным с базиликом мясом, но доносившийся от неё призывный аромат перекрывал эту пошлость. В глазах брезгливое неуважение ко всему роду людскому. Она сразу отметила сидящего красавца в серой тройке с чёрной бархатной оторочкой, изумрудами запонок и толстой золотой цепью от швейцарских часов Буре. Щёголь и богач – сразу понятно. Старынкевич бегло оглядел зал и напрямик направился к ослепительной и ослепляющей красоте и с галантными церемониями напросился за её столик. Через полчаса ресторан восхищался этой парой, украдкой наблюдая развитие их отношений. Два идеальных экземпляра человеческого племени. Как внешне и внутренне они полюбовались. Особи обоего пола и особенно дама играли роль влюблённых. Он преследовал цель изобличить преступницу, она – завладеть его деньгами и скрыться за границу. На эти служебные и меркантильные стремления наложилась самая дошлая пошлая плотская взаимострасть, победившая ненадолго все остальные чувства. Она уверилась, что её ждёт Париж, а он уготовил ей каторгу.

Он:

– Вам не кажется, что мы подходим друг другу? Любимых женщин, как и родителей не выбирают. Я уверен, что мы созданы друг для друга и поэтому надо подойти как можно ближе.

Говорили одно, а думали другое.

Он: А она не глупее меня будет. Ну ничего с неё не убудет за одну ночь.

Она: Попал ты, мой богатенький жуир, как кур в ошип!

– Позвольте заказать для вас французское шампанское?

– А разве бывает иное? Обожаю всё французское.

– И духи тоже? А какие?

– Выпьем за всё французское. Оно всё красиво.

– Да, красота не требует доказательств, она просит восхищения.

Когда они уходили, вослед надрывно плакала скрипка. Воспламенившаяся страсть не затухала почти до рассвета. Старынкевич давно не испытывал такого любовного огня. В перерывах между соитиями они молчали. Вместо слов говорили и общались тела. Когда Нюрка-Мадлен утомлённо засыпала, уткнувшись в его плечо, Старынкевич вкрадчиво спросил:

– А где же золотой перстень с бриллиантом изумительной чистоты?

– Заложил Шредеру.

Через мгновение вскочила, завопила что-то кошачье, злое и ощеристое. Бросилась к туалетному столику, вытащила маленький браунинг и навела на полицмейстера,

– О чём спросил? Ты кто?

– Тамбовский полицмейстер, опусти оружие. Убьёшь – повесят.

Благо Нюрка стреляла зажмурясь, страхась выстрела, неприцельные две пули улетели бесполезно в настенное зеркало, когда Старынкевич метался из стороны в сторону. Сильный удар кинул навзничь и выбил револьвер и сознание, а когда оно вернулось, её руки теснили-резали наручники из сыромятной кожи.

– Сейчас придёт судебный следователь. Выбирай – бессрочная каторга за разбой с убийством и за покушение на Тамбовского полицмейстера, виселица или лишение жизни при превышении самообороны от насилия – всего лишь какие-то три года тюрьмы. При твоей молодости это не беда и уж тем более не горе.

Через три месяца, в знойный июльский день в Тамбовском Окружном суде слушалось дело Анны Тришкиной. Обвинение на присяжных не тянуло, поэтому за громадным дубовым столом под тяжёлым медным двуглавым орлом и нестерпимо начищенным сапогом императора, скучала и потела коллегия из трёх судей. В раскрытые окна проникал золотой вихрь пыли, поднимаемой многими экипажами и редкими автомобилями. Мерный топот-перестук копыт клонил в сон. Председатель Обухов глотал слюну, мечтая о лимонаде со льдом. Защищал Нюрку присяжный поверенный Луженовский, местный Цицерон и Плевако, кумир гимназисток, курсисток и скучающих матрон. Внешностью он напоминал сразу Геракла и Гераклита в одном лице. Мужская красота дополнялась острым умом и красноречием. Чёрствые судьи и те заслушивались правовыми руладами Тамбовского соловья адвоката. Правда, старался он до умственного пота и усталости мысли не столько для судей, сколько для зала, громокая эмоциями, далёкими от существа дела и находящимися за границами обвинения.

Среди гладко причёсанных девиц с выщипанными бровями в белых шёлковых пелеринках сидела и гимназистка Машенька Спиридонова, дочь акцизного чиновника, будущая его убийца. Она, затаив дыхание, не мигая зелёными глазами, слушала бархатный баритон и смотрела на своего кумира. Через два года на толплом Борисоглебском вокзале, среди густой казачьей сотни она всадит в могучее тело своей первой девичьей любви пять отравленных пуль из револьвера Нагана.

Тришкина, закутавшись в серый тюремный халат, сидела на скамье подсудимых, совсем не похожая на былую сладкую конфетку в красивой обёртке. Вину свою она приняла ещё на первом допросе Старынкевича.

– Я не жалею. Так должно случиться рано или поздно. Енгальчев был бессильным баболубом. Знали бы, что он вытворял надо мною! Старый хрен и хрыч. Вытворял такие гадости и пакости, что и подумать стыдно. Гадко, да сладко платил. За час охальства десять рублей. Где такие деньжищи заработаешь? Весь капитал он в доме не держал – боялся. Клал в Земельный банк на Дворянской. Сам на каждом углу кричал, чтоб не ограбили. Ну а дальше женская моя суц-

ность верх взяла над жадностью. Застрелила я его в эмоциях. Но корысть и сгубила – не могла от перстня с бриллиантом отказаться, больно дорогой и красивый перстень-то был.

– Позвольте в эту вашу дамскую фантазию не поверить

– Говорится, от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Только я суму предпочитаю, набитую червонцами.

От неожиданного приговора Нюрка упала в радостные рыдания – четыре года каторги. Луженовский раскланивался на аплодисменты публики и воздушные поцелуи дам. Узнав о приговоре, Старынкевич почувствовал лёгкую неприязнь к себе. Из всей этой истории Старынкевич вынес истину: настоящий сыщик не только тот, что ищет преступника в других, но и в себе находя и изгоняя злобу и ненависть к людям. Преступника надо любить, тогда он будет любить тебя, и дело само раскроется.

Елена ЧИСТЯКОВА

Аука Рассказ

*Ау-у-у-ка, Ау-у-у-ка! Дух лесной! Докука!
Кличет, привереда, с ночи до обеда!
Водит и кружит, за кустом блажит:
– Не уйдёшь из чащи! Ты теперь пропащий!*

– Случилась эта история в деревеньке Квашёнки, – так начал свой рассказ старик Мирон, зашедший к деду Савватею за табаком. Очень уж добрый табачок у Савватея Коншина, крепкий, духовитый, и оделял он тем самосадам всех своих старых знакомцев-курильщиков. Угощать-то угощал, но предупреждал, что надо бросать это «вонючее» дело, курево, стало быть. Не за здорово живёшь, не за просто так и не за деньги угощались, а за интересную, занимательную историйку, которую обязано было вспомнить старичье и поведать Савватею. Предупреждал Савватей, что за следующую рассказанную «побасёнку»*, в награду не табачок, а чаёк с блинцами, а уж блинцы печь его Мария Ермолаевна мастерица, таких ещё поискать. Старушкам, за рассказ занимательный, который, глядишь, да и вспомнят – сдобные, мятные жамочки* или печеньица мягонькие, или конфетки «Гусиные лапки», «Раковые шейки», а может, и «Дунькина радость», к примеру, ну, и чайку сладенького с колотым сахарком, мёдом липовым или вареньем вишнёвым, которое с бобочками* – как же без него-то.

«Чай да чай, только знай качай» – раньше присказка была такая.

– Ты ж пойми, – убеждал Савватей каждого, – всем от этого только польза. Ты, к примеру, «расшевелишь память», а я народу поведаю о жизни прошлой, чтобы не заплесневели они в нынешней скуке. У них-то, молодых теперешних, всё в жизни понятно, им неведомо, от чего мы приходили в ужас, прятались детьми под одеяло или в запечный куток*. Нет у них волшебства в сказках, не слыхивали они былин, да небывальщин, не ведали историй о нечистой силе, как говорится из первых уст, от очевидцев странных событий. Да что там, не жили они во времена чудесников и ведуний. Да есть ли у них, ныне живущих, молодых, вообще воображение? Слушая сказ, смогут ли представить всё услышанное? Это вопрос!

А мы, старичье, на что, а? Это наш стариковский долг. Они, нынешние,

точно не поверят в сказ, посмеются поди и нисколько не испугаются домового, кикимору или лешего, к примеру. Ну, это ведь как поведать, верно? Так вот Вам и сам сказ.

– Случилась эта история в деревеньке Квашёнки. Тот год был богат на дары леса, погода так расположилась. От ягод всё красно, в лугах травы по пояс стоят, а грибов – пропасть! По культурному ежели – изобилие! Народ урывками лес навещал, разгуливаться неспешно нам некогда, всё ж хозяйство, скотина. Как времечко выберет кто, сразу за корзину – и бегом в лес. Так прямо и говорили:

– Надоть завтра по грибы сбегать, – а приходя обратно, нагруженные грибами, жаловались, – приволоклися, приплелися, еле дочапали, притащилися, уморилися, страсть как! А ещё ж перебирать да чистить их надоть, резать, нанизывать да сушить, а ещё ж квасить. «Зима придёт, всё сожрёт».

Глубоко в чащу не совались, так, с краешку ежели только. Да и по одному в лес тоже не хаживали. Один пойдёшь, так, всего вернее, пропадёшь.

Надо особо сказать, что места у нас заповедные. Прямохоженных и прямоезженных дорог сроду не бывало, всё с выкрутасами. Река – и та, что змейка, извивается, но рыбка водится в ней, и немало. Как в песне старинной поётся: «Вот и лес и река, где любил я гулять, вот изба рыбака...»

Лес у нас в Квашёнках дремуч и густ, как говаривают – чаща непролазная. Есть, прямо сказать, страшноватые местечки. Встречаются топи да болота, а в них омутки. Страшные истории живут и по сей день: о леших, кикиморах и водяных, да и о других неприятных существах лесных. А что же тут поделаешь? Нечисть жителям Квашёнок тоже, может, не к душе. Так ведь? Короче говоря, и нечего туда соваться, в те дебри. Нечего в конфликт с нечистью вступать, себе дорожке выйдет. Имеются на памяти у местных жителей случаи о том, что кто-то, когда-то пошёл в лес и «с концами». Потом, глядишь, годов через пяток-десяток, чей-то кобель и притащит на двор хозяевам «гостинчик» из леса: кисть руки сухую уж или башмак раскисший, или кость берцовую. Тут же крик, шум – признали пропащего:

– О-о! Да это ж Митяй Косоглазай! Яво башмак, самолично подбивал кадьсь!* Чаво жа, видать с косых глаз и заплутал, подвляли яво глазоньки, стало быть, – так рассудили наши деревенские, погорились над останками, схоронили их, и опять тишь да гладь, да божия благодать, до очередного жуткого случая. Вот, к примеру.

У нас в деревне жили две бабы одинокие, работали в полеводстве. Меж собой подруживали, так как «ни детей, ни плетей» у них. От одинокой такой жизни любого мужичка, даже самого неказистого, завалященького пытались «утянуть за порты», заманить к себе, конечно, опоить своей, мутненькой. Они, эти бабы, обе «в теле», коренасты, мордасты и всегда чуток навеселе. Бывало «катятся» по деревне, словно две кадушки, в натянутых на них цветастых платях, друг дружку поддерживают и ржут, грохочут*, что тебе стоялые кобылицы.

Одну звали Фёклой. Бабы нашенькие, деревенские её называли, за глаза конечно – растряпёха, чумурудина*, сказывали, что макитра* у неё не варит.

Подруга её – Ульянка! Эта хитрова-а-а-нка, каких поискать, расчётливая да прижимистая, такая «от яйца отольётся».

Хоть и разные эти две бабы, но сдружились крепко, видать, по необходимости. Оно и понятно, кому ещё до них есть дело? А так и дрова на «козлах» пилят дружно, и огороды вместе вскопают, и многое другое вдвоём управляют по хозяйству. Да и то сказать, в праздник особенно тошно одинокому-то человеку. Вот пирог есть, а с кем его съесть? То-то и оно! Понятно же, в гости их не больно-то звали, считая бабами с «полупёхом»*, да и каждая жительница Квашёнок покой в семье блюла*, и это тоже факт.

В тот год, о котором ведём речь, сидя на ступеньках как-то летним вечером, молча лузгали семечки подруги, да вдруг Ульянка и говорит:

– Надоть сбегать и нам в лясок, – предложила так, резко выплюнув шелуху, – грибочков нарежем, хуть пару вядёр, нажарим с лучкём цельнаю сковородку, а то и две, чаво уж тама, гулять, так гулять. Мужуков позовём, да и гульнём по-всамделешнему, а? Как мыслишь-та, Фёкла? Чаво скажишь?

Фёкла ни о чём не мыслила. Она пробовала почесать бок свой, да руки оказались коротки, не дотянулась. Тогда она принялась, будто корова об воротный столб, тереться и ёрзать боком по краю балясины крылечка, да и выдала всё-таки, с блаженным выдохом:

– Можно, поди, чаво ж!

– Ну, тады с ранья, завтра и побягём в лес, бяри корзинку ухватистаю, объёмнаю. Имеица ль у табе этакая?

– Ага, имеим, чаво ж, на два вядра, – ответила Фёкла и поднялась со ступенек, – пошла-ка я дрыхнуть, коль затемно подняца надоть. Покеда!

Ульянка ничего не сказала на это, а сама подумала:

– Гляди-ка, аж на два вядра! Как ба у ей пупок не развязалси, у дурынды.

Чуть забрезжил рассвет, ещё и солнышко не приподнялось, заложив двери на щепочки, в знак того, что дома никого нет и нечего ломиться и бунеть* даже, двинулись подруги в сторону леса.

Над луговиной висела кисея густого тумана, роса обильно холодила икры ног, так как, жалеючи подола, юбки взяли в подтык* и передники* тоже. Бабы шли торопливо, сопели и молчали. Наконец вошли в лес. Здесь туман клочками повис, запутавшись в ветвях деревьев, а на траве щедро поблёскивали крупные капли росы.

– Какая уж тута грибы, – сокрушённо бормотала Фёкла, – стыло да мокро.

– Ну и чаво жа, – хмыкнула Ульяна, – гляди, вона солнце встаётъ, щас всё высушить в два счёта.

И верно, вскоре сделалось теплее, суше и веселей.

– Ну как, будим здеся лазить, аль вглыбь подадимси, – спросила Ульяна.

– Да здеся уж всё пособрато, кажнай день таскаюца наши-та, – заметила Фёкла, – полезли глубжея.

– Та-а-ак, – распорядилась Ульянка, – таперича расходимси в два конца.

Я – вона туды, а ты – вота сюды, чаво боками тереца, да за один гриб хватаца, лес он агромадной! Ежели чаво – зови, А-у-у, мол. Я тож табе окликну. Далече от мене не ходи, не ровён час заплутаишь, засосеть болото, гляди уж.

На том и разошлись.

С восходом солнца лес оживал, просыпался, наполнялся звуками, трелями птиц. Стало довольно шумно, а что же – утренняя колгота*.

Чем глубже в лес, тем больше грибов! Ульяна, собирая быстро, изредка окликала, аукалась с подругой. Та всегда отвечала, тут же. Ну и хорошо, значит, рядом. Наконец, наполнив свою корзину, Ульяна выпрямила спину, потянулась, расправив плечи, понимая, что всё надо будет дотащить до дома. Присела Ульяна под дерево и надумала перекусить. Она, в отличие от подруги, запасливо всегда поступала. Взяла с собою четыре масленых блинчика, да ломти ржаного хлеба, а к хлебу и сало кусочками, пару помидорок, да маленько пилёного сахара, так, для баловства, погрызть.

Она закрыла глаза и сложив руки трубочкой, для большего эффекта, гаркнула* что было мочи в сторону, где должна бы находиться подруга:

– А-а-а-у-у-у! – прокатилось волной по лесу.

И вдруг, аж оторопела, услышав короткое:

– А-у!

Прямо рядом с собой! Что за наваждение? Ульяна принялась озираться, крутить головой и увидала, что недалечко, рядом с пеньком, стоит мальчонка! Да такой махонький, ростиком с махотку*, не выше! Сам он весь беленький, в полотняной одежке, в лапоточках, и золочёные кудри до плеч. А из тех кудрей – маленькие рожки торчат, высовываются. Стоит и насмешливо смотрит на бабу.

– Да ты хто такой будешь-та? Чаво дражниси?

– Я Аунюшка, внучок Ауки!

– Поди ж ты, диво какая, – постепенно приходя в себя, дивилась Ульяна, – а хто эта такой – Аука, чаво-та об ём не слыхивала?

– Во темнота-а дремучая, – хохотнул Аунюшка, – мой дед Аука, да дядька Леший – кумовья.

– А иде ж он сам-та? – просто поинтересовалась Ульяна, и услышала такое, от чего волосы на голове у неё встали дыбом.

– Он пошёл топить в болоте Фёклу. А тебя дедуня приказал морочить.

– Как так? Да мы с ёй перекликались всю время, – резко ответила Ульяна.

– Ха! Так это ж я с тобой баловал, отвлекал, покуда дедуня в болото не завёл бабу ту.

Бухнулась тут на колени Ульяна, запричитала, заголосила, принялась давить на жалость:

– Ой, Аунюшка мила-а-а-й, пожалейтя глупую бабу-у-у! Какой рязон вам от ней? А как утопитя беднаю, то детки малыя, их у ей пятёро, сиротинушки буду-у-уть. Мужик яё с горя удавица-а-а*, тятенька с маменькай слязьми изойду-у-уть, да во сыру земельку лягут до времени-и-и!

Аунюшка расхохотался и того пуще, и прозвенел тот голосок, точно колокольный набат в голове Ульяны.

– Не брешы, баба! Всем нам известно, кто вы такие! Придумала тоже – сиротки, мужик, родичи. Уморила! Пустые вы бабы, никчёмные, и проку от вас – чуть! Утопнет – и не жалко! Всё Водяному забава будет, а у Кикиморы подружка! Станет там, в болоте, прислуживать ей, веселить, про людей сказывать, да патлы зелёные в косы заплетать. А вы знай, не таскайтесь в чащобу, не ваше это место!

– Ой, горя, горя какая, – вскрикнула Ульяна, – помогни мила-а-а-й!

Аунюшка замотал головой, не соглашаясь.

– А вот я тебе блинчик скусной дам, ма-а-слянай. Сладенько любишь исть, так у мене сахарок имеица, – решила подойти с другого боку Ульяна, умаслить и ублажить.

Это заинтересовало лешачка, он призадумался.

– Ладно, давай свой блинчик и сахар тоже.

– Дам, дам, а ты отвяди мене к деду, рОднай, можа успеим, спасём бабу.

Аунюшка быстро съел блинок и стал, жмурясь и урча, похрустывать сахаром. Липкие, сладкие слюни растянулись до земли. Он их вытер лопушкам:

– Ладно уж, отведу, – решил он, – давай, не отставай!

– Ага, ага, а я послая тебе дам ящё, у мене имеица, – завершила наперёд его Ульяна.

Так разве ж с тяжёлой корзиной далеко уйдёшь? Ульяна поставила корзину с грибами под ель, а на ветку привязала свой голубой головной платок для памяти и поторопилась за внуком лешего Ауки.

Гостинец для леших надёжно завязан в передник. Да, угнаться за мальчонкою было сложно. Аунюшка то перепрыгивал с ветки на ветку в дебрях, то крутился колесом по полянке, то скакал козлом, а она-то, Ульяна, задыхаясь и держась за сердце, поспешала, продираясь через бурелом, подлезала под завалами упавших деревьев. Пот заливал глаза её, волосы стояли дыбом от страха за Фёклу и от веток, которые цеплялись за пряди и рвали те волосы. Сухие, торчащие сучья царапали до крови кожу рук и лица, струйками стекала кровь.

Потянуло болотом, гнилью и прелью. Воздух сделался влажным, густым и тяжёлым, Ульяна еле волочила ноги, дышала с хрипом. Наконец лес поредел, становясь полупрозрачным. Деревца встречались мелкие, кривые да хилые.

Аунюшка «выкатился» на полянку перед обширным болотом. А там, по пояс в тухлой, зелёной воде, стояла Фёкла с огромными от ужаса глазами. Юбка надулась волдырём вокруг её объёмного тела. Тучи мошкары кружились возле лица Фёклы. Неумолчно и пронзительно-громкоголосо орали лягушки.

На большом пне сидел и сонно «клевал» носом небольшой старичок, тоже весь беленький, аккуратненький, в широкополой шляпе. Увидев подругу, Фёкла завопила, что было сил, растревожив старичка:

– Ой, Ульянушка-а-а! Ой, погиба-ю-ю! Спаси мене, тону-у-у!

При этих словах несчастная погрузилась по грудь в болотную жижу, всколыхнула густую ряску.

Ульяна, не обращая внимания на вопли подруги, принялась действовать. Она низко поклонилась старичку:

– Доброго здоровьичка, старинушка Аука!

Леший слегка оторопел, удивился и строго поглядел на внука:

– Пошто, озорник, привёл эту бабу?

– А у неё кое-чего имеется.

– Правду ли внук говорит? – обратился Аука к Ульяне, при этом алчный блеск появился в изумрудных его глазах, он нетерпеливо засучил короткими ножонками в лапоточках. Всем ведь известно, что лешие очень охочи до подарков.

Та быстро развязала передник и, робко приблизившись к лешему, протянула ему большой ломоть хлеба с салом, оделила блинком да сахарком и внука. Нечисть лесная принялась чавкать, сопеть и уплетать гостинчик.

Ульяна увидела, что подругу в болото засосало уже по шею. Она вытягивала вверх голову, норовя схватить ртом воздуха. Мошкара залепила её лицо.

– Феклушка! У тебе случаем нету ли монеток в кармане передника? – крикнула ей Ульяна.

Фёкла утвердительно закивала головой, забулькала ртом, отплёвываясь. Понимая, что время на исходе, Ульяна обратилась к лешему:

– Денежку, поди, любишь, старинушка, злато аль сЕребро?

Аука оживился, стал мурчать, будто кот увидевший миску со сметаной.

– Так доставай Фёклу с болота, у её водяца деньжонки-та, – крикнула Ульяна, – щас утопнить баба, и кикиморы болотныя забогатеють! А тебе не дадут! О как!

Старичок встрепенулся, да как свистнет пронзительно! От этого его свиста деревья пригнулись к земле. Болото пошло рябью, заволновалось, ряска всколыхнулась, заходила ходуном, и из глубины, возле кочки, что у гнилой берёзы, показалась отвратительная серая голова то ли рыбы, то ли огромной лягушки. Вокруг этой головы колыхалось и извивалось множество змеек-усов.

– Евграф Налимыч, будь другом, выкинь мне ту бабу, – попросил Водяного Аука, – подсоби, браток, подтолкни чуток.

Не успела Ульяна и сообразить, что к чему, как увидела, что Фёкла, точно пробка из бутылки с «забродившим» игристым квасом, чвокнула телом и, вылетев, упала на песок к ногам Ауки.

– Давай, давай сюда денежки, – заторопил он несчастную, задёргал коротышками пальцами, а внучок принялся прыгать вокруг и крутиться колесом. И удивительное дело – Фёкла вышла сухой из болотной воды! Она распласталась на берегу, не в силах слова молвить.

Ульяна запустила руку к ней в карман передника и достала несколько монеток: два пятак, две монетки по копейке, да четыре по три копейки, одним словом - ме-дя-ки! Но лешакам-то невдомёк! Ульяна метнулась к воде и там потёрла песочком и промыла монетки, они так и заблестели!

Аука чуть с пенька не рухнул от радости – золото! У него есть золото! Не сводя глаз с денег, Аука махнул рукой, приказав внуку вывести баб прочь из леса. Не до них уж теперь, Аука умилялся на «золото», прижимал его к груди.

Выйдя из чащи лесной к дороге, Аунюшка растворился в лучах солнца,

будто его и не было, а Фёкла с Ульяной направились к деревне.

Сколько они ни силились, так и не смогли вспомнить, что с ними приключилось, где их корзины с грибами и где они проплутали добрую половину дня. Прямо наваждение какое-то! Всплывали позже отдельные обрывки воспоминаний, они даже пытались рассказать их людям, но всё было так неправдоподобно, что над глупыми бабами смеялись, не верили и обзывали брехухами. Им и раньше-то веры не было, а впредь и вовсе не будет. Вот ведь что!

А всё же куда подевались корзины с грибами? Загадка!

Некоторые пояснения:

былина – древнерусская героическая национальная история, песнь

небывальщина – устное народное творчество с элементом анекдота

жамочки – прянички

бобочки – вишнёвые косточки

кадысь – когда-то

блюла – (старославянский) оберегала, следила

макитра – (здесь: ругательное) глупая, пустая голова

махотка – глиняный кувшин для молока (тамб.)

Виктор ОСТРИКОВ

Притяжение Луной

Рассказ

*«Когда я ночью жду её прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске»*

Анна Ахматова

Осень, которую вроде бы ещё не ждёшь, приходит, тихо подкрадываясь, обволакивает душу. Неужели так быстро? Ведь совсем недавно молодые листочки прыснули из лопнувших почек. Раскрылись, блеснув медовым, сладким налётом. Лёгкая зелень наполнила плоть и развернулась навстречу солнечным лучам. И вот они уже пожелтели и готовы опасть.

Плохо спалось.

Перекатываясь на постели, заминая подушку со всех сторон, Андре искал позу облегчения. Голова гудела, как старый, изношенный мотор «Рено». И чем дольше, тем обороты набирались, и он работал из последних сил. На износ!

Снова перевернулся и попытался в который раз заснуть. Но гул дребезжащих деталей не давал успокоиться. Простыня стала липкой. Ощущение такое, что кто-то по чужой воле давит на педаль газа. Идёт бешеный впрыск крови в мозг. Вены напряжены и вот-вот лопнут, как старые шланги.

Переваливаясь с боку на бок, он искал положение, которое даст заснуть. Но серо-коричневые видения и там доставали Андре. Пространство, наполненное звоном бьющих клапанов, режущим стоном цилиндров, давило на грудь. Вот-вот и вся эта коробка с шестерёнками, валом, поршнями разлетится вдреизг, и лопнувшие вены брызнут горячей кровью.

Он открыл глаза.

Серый ночной потолок. В висках не прекращается стук. И вдруг что-то треснуло и, скручиваясь, царапаясь, поползло вверх. Глаза заслезились. Тошнота подступила к гортани.

Выдержав паузу, сел. На ощупь поискал шлёпанцы. Один! Второго в темноте нет, хотя в окно ярко светила луна. И так, в одном, вышел на балкон. Дер-

вянные полы прохладой остудили ступни ног. Мертвенно-лимонный свет Луны притягивал и в тоже время пугал. Подойдя к раме окна, прислонился к стеклу, холод, успокаивая, открывал загадочную сказку небесного светила. Вокруг луны веером рассыпались звёзды.

Облокотившись на подоконник, Андре разглядывал ночное небо. Неожиданно набежали тучи, закрыли прыгающие светлячки звёзд.

«Кажется, и «мотор» в голове успокоился?» – подумал он.

Вены на висках перестали пульсировать. Взглянул вниз с высоты третьего этажа. Там, вдалеке, куда в темноту убегают белесые ступени крыш частных домов, края которых жёлтого цвета, вырисовывался шпиль телевышки с мигающими огоньками, а выше всё пространство было занавешено чёрным покрывалом. Он поднял голову и засмотрелся. Просто ночью спросонок не хотелось думать.

Лень!

Так стоял некоторое время и почувствовал – замёрз. Вдруг просвет в небе побелел. Из левого края разошедшихся туч показалась сияющая Луна. Огромная! Чётко обрисованная темнотой! Края отбрасывали лёгкий свет КОРОНЫ! Она пульсировала! В центре, пятно напоминало маску, которая улыбалась и манила к себе.

Разглядывая «лунное» лицо, Андре так увлёкся, что, когда оглянулся назад на балконную дверь, то не нашёл её. Под ним в темноте мелькали огни дорожных трасс. Освещённые улицы. Мелькали кубики домов, и всё это медленно уплывало вниз. Казалось, он на самолёте и, разогнавшись по лётному полю, оторвался от Земли.

Его в ту же секунду охватило оцепенение. Руки вцепились в подоконник. Вроде бы он стоял на балконе, но в тоже время летел. «Как это так? Дышу и не мёрзну?»

А тем временем дома, дороги слились воедино. Чернильные облака остались внизу, и он оказался в стеклянной капсуле, как в коконе. Осторожно провёл рукой – стекло! Тепло, уютно! А там что? – и куда бы он ни смотрел, туда кокон и перемещался.

«Разве в здравом уме такое может быть? – подумал он. – Может, сошёл с «рельсов»? Да вроде бы нет. Соображаю!»

Пока он анализировал своё состояние, чёрная занавесь раскрылась и пространство засияло миллиардами светлячков. Они не мерцали, они застыли в вечном покое. Не двигаясь и не изменяясь. Всплески гигантских облаков казались размытыми красками акварели. И на этом фоне белая полоса прочертила круг – Млечный путь. Вот это да!

«А где мой дом?» – и только теперь осознал – он в КОСМОСЕ! Земля уплывала вниз, становясь всё меньше, и так быстро, что стала в размер Луны. Два диска, две опоры, и он между ними.

Почему ещё дышу? – задал себе вопрос и закрыл рот. Здесь нет атмосферы, и сколько мог, столько и терпел. Наконец, не выдержал и возбуждённо прокричал:

– Всё! Всё! Надо успокоиться.

Оглядывая чёрное небо, усеянное немигающими огоньками, стал рассуждать:

«Я спал? Спал! Далее вышел на балкон. Точно. Прислонился к стеклу. Серебристые крыши домов, телевышка и Луна. Да, Луна! С неё всё и началось. Может, у меня лунная болезнь? Вот проснусь и вернусь в сознание. Точно! Читал об этом. – И стукнул кулаком, но никакого звука не услышал. Осмотрелся. – Нахожусь в прозрачном коконе, и вроде бы есть границы этой оболочки, а вроде бы и нет. Ну, пусть будет так. Я смотрю и люблюсь. Хорошо сказать, а если не вернусь? Уплыву в пространство навсегда. Навечно! Меня будут искать, но не найдут. Никогда!»

И от этой мысли у Андре конечности онемели и в пальцах стало покалывать.

– Но это же не сон? – закричал он. – Я дышу и даже слишком часто. Как рыба, выброшенная на берег. А если воздух в этом коконе закончится? Задохнусь? Нет, надо взять себя в руки. Хорошо рассуждать, а как?

За то время, пока он бесновался, Земля уплыла и превратилась в маленький мячик, а Луна в точку. Ужас охватил его, и он замер. Куда ни помотришь, всё в застывшем состоянии. С Земли звёзды мерцают. Атмосфера! А здесь просто излучают свет – застывший и неживой. Он читал, что наша Галактика родилась миллиарды лет назад, недостижимые для разума. И, осознав, Андре окаменел, кажется, на такие же времена.

– Всё, меня нет! – ответил он сам себе – Наверное, вот так заканчиваются земные годы. Человек уходит и превращается в ВЕЧНОСТЬ.

После этих мыслей он перестал терзать себя. Успокоился и стал рассматривать застывшее пространство. Казалось, это огромное полотно из чёрного бархата, а на нём множество ярких лампочек разной величины. Где поодиночке, где парами или в плеяде мелкой группы. А поверх них, в разных местах, развешаны прозрачные, разноцветные занавеси. «Кто же мог, вот так, непостижимой рукой создать эту красоту?» – думал Андре, но неожиданно его мысли прервал оранжевый свет, что ворвался в его кокон, заиграв невероятными красками. Обернулся и прикрыл ладонями глаза. На него смотрел, обжигая лицо и руки, Хозяин системы планет – Солнце!

И это было так неожиданно. Рядом. Шар горел оранжево-белыми всплесками протуберанцев. Горячая корона испускала каскад излучений. На самом Хозяине появлялись бордовые пятна. Его лик то хмурился, то улыбался в блаженстве власти. Как в замедленном кино.

«А ведь я смотрю – подумал Андре – и мне совсем не жарко. Просто испугался. Даже глаза не закрываю» – и убрал ладони от лица, заметив при этом на фоне горячей плазмы маленький, серенький шарик.

Да это же Меркурий! Незаметный на фоне пылающей бездны, он старался вести себя тихо, незаметно, ведь испепелит, если что. Но когда Хозяин бросает свой взгляд на другие планеты, он может принять свой естественный цвет – синий. Как лазурит с переливом глубоких оттенков. Но это только изредка. По слу-

чаю. А так его голос отдан Хозяину. Да! – когда надо. Нет! – когда прикажут.

– А ведь планеты живые! – воскликнул Андрей. Совсем как мы, люди – и похлопал по белому, пластмассовому подоконнику, не замечая, что и он вместе с ним в космосе.

А это кто? – всё дальше стал увлекаться окружающим миром.

Венера! Белая царица!

Обольстительница и интриганка. Она близка к Хозяину и никого не подпустит, кроме как маленького пажа – Меркурия. Постоянно закрывается белой вуалью. Её напудренное лицо уже не молодое и поэтому она боится показаться и прячется.

И вот незадача – рядом Земля. Молоденькая. Голубенькая. А за ней?

Марс! А тот не прочь поинтриговать.

Вот тогда Белая царица и покажет своё «лицо». В истерике закручивая кислотные облака. Намекнёт, что он, стареющий Воин, ей не нужен. Рядом сам Властелин, что является эталоном красоты в его Империи! И ей стоит только намекнуть, как Хозяин просто испепелит его или забросит на дальнюю орбиту. Но она, как женщина, милостива.

Марс делает вид, что испуган и краснеет от стыда за свой поступок, а Венера, удовлетворившись, глубоко вздыхает. Вот если бы этой плаксивой Земли не было рядом, то ей куда бы радостней жилось. Расцвела бы в своей белоснежной красоте, а так приходится прятаться под вуалью, и она, раскидывая складки, закрутилась в негодовании.

Марс притих. Не стоит волновать женщину. Себе дорожке обойдётся.

«Какая хитрая интриганка», – подумал Андре и здесь же рядом увидел – Земля! Моя дорогая! Моя единственная!

Он был рад, что не пропал. Не канул в вечность. Есть надежда вернуться. И так проплыл в своём коконе, огибая Луну, и уставился на неё. Не сразу и понял, что это она, подруга Земли!

У неё самый высокий голос в системе, и, когда поёт, вращаясь вокруг старшей подруги, то Хозяин в блаженстве, а подчинённые молча слушают, даже если кому-то и не нравится.

Венера в это время закрывается плотнее вуалью. Злобно вздыхает: «Ох! Если бы не Хозяин. Она извела бы соперницу. Уничтожила бы вместе с конопатою подругой. А Марса, старого ловеласа, на окраину выкинула бы, в изгнание. И конечно руками Хозяина». А как? Она знала, и, представляя эту сцену, ещё больше распалась. Её белая накидка колыхалась бурными потоками, а отражённый свет, данный властелином, позволял гореть ярче всех в Солнечной системе.

Земля не знала этих интриг. Жила в своём мире и была счастлива. И казалось, что и все так живут.

Залюбовавшись своим домом, Андре не заметил, как доплыл в своём коконе до другой планеты.

Марс! Красный воин! Правда, уже стареющий. Пытаясь показать всем и особенно Венере, что он ещё, ох каков – Шумит! Стучит себя в грудь по латам, и те звенят, покрывается трещинами негодования. А если разойдётся, то пыльная

буря покрывает его на долгое время. Лысая голова белеет. Он страшен в гневе!

Но! Только не для Белой королевы. Она прекрасно изучила «моложавого» воина. Охает! Вскрикивает в испуге! А тот ещё больше распаляется, краснеет до бордового цвета. Латы расходятся и того гляди лопнут.

Марс польщён. Искоса поглядывая на Землю, улыбается ей, а та, простодушная, искренне веря моменту негодования, покрывается белыми облачками и плачет.

– Ну, ну! – уговаривает он её, – я пошутил.

Эти отношения не ускользают от внимательных взглядов Венеры. Она сразу же строит план мести. За непроницаемой завесой мелькают взрывы самодурства ревнивой женщины.

Марс же не дурак. Знает, как поставить её на место. Тем более, что вокруг него снуют два оруженосца. Подчинены и служат самозабвенно.

А ревнивая Белая царица одинока. Всех разогнала своим сварливым характером.

Наблюдая за спектаклем планет, Андре забыл, где он есть и подумал о себе – а ведь и он стал на старости немного сварлив. По утрам спину не разогнёшь. Походка шаркающая. И засмеялся над собой – как время бежит? А казалось, всё ещё впереди.

За воспоминаниями не заметил, как его кокон вошёл в пояс астероидов. «Гончие псы» – так любит их называть Хозяин. Закрывают они внутренние владения. Ему достаточно и этого Театра. Остальных, по особым причинам, держит на отдалении. Но и не отпускает в необъятные просторы Вселенной. Следит за порядком в своей вотчине.

Гончие псы периодически бомбят набегами планетную систему по приказу Повелителя, а тот приговаривает: «Я рядом и всё вижу. Не забывайте. Могу и строже наказать». В былые времена менял саму внешность своим подчинённым. До сих пор помнит об этом простодушная Земля.

Огромные глыбы астероидов вращались вокруг Андре. Ему казалось, вот-вот его сплющит. Как мог, уклонялся, приседая, но его кокон сам собой вовремя уходил от столкновения. Руки вспотели, держась за подоконник, да и сам он покрылся испариной. Когда же ушёл от беснующейся толпы глыб льда и камней размером с пятиэтажный дом и более, вздохнул: «Ну их. Полетим дальше».

Разглядывая удалявшийся Пояс Астероидов, почувствовал лёгкое сияние в его маленьком звездолёте, где есть нескончаемый запас воздуха. Тепло. Не хочется пить и есть. И перестал задавать себе вопрос – реально это или сон? Принял судьбу как есть. Может вот так мы и УХОДИМ, оставляя брэнное тело на грешной Земле?

Решил посмотреть, что там дальше, и замер, раскрыв рот. Сандалового цвета, необъятных размеров шар закрывал видимое пространство. Юпитер!

Второй по величине после Хозяина, он излучал доброту. Не противоречил и не льстил. Доволен собой, у него же есть шестьдесят три услужливых пажа-спутника. Этого достаточно! Хвастаться претит его величеству. Не взрывает-

ся от гнева и никому не завидует. Развлекается тем, что наблюдает театральные страсти раздора там, за Поясом Астероидов.

Андре взглянул на Солнце – Хозяин системы, то пыхтит, расстроенный вознёй ближайшего окружения, и выпускает протуберанцы гнева, то обжигает радиоактивным излучением, то сам от скуки начинает дурить. Выстраивает Парад планет! А то разгоняет по кругу!

– Самодур! – вдруг воскликнул, глядя на такое безобразие, Андре. И тут же притих в своём коконе. – А вдруг услышит? И сгорит тогда он в своей колбе, как пить дать, сгорит, как лампа у потолка.

А Юпитер? – и повернулся к нему – тот улыбался.

А может, он прав? В это время толстяк от важности погнав верхние слои атмосферы навстречу друг другу. Закрутил огромные котлованы облаков. «Какую-то несурязицу понёс, – подумалось Андре. – Наверняка сам себя решил поставить Властелином. А ну его. Полечу к Сатурну. Он следующий».

«О, как это я так мигом перемещаюсь? Фантастика!» – изумился он. И, не успев сообразить, как перед ним выплыл Чёрный, умный интриган.

Третий по величине и по чину после Хозяина, в тайной злобе гневаясь, меняя оттенки от такой несправедливости, он размышлял, – этот размазня Юпитер, толстяк, стоит впереди, закрывая обзор к Властителю.

А ведь и у него не меньше услужливых пажей-спутников. Полсотни! – и продолжает уже нахваливать себя.

Он владеет самым Низким Голосом. Именно его Хозяин просит напеть МЕЛОДИЮ ВСЕЛЕННОЙ. Ему, как он понимает, завидуют все. И даже блаженная дура Земля со своей подругой Луной. Та пищит, а не поёт.

И под одобрительный взгляд Властелина он пустился раскручивать переливающие перламутром гигантские кольца и самозабвенно завыл, поглядывая горделиво на Юпитера. Но сосед, не польщённый пением, спокойно воспринимал своей газовой натурой гудение Сатурна.

Андре закрыл ладонями уши. Присел от жутких низов, и в это время оскорблённый Сатурн изрёк: «Пустомеля! Газовая пустышка!»

А у него... У него, кроме голоса, есть паж с плотной атмосферой. Он дал ему прозвище «Титан», хотя тот маленький. В насмешку толстяку. Так как Хозяин, когда был в хорошем настроении, хорошо отзывался о Титане в его вотчине. А вот если бы он был «хозяином»? Перестроил бы этих бездельников по-своему. Ох, и погонял бы! Направил бы Гончих Псов и только улюлюкал бы басом, и от таких мыслей становился бы ещё черней. А Кольца сделал бы разноцветнее и красивее.

– Хамелеон – и только, – определил Андре. – Мерзкая личность. Куда хуже Юпитера. Пора подальше от него, но, как оказалось, он не последний.

Уран! Четвёртый по значимости и на пьедестал не попал. Получил после Сатурна чёрную метку «неудачника». Что бы он ни делал, о чём бы ни мечтал, всё уже успел свершить его коварный сосед. Возмущался, но молчал. А что тут поделаешь? Только и мог заискивающе улыбаться и тихо в негодовании бормотать:

«Вот зараза же. И зачем встал впереди меня на вечные времена? Неудачник я, и только!» Вздохнув, добавил: «И цвет плаща – фиолетовый с чернильными переливами». Судьба!

Но вдруг Уран встрепенулся и воскликнул:

– Я тебе при случае покажу! – и закрутился в чёрных кольцах.

– Фу ты, – возмутился Андре. – Что это они, на окраине владений Хозяина совсем озверели. Пора подальше от чёрных интриг!

Облокотившись на подоконник, устремил свой взгляд на Окраину.

Вокруг всё так же светили, не мигая, звёзды. Где-то там, невообразимо далеко, переливались всеми красками газовые облака. В них рождаются молодые звёзды. А может сейчас, сию минуту появится новая Хозяйка системы? Сама будет строить? Сама управлять? А интриганы? Неужели это закономерно во всей Вселенной?

Он не успел додумать, как к нему подплыла пятая планета по статусу.

Нептун! Пятая, но не четвёртая, и это его успокаивало. Не вызывало ревности, зависти. Сине-зелёный газовый добряк. С таким же характером, как и Юпитер. Находясь далеко от Хозяина, он не имел отличительных привилегий. Его не волновали интриги. Был далёк от них и тем счастлив. Вёл разговоры с дюжиной подчинённых, и они отвечали тем же. Так и текла неяркая, однообразная Вечная жизнь. Изредка радовался, что он не чёрный, а сине-зелёный!

«Вот ужас! От такой вечной жизни наложить руки на себя можно, свихнуться и только, – подумал Андре и отвернулся от планеты, – этот хуже размазни. Постой! А может, он и прав? Живёт по своим законам. Никому не угрожает? Не льстит? Есть свой круг единомышленников, а завистников и без него хватает. Надо подумать!

Что-то следующая планета затерялась на окраине. Если она там. Плутон! - Зелёно-серый алкаш. Далёк, далёк от всего суетного».

– Я пьяница, а не завелаз! – любил повторять он и завёл себе друга. Такого же маленького, любителя горилки, глыбу льда и камней. Его имя Харон.

Вместе пьют. Вместе поют. Никого не тревожат. Хозяину до них нет дела. Одним словом – ОКРАИНА! А если переберут зелёной настойки, посереют. Станут незаметнее и спят. Спят, и Гончие Псы их не тревожат. «Мы – любители одиночества, – неожиданно изрёк, картавя, Плутон. Хотя и пьяница, но мозги не пропил.

«Знаем и молчим», – уже совсем тихо пролепетал он.

– Мы не последние в Системе Хозяина. Так-то! Там далече, на окраине его владений болтается в отчуждении какая-то Эрида. Поди, разбери, за что? Сколько их изгнали из благородного общества? Раз в полтысячи лет заглянут к нам, и опять туда, на окраину, – и Плутоний вздохнул, покрывшись бледной зеленью. – Если правду сказать? – продолжил он откровенничать – То! Она, Эрида, чем-то насолила Венере. А та наговорила всякой пакости Хозяину. Тот, понятно, не разобравшись, задулил её с глаз долой.

– Там, говорят, и ещё болтается кто-то. Точно не знаю, да и кому они нуж-

ны? – и обратился к партнёру по общежитию, – я прав?

– Так, так! Истина в твоих устах! – скороговоркой проговорил тот и продолжил, – я думаю, когда нужно будет Хозяину, в политической игре, например, вспомнит о них, – и чётко, с расстановкой продолжил, – нужда припрёт, то вспомнит. А нет? То на нет и суда нет, – и, закатив белесые глаза под лоб, закашлялся скрипучим смехом.

Придя в себя, посмотрел на старшего. Лицо у того ничего не выражало, и он шёпотом продолжил:

– Ты думаешь откуда взялся Пояс Астероидов? – и уже одними губами пролепетал, – Бы-ла там пла-нета... – с попойки речь его была не связна.

Андре прижался к стеклу кокона и вслушивался в запретную тайну.

– Её имя надлежит забыть по строжайшему Указу Хозяина, – Смерть и Распыление ждёт! Решила она, как говорят, перестроить Систему. Ну, помочь искренне. Владыке не понравилось. Враз ожёг и расколол на миллионы мелких обломков. Разогнал по кругу, отделяя Приближённых от Отдалённых. Эти глыбы – Псы – и есть самое страшное. Как что не так, давай посылать бомбить почём зря, – и сглотнул с похмелья. – Даже ту недотёпу, что Землёй назвали, не раз наказывал, всё живое сметал. Наверняка дело рук Венеры – стареющей склочницы.

– Она, она! – подтвердил, очнувшись, Плутон. Из-за неё нас с другом на окраину сослали – и уже в сердцах выпалил, – пью я! Грешен! Но зато чист в душе и в безопасности. Пусть там ссорятся, мирятся, а мы тихонечко переждём. Я прав? – опять спросил своего собутыльника Плутон.

– Так точно! – отчеканил комок непонятной формы из камней и зелёного льда, пропитанного алкоголем.

Андре заслушался тайными откровениями. Ему захотелось отплыть на окраину Солнечной Системы. Познать таинство. И кто такая Эрида? Он был заинтригован.

А как на это отреагирует Хозяин? – и уже Андре призадумался. Неужели и здесь кипят страсти? А в остальной Вселенной? Может, сама Вселенная и есть Наше Вечное Пристанище? – и ещё раз оглядел невообразимые пространства.

И здесь, куда глядел Андре, неожиданно появилась еле заметная точка. То вспыхнув, то погаснув, приблизилась к нему. Протёр глаза от неожиданности и ещё раз посмотрел. Точно. Или его кокон ушёл на окраину Системы, или она летит навстречу? Оглянулся. Нет! Плутон на месте. Обернулся. Может, это Эрида? Но она так далека и ходит по вытянутому кругу.

А белая звезда тем временем увеличивалась в размере и, наконец, распустив прозрачный хвост, ворвалась в Солнечную Систему. КОМЕТА! Скиталица!

– Где блуждала одинокая красавица? – неожиданно для себя воскликнул Андре. – Встречала ли кого на своём пути? – хотел спросить он.

И вот она уже рядом, с блестящим переливающимся шлейфом врывается в Систему Хозяина. Планеты притихли. Такого нахальства никто не ожидал, а она всё более разгоралась, распуская павлиний хвост, и этим торжественно обо-

значила – я вернулась!

Раздавая приветствия, улыбки всем сразу, нахальная красавица описывала большую дугу, не желая сгореть в объятиях Хозяина. Вынужденно пересекая орбиты планет, нарушая давно Установленный Порядок, она озадачила и поразила того. Последнее время Хозяин заскучал. Надоели склоки приближённых и, по правде говоря, залюбовался ей! Остальные поджали губы.

Кто совсем отвернулся, проплывая своей предназначенной дорожкой. Кто искоса поглядывал, не зная, как вести себя. И, наконец, прозвучало первое «приветствие»:

– И как она может нарушать наш Установленный Порядок? – с негодованием воскликнула Венера. – Ведь это противоречит Закону, – и повернулась к Повелителю.

Тот молчал. Не всегда красота встречается аплодисментами. Бывает и жестоким отпором зависти и неприязни.

– Смотри, и здесь так же, – придя в себя, вымолвил Андре. Ведь и его светловолосую избранницу когда-то приняли так же и разлучили с ним.

Грустно посмотрел он во след Белой Комете. А зеленоглазая красавица, подсвеченная оранжевыми лучами Хозяина, продолжала торжественный полёт. И здесь у него ёкнуло в сердце – что-то знакомое было в ней. Ещё в юности он знал её – черты лица и фигура напоминали, но за долгую жизнь они стёрлись. Остался лишь общий образ.

– Нет! Все-таки, это она! – утвердительно кивнул Андре. – Первая любовь!

Дыхание остановилось, и в висках застучало. Пальцы вцепились в подоконник и побелели, как холодная пластмасса. Неужели память вернула её в реальный образ?

А Комета тем временем разгоралась, и Андре показалось, она обратилась к нему:

– Я вернулась! Вы меня забыли?

Чуть расправив шторы, выглянула Венера, показала напудренное лицо и укоризненно посмотрела на Марса.

– Какая невежда, – и, сузив глаза, добавила. – Я права?

Марс, как истинный воин и её поклонник, ждал только приказа. И выпалил:

– Непременно наказать! Под стражу!

Распалвшись в возмущении, наверняка лопнул бы, но его сдержали латы. Он стал бордовым и даже побелел на лысине. Не говорил, а кричал, подражая голосу начальника. И вот набрав воздуха с избытком, смог только выплеснуть тонкой струйкой:

– С...ща...с! Поймать и ...заковать...с!

После этого покрылся трещинами от натуги и при этом пытался уловить взгляд Стареющей красотки. Он добился!

Венера то Марсу подарит многозначительный знак, то на Хозяина взгляд

кинет, а тому и дела нет. Он всё любовался залетевшей незнакомкой.

Земля, радуясь маленькой ледяной Красавице, её шлейфу невесты, хотела заступиться.

– А я думаю...

– И думать здесь нечего, – рявкнул Уран-неудачник и так посмотрел на неё, что она, Земля, засмушалась, не зная, что и ответить на грубость.

– Бесстыжая! – попытался поддержать Сатурн, чёрный завистник. – Лезет на показ, чуть не голая. Тем более, поперёк. Разве воспитанные в нашем Законе поступают так? – и, кажется, от усердия совсем превратился в точку зла и зависти.

Он, как истинный поклонник порядка, повернулся к Хозяину, выставя свои удивительные кольца.

– Верно! Точно подмечено! – залепетал услужливый коротышка Меркурий. – Я всегда говорил, что Сатурн все Законы знает наизусть, хотя третий... – и запнулся, не досказав своей мысли. Струхнул и, побелев, тут же потерял свой серо-коричневый цвет.

Он, Меркурий, находился всех ближе к Хозяину. Если Сатурн, любимчик с низким голосом, пожалуется, то не миновать жаркой оплеухи. Это даже представить страшно. И засеменял по орбите.

Сатурн был оскорблён на глазах Уважаемой дамы и не знал, как поступить. А оскорбитель спрятался за оранжево-красной короной Хозяина. Где его не достать.

После выступления Меркурия Венера засияла. Она всегда готова напако-стить и, тем более, чужими руками. Укрывшись белой вуалью, самовлюблённая королева буйствовала в кислотных парах. Представляя, как этот Карлик, так его называл Хозяин, важничает и пытается раздуть свой маленький животик. И он ещё предлагал руку и сердце? Какая гадость! И как струхнул после неудачной похвалы! Но подковырнул классно! Пусть знают своё место.

Эта ссора так понравилась Урану, и он закрутил гигантские кольца. Загу-дел! Раздувая чёрную, газовую натуру. От радости ускорил бег своим вассалам.

– Так его, так его! – злорадствуя за четвёртое место в иерархии.

Но Хозяину эта возникшая перепалка не понравилась. Пыхнул жаром, пресекая всякие возражения. Сверкнул короной и отвернулся.

Комета, не зная, как реагировать, продолжала свой танец. Там, в бескрай-ных просторах ей радовались. Правда, эти встречи были редки. А здесь? И так захотелось вернуться. Единственный, кто любовался её белоснежным шлейфом с искрящимися мелкими звёздочками на концах, – это маленькая голубая планета со своей подругой. Пыталась заступиться, но на неё разом надели. Обвинили во всех грехах, и она притихла, продолжая украдкой любоваться Красавицей.

Красно-оранжевый толстяк, (видать, он здесь повелитель, – подумала Комета), – вальяжно развалился, продолжал пристально созерцать, притягивая к себе. Да вон тот господин, в сандаловой накидке, загадочно молчит. Что-то неприятное наплывало на неё, и она решила покинуть этот «рай».

Сделав ещё несколько поворотов и, как показалось Андре, прикоснулась тонкими пальцами к его сердцу, оставив холодок. Она, ещё раз сверкнув зелёными глазами, ушла за орбиту Плутона.

– Там миллиарды горящих душ! – пропело в душе Андре.
И как легко потеряться во времени прожитых лет.

Андре приложил пылающий лоб к стеклу. Стало легче. Луна с высоты обливала лимонным светом верхушки деревьев. Где-то по асфальту прошуршали колёса запоздавшей легковушки, и всё смолкло. Постояв ещё немного, он повернулся и шаркая одним шлёпанцем, прошёл в комнату. Подойдя к кровати, сел. Тихое посапывание нарушило тишину. Правая рука легла на спящую жену, и он подумал: «Вот ОНА и есть самое главное!» Остальное?

И в этот миг чьи-то тонкие пальцы как будто коснулись его, оставив на груди лёгкий холодок.

*с. Богородецкое
2 июля 2017*

«Дерзаю воспевати...»

Биографический очерк

То, что физика и лирика вполне совместимы, можно проследить на примере жизни и творчества Лидии Перцевой, члена Союза писателей России, автора нескольких поэтических сборников. Лидия Александровна родилась в 1942 году в городе Йошкар-Ола, куда в начале Великой Отечественной войны были эвакуированы её родители. Окончив Воронежский государственный университет, получив специальность физика-оптика и спектроскописта, работала в Ленинградском оптико-механическом объединении. В 1978 году Лидия Перцева переехала с семьёй в Тамбов. Работала заместителем председателя областного отраслевого правления Союза научных инженерных обществ. Избиралась депутатом Тамбовской городской думы.

Проба поэтического пера пришлось на школьный период, когда многие пытаются выразить свои чувства в стихах. Большинство с возрастом оставляют это занятие, либо не получив вовремя поддержки от профессионалов, либо поняв, что литературного дара у него нет. Лидия Александровна продолжала писать стихи и, узнав, что в Тамбове под руководством поэта Семёна Семёновича Милосердова работает литературно-творческое объединение «Радуга», стала активно в нём заниматься. Вначале (с 1986 года) стихи Лидии Перцевой печатались в местных газетах, в коллективных сборниках. Потом стали выходить отдельные книги. Первая – «И горечь, и истома» – вышла в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве в 1992 году. Любители поэзии оценили её по достоинству: Лидию Александровну стали часто приглашать на встречи с читателями в школьные, студенческие и рабочие аудитории. В 1995 году в Тамбове был издан сборник «Таинство», в 1997-м – «Семиречение», в 2002-м – «Не отрекайтесь от креста», в 2006-м – «Дерзаю воспевати». 2007 год ознаменовался для Лидии Александровны выходом в Тамбове книги избранных стихотворений и аудиокниги «Очи в небо», записанной в Оптиной пустыни.

Уже с первых книг было видно, что творчество Лидии Перцевой отличает духовное начало, стремление автора приобщить читателей к осознанию Божественной сути, призвать к покаянию:

Стонет в покаянии Россия,
Слёзы её – рваные дожди.
Ветры разоренья нас скосили.
Господи, дорогу покажи!
Утверди – всего чтоб было в меру,
Научи в Надежде воскресать,
В сердце посели Любовь и Веру,
Чтоб душе Голгофою не стать.

Несколько стихотворений Лидии Перцевой, в том числе «Напитала Богородица», «Оптинская рябина», «Ради Господа сгорай», вошли в выпущенную в Москве в 2011 году антологию «Молитвы русских поэтов. XX – XXI». Поездки по святым местам, которые часто посещает Лидия Александровна, дают ей новые темы для духовных стихов. Они есть в каждом её сборнике, что придаёт публикациям более глубокое содержание:

Богоматерь с маленьким Христом
И смиренье из бездонных глаз
За лампадным Божьим камельком
К покаянью приглашают нас.
Красный угол с белым рушником,
Позолоты полустёртый след...
Никогда не рухнет отчий дом,
Пока льётся этот дивный свет.

Немало у Лидии Перцевой и так называемых «светских» стихов на разные темы - о значительных личностях, связанных с нашим краем, о Тамбове, который давно стал ей родным городом. Большое место в творчестве поэтессы занимают стихи о Великой Отечественной войне, о России, о любви. В них – богатая гамма чувств: гордость за великую страну, боль за неё, претерпевшую и продолжающую терпеть унижение и разорение, радость от общения с природой, с её первозданной красотой, с возможностью выходить в поле «на рассветы и закаты». Стихи Лидии Перцевой военной тематики вошли в духтомник «Солдаты в бессмертье идут...».

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Лидия ПЕРЦЕВА

Аромат жасмина

Стихи

Давай помолчим

Давай помолчим немного
О чём-нибудь о своём.
И ты не вспугни, ради Бога,
Молчанья, пришедшего в дом.

Давай помолчим о звёздах,
О бисере капель дождя.
И, если ещё не поздно,
Что можно, чего нельзя...

Давай помолчим о ласке -
Неведом ей долгий путь.
Послушаем молча сказки
О нас и о ком-нибудь...

Давай помолчим о цвете,
О нежности зорь по утрам -
И больше всего на свете
Молчанье полюбится нам.

Аромат жасмина

За скрипучей калиткой
Жив заброшенный сад.
Я с печальной улыбкой
Побродить был бы рад.

Наезжал я, бывало,
И в усадьбу, и в сад.
Чувств растратил немало,
Всё ловил её взгляд.

В том саду куст жасмина
Источал аромат!
Всполох белого дыма
Привораживал взгляд.

Она пахла жасмином,
Проходя мимо нас.
Я стоял у камина,
Не сводя с неё глаз.

Но другой был успешен,
Он увёз её прочь.
Много лет неутешен
Ждал её день и ночь.

При цветеньи жасмина
Уходить я спешил.
Нашей дружбой старинной
Очень я дорожил.

Лепестки жемчугами,
Облетая с куста,
Тихо шепчут стихами:
«Без неё жизнь пуста!»

* * *

За жизнью в жизнь иду незрячей.
Болезней немощь гнёт дугой.
Бреду я допотопной клячей,
И мне не быть уже другой.

Что ждёт меня, не знаю, право:
Сад над Божественной рекой?
Иль с головой кипящей лавой
Затопит Вечность мой покой?..

И всё ж иду с надеждой, верой...
Бог пощадит свою овцу.

Воздай мне, Боже, полумерой
За грех, приведший нас к концу.

Тебе вручаю свою волю!
Ты правь отныне ею Сам!
Мне подари такую долю,
Где будет место чудесам.

Нежность

Сколько нежности пролито, пролито
Для тебя в этот век непростой!
Я осталась, как тайна, не понята,
Обмерла в половодье душой.

А когда-то, пьянея от нежности,
Я цветы собирала в букет
И хранила до нынешней снежности
Твой в морозных разводах портрет.

Сколько нежности мысленно пролито
Для тебя этой долгой весной,
Но осталась, до капли не тронута,
Эта нежность во мне и со мной.

Прощальное

Я отойду тихонько от тебя,
Под образами преклоню колена,
Просить святых, мучительно моля,
Стереть из памяти всё то, что тленно.

Я не могу гореть в твоих силках,
Лоб разбивать о каменную стену
И засыпать с прощеньем на устах,
Тебя теряя снова, неизменно...

Пускай уйду в забвенье хладных зим,
Пока больное сердце не сгорело.
Ты станешь мне далёким и чужим,
И до меня тебе не будет дела.

А к одиночеству меня ты не ревнуй,
Да свысока не даруй мне прощенья.
Прощай, прощай... Последний поцелуй -
Печать любви на свитке искушенья.

Прерву поток ненужных слёз и слов,
Упрячу смуту чувств в души котомку.
Благословляю щедро на любовь
К не найденной тобою незнакомке.

* * *

Ты летишь по Невскому - музыка в ушах,
Напевать бы встречным всем - лёгок каждый шаг.
Ты бежишь по Невскому - на губах рассвет,
Целовать, да некого, ты ли это? - Нет.
Ты плывешь по Невскому - щёки, что цветы,
Подарить, да некому, ты уже не ты...
Ты идёшь по Невскому, а в глазах мечта,
Поделиться с кем-нибудь - ты совсем не та.
Всё не то на Невском-то - подросли дома.
Побродить, да не с кем же - погрузи сама.
Ты бредешь по Невскому - в сердце горечь слёз,
Выплакаться некому. Не купить ли роз?

* * *

Я восхожу до вашей высоты,
Я нисхожу с верхушки пика «я».
Мне эдельвейса грезятся цветы
Чуть-чуть повыше просто бытия.

Я восхожу до вашего добра,
Я нисхожу от пагубы и злОб.
Пусть надо мной озонная дыра,
Но не теплеет на сердце сугроб.

Я восхожу до мужества молчать,
Я нисхожу с желанья говорить.
Мне на уста запретная печать –
Дай силы молча о любви молить.

Я восхожу до разума прозреть,
Я нисхожу с иллюзии слепца.

Удел высокий – близких словом греть,
Согреться б самому – удел юнца.

Я восхожу до чистоты любви,
Я нисхожу с понятий «гнев» и «месть»,
И очи - в Небо. Господи, яви
Мне истинные чувства, а не лесть.

Я восхожу до воспаренья «ты»,
Я нисхожу от жизни не любя.
И постигаю: дети - вот цветы,
Для них я отрекаюсь от себя.

Я восхожу до чистоты и чести,
Я нисхожу от подлости и лжи.
И счастлива: в душе Отчизна есть,
Понятия «Москва», «Тамбов», «Кизи»...

Я восхожу до русской глубины,
Я нисхожу - космополитный рай!
Бегу чумных пороков сатаны,
Когда глаголет Вечность – выбирай!

* * *

Я снова взгляд ловлю:
Когда пересечётся?
Не говори «люблю»,
Но странно сердце бьётся.

Взметнутся сотни волн,
И осечётся голос,
И рваный, острый скол
Подрубит речь, как колос.

И в немоте грешна,
В виски стучит смущение.
Растерянно-смешна
До самоотреченья...

Но окупётся взгляд
В разрез твоей улыбки,
И в сотый раз подряд
Я делаю ошибки.

**Елена
ЗАЙЦЕВА**

Катись, катись, горошина

Стихи

Молитва

Мои молитвы – не по чину,
Но, Боже, Ты услышишь их:
Благослови на бой мужчину,
Что защищает дорогих.
Храни, о Боже, тех немногих,
Кто не сломился ни на миг,
Кто пролагал в огне дороги
И для себя, и для других.
Им всё труднее год от года...
О Боже, тех благослови,
В ком, вопреки любым невздам,
Горит живой огонь любви.

Горошина

*Основано на реальных событиях,
произошедших во время блокады Ленинграда.
По воспоминаниям Розы Павловны Хайруллиной*

Катись, катись, горошина!
Дорога запорошена.
И я войной заброшена
В ревущий грузовик.
Дорога Жизни горькая,

Вода под льдистой коркою.
Платочек мама комкает,
Сдержанье пытаюсь крик.

Горошина откуда здесь?
На грязный пол хочу я слезть.
А мир от страха сжался весь
В горошину одну.
Гляжу, не отрываясь, я –
Горошина катается...
...Полуторка взрывается,
Идёт под лёд, ко дну.

Катись, катись, горошина.
Катись, моя хорошая!
Должно быть, заморожена,
Машина рвёт на юг.
Пусть с неба льются смерть и жуть,
Машина продолжает путь...
...Я в грязном кулачке держу
Горошину свою.

* * *

Беда – как зеркало судьбы,
Блеснёт холодной ртутной жутью.
Огромен мир, казалось бы,
Но ты – один на перепутье.

Чужого горя властный лик...
В него ты можешь не глядеться.
Короткий миг и чей-то крик,
И никуда уже не деться.

Хоть та беда другим дана,
Ты, чью-то боль себе присвоив,
Не побоишься, что она
Тебя отметит сединою.

Понять, помочь – так важно смочь,
Не проходя небрежно мимо.
Непоправима только смерть,
Всё остальное – поправимо.

* * *

– Скажи мне, друг, да не юли,
Мне нынче ложь – кинжалом в спину.
Скажи мне, друг, возможно ли
Поэтом быть наполовину?

– Нет, в этой жизни не добыть
Нам Золотую Середину!
Так, может быть, нельзя любить
И быть живым – наполовину.

– Скажи, мой друг, что делать мне
Средь невезений и сомнений,
Когда поэты не в цене,
И вот он – я, а где там – гений?..

– Пой! Голос твой среди других
Звучит пусть громче или тише,
Но за тебя стихов твоих
Никто – уж точно – не напишет.

* * *

Земной любви всё неподъёмней дар.
Трудней тропа, что вьётся прихотливо
Наверх, по краю горного обрыва.
Душевной боли всё сильней пожар.

Терпимость к ближним – был бы в этом толк!
Живём, без сожаленья и без фальши,
Желая быть от ближнего – подальше,
Поскольку ближний – волку лютый волк.

И сами мы от света далеки,
И те, кто рядом – грубы и ершисты.
Пускают добрых, белых и пушистых
На шубы, шапки и воротники.

– О, Господи, направь и помоги!
Дай силы, чтоб во тьме с пути не сбиться,
Чтоб разглядеть сквозь злые маски – лица,
Чтоб различить, где друзья, где враги.

Чтоб, не страшась того, что впереди,
Не выронить Твой дар из рук усталых,
Чтоб донести, хоть сил осталось мало...
– Благословляю. Встань. Иди.

* * *

Ты моя отрада, ты моя печаль.
В искрах звездопада засинеет даль.
Над уснувшим садом падает звезда,
Гаснет где-то рядом в зеркале пруда.

Под небесной сенью чуть дрожит вода.
Мне с тобой – спасенье, без тебя – беда.
Подставляют ветви небу тополя.
Здесь легко ли, нет ли – здесь моя земля.

Петь и плакать вместе, тосковать струне –
Чем нежнее песня, тем душе больней.
Ты моя дорога, ты – конец пути.
 Попрошу у Бога силы, чтоб дойти.

Серебром мерцает звёздная стезя.
Без тебя, я знаю, мне прожить нельзя –
Ничего не надо, ничего не жаль.
Ты – моя отрада, ты – моя печаль.

* * *

Ты помогал когда-то другу,
Найдя и силы, и слова.
Ты протянул когда-то руку
Едва знакомому: «Вставай!»

Хоть никому не нужен, вроде,
Когда ты сам в беду попал,
Круговорот добра в природе
Ещё никто не отменял.

Когда дойдёшь уже до точки,
Дойдёшь до каменной стены,
Придёт и помощь по цепочке –
Совсем с неожиданной стороны.

* * *

Последний январский день.
Подтаявший грязный снег.
И солнышку глянуть лень
Из облачных серых век.
Прохожие – нет лица,
Нет тени и света нет.
И гения, и глупца
Неровен и грязен след.
И пусто, и тяжело,
Как в путях дурного сна...
Назавтра туман, тепло,
Февраль. А за ним – весна.

* * *

Линяет рыжая лиса –
осень,
Всё реже льёт на небеса
просинь.
Дождём смывает акварель
с клёнов,
Уже не слышно птичью трель
в кронах.
Под кличи певчие успеть –
звали –
За быстрой стаей улететь
в дали.
Пока, затихнув до весны
томно,
Заснёт природа, видя сны, –
помнить,
Что будет день всего часов
восемь...
...Линяет рыжая лиса –
осень.

Портрет весны

Словно в омут, канет в лето
Бесшабашная весна.
Вот уж мая песня спета,
Хоть и радостна она.

Мне останутся на память
О красивейшей поре
И акаций белых заметь,
И сирени акварель.
На бумаге и картоне,
В красках, в линиях, в строках,
В полуслове, в полутоне,
В сочных темперных мазках.
Улыбаясь, на портрете,
Величава и стройна,
Как в объятьях, тонет в лете
Бесшабашная весна.

* * *

Вопрос извечный: откуда тени,
Откуда строки, откуда рифмы?
Откуда ветер твоих сомнений,
Вразнос летящий на пик, на рифы?
Откуда голос, откуда ритмы?
Сумбур мелодий, слова чуть слышны.
Сбивая ноги о кромки рытвин,
Прими, несчастный, подмогу свыше.
Напев далёкий тревожит душу...
Пойми, упрямец: не спрятать боли.
Велели, значит – седи и слушай,
Пиши и майся в своей неволе.
Считать не смея часы, минуты,
Не видя края – что ночь, что полдень –
Лови мгновенья душевной смуты.
По воле Божьей они приходят.
Душа – что в клетке – в непрочном теле.
В мятежном сердце пожар, свеча ли?
Цвета и рифмы находишь те ли,
Сплавляя в песни свои печали?
И замираешь в изнеможенье,
Слепому сердцу совсем не веря...
...А рано утром стихотворенье
Навстречу миру откроет двери.

**Олег
НАЙМУШИН**

Говорили мне, жизнь обманет

Стихи

* * *

Свою тёмной пеленой
Ночь стёрла чёткость, тени, грани
И рядом улеглась со мной
Бесцеремонно на диване

И навалилась глыбой льда,
Из сна вдавливая томность,
А где-то капала вода,
Всё превращая в монотонность.

Быть может, выглядела странно:
Она и я, молчим вдвоём,
Сюжет любовного романа,
А дальше – пропасти проём.

Взлететь над пропастью, упасть ли
На холод каменного дна.
И в то же время быть во власти
Той ночи, что так холодна.

Перед рассветом, встав с дивана,
Ночь вдруг исчезла без следа,
А я всё слушал, как из крана
Печально капала вода.

Дождь

Как будто спутав крону с флагом,
Задует ветер рваным шагом,
Засыплет сотни мелких капель,
Сорвётся молния зигзагом,
Напоминая острый скальпель.

И лист – прощальным пируэтом,
Покрытый грязно-жёлтым цветом,
Спешащий вниз с промокшей ветки,
Застынет жалким силуэтом
Под стон дождя из мелкой сетки.

И нескончаемым потоком
С простывших крыш, по водостокам,
Своими тонкими руками
Вплетаясь в отраженье окон,
Уткнётся дождь в бордюрный камень.

Одиночество

Всё мчится куда-то из слов колесница,
Какой-то пророк предсказал быть поэтом.
Но сбудутся ли предсказанья провидца?
И лишь одиночество знает об этом.

Моё одиночество – рифмы и строчки,
Падение звёзд на холодную крышу,
И я в одиночестве, как в одиночке,
Меня не зовите, я вас не услышу.

Моё одиночество – чёрным на белом,
Бессонные ночи порой до рассвета.
Слова на бумаге становятся целым,
Спросите, зачем? Я не знаю ответа.

И, видно, сбывается чьё-то пророчество,
Как будто так мало и много всего.
Оставьте в покое моё одиночество,
Не оставляйте меня одного.

* * *

Мне мир уже не интересен,
Так, лишь название пустое.
Из чёрных дней и грустных песен,
Он ничего уже не стоит.
Как дом, который гложет плесень
На протяжении многих лет,
Где для друзей нет мягких кресел,
Да и друзей давно уж нет.

И очевидного не прячет
Мир – череда кошмарных снов.
И только преданность собачья
В больших глазах бездомных псов.
Плетётся как больная кляча,
Бредёт походкою слепца,
Кто доведён уже до плача,
Безумцу лишь – смех без конца.

Сползает, рушится земля,
Всё растворяясь в пустяках.
И кто спешил в учителя,
Уже застрял в учениках.
И в кучах грязного белья
Мы что-то ищем, примеряем.
Как жаль, что правлю им не я,
Как жаль, что мир неуправляем.

Как скорлупа, тот мир непрочен,
И доживёт ли он до завтра?
И кто хоть чем-то озабочен,
Глогает сизый дым на завтрак.
Мир просто катится с обочин,
Всё рассыпаясь на мирки.
Давно уже расчёт окончен
На номера и номерки.

И оборот за оборотом,
Себя на мелочи деля,
Слезами брызжет, кровью, потом.
Стремится мир достичь нуля.
Скользнёт мгновеньем по высотам,

Как по накатанному льду.
Остановите мир хоть кто-то!
Мне неприятно. Я сойду.

Мы с Вами познакомимся в гостях

Разделены, как карта областями,
Мы с Вами в параллельных плоскостях.
В разгар застолья, стукнувшись локтями,
Мы с Вами познакомимся в гостях.

В гостях, где обращение на «Вы»,
Где горы яства и напитков реки,
Где с каждым вашим поворотом головы
Меня с ума сведут полуопущенные веки.

Где по накатанной течёт застольный шум
С угла на угол, вдоль и поперёк,
Во фразах, что приходят нам на ум,
Мы ищем хоть какой-нибудь намёк.

Намёк на то, что нам не устоять
Перед соблазном быть друг другу ближе,
И мы уверены: не каждому понять,
Какая сила тем соблазном движет.

Ни в сплетнях нам не быть, ни в новостях.
Безумство нас опутает сетями.
Мы с Вами познакомимся в гостях,
В разгар застолья, стукнувшись локтями.

Поэма

Стихи. Всё это баловство.
Банальной рифмы воровство.
В них не раскрыть глобальной темы,
Вот если бы писать поэмы.
Поэмы вряд ли пишут днём,
Ночь лезет в окна фонарём
От старой лампы бледный свет.
Открыта пачка сигарет.

Уже начало новых суток.
Голодным должен быть поэт,
Поэтому пустой желудок,
Но не идёт поэма. Нет.

Всё жду прихода вдохновенья,
Как ждут прекрасного мгновенья
И в своих мыслях роюсь снова,
Ни предложения. Ни слова.
Застывший кофе в медной турке.
Горой потухшие окурки.
Есть сожаление об этом,
Что я не стал большим поэтом.
Навстречу солнцу и морозу
Уже повеяло рассветом.
Я завтра перейду на прозу,
А напишу поэму летом.

Комната

Диагональю из углов,
Босыми шаркая ногами,
Под скрип разохшихся полов
Я мерю комнату шагами.

И вечен холод стен бетонных,
В окно бьёт дождь из чёрных туч,
Ещё ни разу рам оконных
Здесь не коснулся солнца луч.
И вместо признанных героев,
Моих кумиров и богов,
Глядят с обшарпанных обоев
Портреты всех моих врагов.

Говорили мне, жизнь обманет

Говорили мне, жизнь обманет,
Что ещё не пришла пора.
Я нащупал что-то в кармане,
Оказалось, просто дыра.

Я, признаться, по жизни скромный,
У кого бы спросить, почему.
А карман мой такой огромный,
И дыра в нём подстать ему.

Как тычинка, пыльца и пестик,
Как атака, солдат и «Ура»,
Так теперь мы повсюду вместе,
Я, карман мой и в нём дыра.

Поверхность луж

Поверхность луж рябит кругами,
С ветвей прозрачными серьгами
Свисают капли естества,
Я измеряю грусть шагами
И рваной шалью под ногами
Молчит погасшая листва.

Я сам молчу. Не до укора.
Дождь, как расправленная штора,
Осенний плащ и старый зонт.
Просохнет, только вот, не скоро,
Висящий в серости простора,
Насквозь промокший горизонт.

Все сырость впитывают дали,
Смывая мелкие детали
И влажный воздух слишком плотен
Я был здесь? Вряд ли и едва ли
В осенне-выставочном зале
Среди развешанных полотен.

За грибами

Утро. Солнце. День осенний.
На вокзале. Воскресенье.
Покатились. Вдоль перрона.
От асфальта. От бетона.
Мост. Река. Посёлок дачный.
Грязный тамбур. Дым табачный.

Поле. Луг. Дома. Деревня.
Пожелтевшие деревья.
То пригорки. То низины.
И плетёные корзины.
Муть окна. Осенний штрих.
Тут же. Кто-то на троих.
Влагу. Жадными губами.
День осенний. За грибами.

Тамара КОВАЛЬЧУК

Наследие

Рассказ

Автобус весело бежал по ровной асфальтированной дороге, время от времени сигналив, оповещая незадачливых пешеходов о своём присутствии. Яркое весеннее солнце заглядывало в окна и рассеивалось зайчиками по обшивке салона. Василий, сидевший на первом сидении, щурил глаза, прикрывал их ладонью, так как рассмотреть что-либо в этих бликах было невозможно. Ему так хотелось увидеть поле, лес, реку, которые он оставил на долгие годы своего скитания. А прошло с того страшного дня уже тридцать четыре года. Как сейчас, перед глазами предстали жена Евдокия и доченьки Меланья да Катюша...

Они проснулись очень рано, собираясь поехать в Гомель. Выйдя на улицу, маленькая Меланья захлопала в ладошки и закричала: «Папка, папулецка, класата на небе». Обернувшись, Василий увидел далеко за лесом, в сторону города Припять, огромных размеров зарево. «Это не красота, деточка. Наверное, лес горит», – сказал он с сомнением: уж слишком высоким было пламя. «Ладно, дети, пора ехать. Дорога ведь не близкая», – помогая девочкам сесть в машину, проговорила Евдокия. Весь свой путь они смеялись, пели песни, шутили. К девяти часам утра были на месте. Город встретил их ласково. Пройдя медосмотр в областной больнице, отправились на набережную реки Сож, а потом в имение графа Ивана Паскевича. Малышки визжали от восторга, кормили с рук свободно гуляющих белочек, угощали хлебом птичек.

День закончился очень быстро. В гостиницу они пришли, когда солнце спряталось за горизонтом. Довольные и уставшие, приняли душ и улеглись на своих кроватях. Дети совсем скоро засопели. А Василий с Евдокией долго ещё обсуждали удачную поездку, радостные возгласы девочек и зарево, увиденное ими утром за лесом. «Как бы беды не случилось, Васенька», – прижавшись к мужу, шептала женщина. «Спи, родная. Всё будет хорошо», – приласкав жену, ответил Василий.

Утром, проснувшись, счастливая семья отправилась после завтрака в санаторий «Чёнки», расположенный недалеко от города. Василию хотелось показать детям сосновый лес и берег реки с замысловатым пляжем. Как и субботний

день, воскресный закончился очень быстро. И в четыре часа дня путешественники, отдохнувшие, набравшиеся сил и вдохновения, попрощались с нарядным и статным городом, и отправилась в обратный путь.

Вернувшись домой, Василий расспросил соседей о пожаре, но никто ничего не видел. Он проехал к озеру, заглянул за Карповские горы, прошёлся по лугу. Всё было в порядке, но непонятная тревога, комок засевшая внутри, не выходила и не давала дышать. Он наклонился над бьющим из-под земли родником. Фонтанчик воды то пускал пузыри, то подскакивал высоко в воздух. Его игра завлекала, затягивала в магию, рождённую природой, успокаивала. Как же любил Василий такие минуты! Как радовался он этой земле, на которой жили его отец, его деда и прадеды! И всё это он мечтал передать своим детям и своим внукам.

Перейдя через брод, Василий вернулся домой. И жизнь потекла своим чередом. Только каждую ночь во снах видел он своих детей, плачущими за рекой. Они кричали, махали руками, прося о помощи. Но сколько бы ни искал Василий лодку, чтобы переплыть реку, её нигде не было.

А пятого мая к их дому подъехала большая грузовая машина с солдатами. Растерянная Евдокия выбежала из дома и, увидев людей в военной форме, запричитала в голос от дурного предчувствия. Военнослужащие успокаивали её, но расстроенная женщина не могла прийти в себя. К ней подошёл Василий и, обняв, тихо проговорил: «Евдокиюшка, на тебя дети смотрят. Успокойся и собери вещи. Мы должны уехать. Беда пришла в наш край: взорвалась атомная станция в Чернобыле. Здесь много радиации, это очень опасно». Евдокия сразу присмирела, вытерла лицо руками и вошла в дом. Она быстро собрала пожитки, но солдат, вошедший вслед за ней, сказал, что ничего брать нельзя – только документы. Убитая горем женщина заголосила, но теперь на её плач никто не обращал внимания. Взяв Евдокию под руки, Василий отвёл жену к машине. Дети, глядя на маму, тоже расплакались.

С той самой минуты потекла жизнь по другому руслу – тяжёлому, ужасающему и коварному. Через пять лет заболела Катюша, а через полгода слегла и Меланьюшка. Диагноз звучал, как приговор – лейкемия. Врачи долго боролись за них, но, спустя три года, девочек не стало. Радиационное облучение первых дней после трагедии на Чернобыльской атомной станции сделало своё дело. После похорон Евдокия замкнулась и до последних своих дней не проронила ни одного слова...

– Помогите, Господи, выдержать мгновения встречи. Помогите, Господи, не разрыдаться, не упасть, – наклонившись, бормотал тихонечко, сидя в автобусе, уставший от перипетий жизни, пожилой мужчина.

– Что ворчишь, старик? – обратился к нему юноша с разукрашенным татуировками лицом.

– По-старчески и ворчу, сынок. Для меня эта дорога слишком длинная и утомительная, – ответил Василий, не поднимая головы.

– А на кой ляд тогда тебе эта поездка, если всё так плохо? – не отставал молодой человек.

– Да я и сам точно не знаю. Много лет запрещал себе даже думать об этом, а тут, как будто кто шило в мягкое место всадил. Вот я и не усидел дома. Тянет меня эта земля, ночами снится и всё зовёт к себе. Наверное, время моё на исходе.

– Не переживай, дед, всё будет хорошо. Как только увидишь нашу удивительную природу, наши места, так и уезжать обратно не захочешь.

– Ваши места? А чей же ты будешь, такой шустрый?

– Родителей своих. А что?

– А кто твои родители? Как их зовут?

– Отец мой Иван Петрович Калита, а мама – Татьяна Михайловна. Ты их знаешь?

– Отца знаю. Помню его подростком.

– Так ты здесь жил раньше, дедуль?

– Жил. И с дедом твоим Петром дружбу водил. Только беда разбросала нас по Земле-матушке.

Василий, погрузившись опять в воспоминания, замолчал. Перед глазами пробежало босоное детство, сладостная юность, вся в заботах зрелость, и тот роковой для всех день – двадцать шестое апреля, унёсший навсегда счастье и дорогих сердцу людей. По щетинистой щеке, испещрённой глубокими морщинами, побежала непрошенная слеза.

– Эй, дед, ты чего? Может, автобус остановить? – долетели до мужчины слова собеседника.

– Нет-нет, не надо, Иваныч. Всё нормально. У стариков слёзы – частые гости. Не обращай внимания, – опомнившись, ответил Василий.

– Да какой я тебе Иваныч? Алёшкой меня зовут.

– Спасибо тебе, Алёшка. Хороший ты человек. Только вот зачем лицо своё испоганил этой чертовщиной?

– С дуру и испоганил. Хотел отцу досадить, да не получилось. А зараза на мне осталась.

– Родителей уважать надо, Алёшка. Они тебе жизнь дали.

– Я уже это понял, да поздно: умер батя. А я вот уехал сюда, на его родину. Сейчас дедушкин дом восстанавливаю. Если захочешь, старик, приходи. Буду рад.

В это время скрипнули тормоза, и автобус остановился. Люди стали покидать свои места. Вместе с ними вышел и Василий, подталкиваемый неугомонным Алёшкой.

– Ну, бывай, дед. Моё слово в силе. Жду тебя, – протягивая руку, сказал парень.

– Бывай, сынок. Даст Бог, встретимся. А пока я поспешу к своему дому.

Распрощавшись с парнем, Василий направился в сторону знакомой до боли улицы. Он сразу отметил, что деревня сильно изменилась: из когда-то стоявших трёхсот домов виднелись всего пять, шесть. Пустота, царившая в деревне,

навеяла тоску и придавила грудь. От боли пожилой человек остановился, достал из сумки бутылочку с водой и, сделав пару глотков, положил обратно. Дышать стало легче. Набрав в лёгкие воздуха, шумно выдохнул и закрыл глаза.

– Боже, если ты есть, сделай так, чтобы мой дом был цел. Сделай так, чтобы мой сад встретил меня пышным цветением, как когда-то, – прошептал он и, еле переставляя ноги, отправился дальше. Но чем ближе подходил Василий к своему родовому «гнездовью», тем меньше оставалось надежды на его сохранность. И когда до подворья осталось метров триста, перед растерявшимся человеком открылась ужасная картина: дальше не было ни домов, ни деревьев, ни заборов. Казалось, что здесь прошёл страшный ураган, сметая всё на своём пути. Ноги отказались слушаться Василия, руки затряслись. Растерянно он смотрел по сторонам, будто бы искал чьей-то поддержки. Но рядом никого не было. Сумка сползла с плеча и упала на дорогу. Достигнув места, где стоял когда-то дом, мужчина, крестясь, опустился на колени, растянулся на сочной траве. Из глаз брызнули слёзы. Это были слёзы горечи и слёзы радости от встречи с прошлым, с наследием, полученным от отца. Василий плакал, не стесняясь. Он целовал землю, беря её в горсть, целовал траву, примятую им.

– Господи, прости меня, грешного. Прости меня за то, что бросил свой родной уголок, за то, что не смог защитить его. Прости меня, и я останусь здесь, ибо нет ничего священнее своего края, своего дома, своей земелюшки. Я знаю, как болит её душа. Я знаю, как она плачет, теряя нас, своих неразумных детей.

Ветер трепал волосы измученного тяжёлой судьбой мужчины, а он всё плакал и плакал, не замечая ничего вокруг себя.

На следующее утро Алёшка, направляясь на озеро, обратил внимание на человека в знакомой куртке, лежащего на траве. Подойдя ближе, он узнал и деда Василия, с умиротворением смотрящего в небо. В его сжатых пальцах была земля.

Как не стать писателем

(Размышления о литературных стереотипах)

Едва ли не каждый, кому приходилось держать в руках по-настоящему хорошую книгу, задумывался о том, что и он мог бы когда-нибудь написать что-то подобное. Однако мечта о Главной Книге (выражение Ольги Берггольц) может так и остаться мечтой, если пойти путём стереотипов.

Стереотип первый: в литературе существует чёткое деление людей на читателей и писателей. Они находятся примерно на той же дистанции, что и учитель с учениками. Писатели – люди высшего сорта, у них в жилах течёт иная кровь, а вместо сердца – «уголь, пылающий огнём». Читатель же – существо маленькое, доверчивое, зависимое и к творчеству не способное. Писатель не может быть читателем, а читатель – писателем.

Парадокс состоит в том, что на самом деле дистанции между писателем и читателем нет. Это две стороны одной медали. Как реплики в диалоге, где реакцией на говорение должно быть активное слушание, читатель и писатель дополняют друг друга для того, чтобы возникал процесс творчества.

Чем больше мы читаем, тем больше авторских лабораторий для нас открыто. У кого же ещё учиться? Чтение такого рода будет уже не только любительским, но и профессиональным. Читатель становится на путь писательства тогда, когда задаётся вопросом: «А как это сделано?». Можно завести записную книжку и вносить в неё «методические рекомендации» великих писателей, особенно понравившиеся приёмы, сюжетные ходы, составить копилку лучших текстов, поиграть в стилизацию, чтобы почувствовать изюминку каждого стиля и найти свой собственный.

Точно так же плох писатель, который ничего не читает. Его манера письма не только не меняется (что не всегда плохо), но и деградирует, художественный мир замыкается в себе, скудеет, характер же самого писателя становится скептическим, предвзятым, трудно выносимым, способность к восприятию критики полностью теряется.

Стереотип второй: писателю нужны уединение, свободное время и домик у моря.

Часто творческие планы так и остаются планами лишь потому, что начинающий автор до отказа набивает свой день другими делами. «Другими» – значит, более важными. Иначе не бывает. Определимся с приоритетами. Работа, семья, домашние дела... Для любимого и по-настоящему важного дела можно пожертвовать многим (например, общением в социальных сетях, милой двухчасовой болтовнёй после чая, любимым сериалом или спортивной тренировкой). На самом деле, писателю нужен только творческий стимул: то, ради чего он будет писать. Контракт с издательством (пока, увы, не ваш случай?); несчастная любовь, от которой надо с головой уйти в работу; просьба последнего ветерана

войны, живущего в вашем доме, рассказать «как всё действительно было»... Стимулом может стать всё, что угодно, даже банальное пари. Главное, чтобы этот стимул вас достаточно мотивировал.

Но! Внимание! Стереотип третий: мотивация может быть ложной, например, романтизированное представление о «красоте» писательского труда...

Да, писательство – приятный и сладостный, но, безусловно, тяжкий труд. Прежде, чем взяться за него серьёзно, ещё раз взвесьте все «за» и «против». Текст придётся переписать не раз и не два, увлекательная работа по изложению сюжета рано или поздно завершится, начнётся бесконечная правка.

Теперь об эмоциях. Наверняка вам надо будет столкнуться с суровыми реалиями жизни и достоверно описать характеры своих персонажей. Приготовьтесь к тому, что это может быть больно и трудно, что вам придётся плакать, унижаться и скрежетать зубами вместе с вашими героями. А чтобы книга была хорошей, без банального хеппи-энда, придётся заставить кого-то из них пострадать или даже умереть. Сумеете ли вы быть холодным и тёплым, эмоциональным и рассудочным одновременно?

Стереотип четвёртый: нет ничего, о чём бы ещё не написали. Всё сказано, и гораздо лучше, чем это мог бы сделать я.

Это заблуждение мешало и мешает творить многим по-настоящему одарённым людям. Мы живем в эпоху постпостмодернизма, когда текст воспринимается как игра в другие тексты. Но! У вас всегда есть шанс играть по собственным правилам и самому устанавливать моду. Вы явились на свет во всей своей неповторимости не для того, чтобы кануть в безмолвную бездну себе подобных, не оставив ни следа на скрижалях вечности... Ну, а если серьёзно, то скрижали вечности, конечно, обошлись бы без вас, не будь у вас УНИКАЛЬНОГО, только вам данного опыта.

Подумайте, что вы знаете такого, чего не знают другие, что известно не всем. Может, у вас редкая работа? Или вы сидели в тюрьме? Или у вас пятеро детей? Или вы понимаете язык птиц? Ракурс примерно тот же, что и в фильме «Амели», когда зрителю рассказывают о необычных привычках обычных людей. У вас же было ВАШЕ детство, была ВАША первая любовь. Попробуйте рассказать об этом. Не обязательно писать трилогии, как Лев Толстой или Максим Горький, можно начать с рассказа... Откажись мы от эстетики разрозненных ощущений – не было бы ни чудесных «Вешних вод» Тургенева, ни проникновенного раннего Шмелёва, ни терпкого Бунина...

Стереотип пятый: я ещё не дорос до писателя. В жизни великих писателей случались большие потрясения, а у меня – тишь да гладь.

Да, кто знает, кем стал бы Фёдор Михайлович Достоевский, если бы не угроза смертной казни, чудом, в последний момент отменённой? И как скоро узнали бы о Лермонтове, не напиши он крамольных стихов на смерть Пушкина? С писателями всё время что-то случается, но это – едва ли причина их успеха. Скорее, это свойство творческой личности, рано или поздно проявляющее себя не только внутренне, но и внешне.

«Юноша бледный со взором горящим» – довольно старый литературный архетип. Современные писатели трудноотличимы от прочих смертных, даже скучны на вид, однако их внутренняя свобода рано или поздно как-нибудь проявляется. Если вы выбрали писательский путь, не бойтесь оказаться в одиночестве.

В русской культуре отношение к писательству всегда было особенным. Колыбелью русской литературы стали духовные традиции монастырской книжности. Правда, вторым её источником оставалось устное народное творчество, которое и придавало произведениям первых российских авторов непосредственность, яркость, самобытность, любовь к словесной игре, острому словцу. Духовные традиции обязывали ко многому. Нужно было жить, как пишешь, и писать, как живёшь. Так сложилось, что поэт в России, действительно, «больше, чем поэт». Так было всегда. Правда, сейчас за стихи не отправляют в ссылки даже просто потому, что их не читают. Наша культура перестала быть литературоцентричной. Но если вы чувствуете в себе голоса других людей, если эти голоса не дают вам покоя, приходится постоянно расти внутренне, по-новому осознавая эту ответственность.

Это, пожалуй, самая сложная писательская задача: быть честным перед собой, временем и читателем. Поставить её перед собой – уже вырасти. Да и кто знает, не суждено ли писателю расти вместе с книгами, которые он проживает, подобно Гоголю расправляясь с собственными пороками в лице придуманных персонажей, или, словно Андерсен, придумывая счастливый конец печальным историям на сюжеты собственной судьбы? Да и потом, что такое «большие потрясения»? Всё условно, всё очень индивидуально.

О проблемах творчества написаны целые тома. Но главное – это, наверное, смелость. Дерзновенная уверенность в том, что ваше слово должно быть услышано. Если её нет, едва ли стоит и начинать...

Стать ли писателем – покажет время. А вот не стать им проще простого:

- бойтесь осуждения окружающих;
- плывите по течению;
- ничего не читайте;
- не замечайте прекрасного и страшного вокруг;
- не рассказывайте детям сказок;
- не плачьте;
- не сочувствуйте;
- не ходите босиком по траве;
- не совершайте глупостей;
- займитесь ремонтом и возьмите ипотечный кредит.

Мария ЗНОБИЦЕВА,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России

Авторы

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Окончил Воронежский государственный университет, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», был её главным редактором. Автор книг прозы: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Бремя атланта», «Гражданский проспект» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А. К. Воронского. Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин Тамбовской области. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Юрий Альбертович Мещеряков – русский писатель, ветеран афганской войны. Родился в 1962 году. Закончил Омское высшее общевойсковое училище, служил в Средней Азии. За участие в боевых действиях награждён орденом «Красной Звезды», др. военными наградами. Автор романов «Панджшер навсегда», «Меморандум Платова», сборника повестей и рассказов «Время мужчин». Публиковался в журналах: «Москва», «Молодая гвардия», «Подъём», «Северное измерение», «Губернский стиль», «Памир», в Литературной газете. Обладатель Гран-при литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Победитель Международного литературного конкурса им. Плещеева. Секретарь Союза писателей России.

Сергей Константинович Кочуков – писатель, историк, краевед, родился в с. Лысье горы Тамбовской области. Учился в Москве, по образованию юрист-международник. Публиковался в журналах «Подъём», «Гостинный двор», «Пересвет», в «Тамбовском альманахе». Автор трилогии «След веков отшумевших, исторических романов «Полет белого кречета», «Без вести не пропавшие», «Я завещаю вам рассвет», «На тебя уповаю», «Моя война длиною в три атаки». Обладатель Гран-при литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Лауреат премии им. Е.А. Баратынского. Почётный гражданин Тамбовского района. Член Союза писателей России.

Михаил Васильевич Волчихин – поэт. Родился в 1958 году в д. Егоровка Знаменского р-на Тамбовской обл. Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. С 1987 года живет в г. Жердевке. Работал в редакции местной газеты, в органах местного самоуправления, в настоящее время работает в ПАО «Ростелеком» Публиковался в региональных СМИ, в журналах «Литературный Тамбов» и «Подъём» (Воронеж), в коллективных сборниках. Автор трёх поэтических книг «Ясень», «Мы возвращаемся», «Я этот мир запоминаю». Руководитель ЛитО «Парус».

Владимир Владимирович Турапин – поэт. Родился в 1959 г. Душанбе, 6 лет проживал в с. Алкужи Моршанского р-на Тамбовской обл. Обучался в Литературном институте им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников: «Душа устала», «Берегите себя для России», «В списках чёрной тетради», «Облетевший сад», «Музыка снегов», «Осколки солнечного лета». Живёт в Санкт-Петербурге.

Сергей Александрович Бережной – прозаик, публицист, краевед. Автор более десяти книг. Лауреат Российских и международных литературных премий. Участник боевых действий на постсоветском пространстве, в Сирии, на Донбассе. Секретарь Союза писателей России. Живет в Белгороде.

Елена Заславская – поэт, детский писатель, журналист. Автор восьми поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз», публикаций в интернет-изданиях. Автор книг для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика», «Собаки-забияки», «Сказки Подкроватки», «Мышка-мальшка и ее секрет», «ХармСтихиЯ» (Стихи Даниила Хармса, комментарии Е. Заславской). Песни на её стихи вошли в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021). Стихи Елены Заславской переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. Член Союза писателей ЛНР, Союзе писателей России.

Юрий Иванович Хоба - путешественник, журналист, фотохудожник, моряк. Автор шести книг. Лауреат конкурса «Золотое перо Донбасса» и литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Публиковался в журнале «Наши современники» и других. Военный корреспондент, многократно выезжал на линию боевого соприкосновения. Член Союза писателей ДНР. Живёт в г. Докучаевске.

Василий Васильевич Кравченко (18.05.1937 г. – 26.02.2013 г.) – писатель, журналист. Первый рассказ опубликован в газете «Тамбовская правда» в 1959 году. Начиная с 1970-х годов в Центрально-черноземном книжном издательстве выходили книги В. Кравченко: «Лето в Озерках» (1973), «Время долгих ночей» (1974), «Беспокойный человек» (1979), «Личное дело следователя Дудникова» (1990), «Лицедей» (1992). В 2000-х годах в Тамбове изданы: книга рассказов «Зубы дракона», роман «Графский наследник», «Сага о заблудших». В последние годы жизни Литфондом России выпущен сборник рассказов «Дым Отечества» и «Не бывать нам в Париже». Член Союза писателей СССР.

Юрий Беридзе (Гладкевич Юрий Вахтангович) – поэт, журналист. Родился в 1956 г. в Грузии. Окончил Военно-политическую академию им. Ленина по специальности «редактор». Служил на Северном флоте и в редакции газеты «Красная звезда». Капитан 1 ранга. Как журналист был в «горячих точках» в Южной Осетии и Абхазии. Автор сборника стихов «Кровоточины» и др., лауреат премии им. А.С. Грибоедова. Главный редактор газеты «Российская кооперация». Член Союза писателей России.

Александр Анатольевич Лошкарёв – поэт. Родился в 1993 году в Липецке. Окончил Липецкий государственный педагогический университет по специальности преподаватель истории и мировой художественной культуры. Автор трех сборников стихов. Публиковался в журналах «Петровский мост», «Подъем», «Бельские просторы» и др. Участник Всероссийских совещаний молодых писателей в Ульяновске, Уфе, Воронеже, Химках. Лауреат Всероссийского фестиваля - конкурса «Хрустальный родник» (2019); лауреат конкурса «Независимое искусство» (2019); финалист Международного конкурса «Мгинские мосты – 2020»; лауреат Липецкой областной премии им. Е.И. Замятина (2020); лауреат Всероссийской премии им. Андрея Дементьева (2021).

Елена Львовна Луканкина – поэтесса, прозаик, драматург, журналист. Родилась в Тамбове. Окончила факультет журналистики ТГУ имени Г. Р. Державина. Автор шести книг: сборников стихов «Маленькие жизни», «Искусство крика», «P.S.», «Дерево в огне», книги прозы «Полуангелы», романа «Когда мы стали животными». Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» им. Владимира Маяковского. Лауреат литературной премии Тамбовского области им. Е.А. Баратынского. Лауреат литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Владимир Иванович Селиверстов – прозаик, краевед, ветеран МВД, адвокат. Родился в 1945 г. в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР. Автор серии исторических романов, в т.ч., о тамбовском правителе Г.Р. Державине, о губернаторах: П.А. Нилове, Д.Р. Кошелеве, А.М. Безобразове, И.С. Миронове, фон дер Лаунице и других. Лауреат литературной премии им. Е.А. Баратынского. Организатор творческих встреч и литературных концертов «Трегуляевские среды». Член Союза писателей России

Елена Викторовна Чистякова – прозаик, баснописец, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием южно-русского говора. Автор книги повестей «Житейские истории», серии популярных книг «Сказы деда Савватая», серии книг «Современных басен», автобиографической повести «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в «Тамбовском альманахе», в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов», в сборнике очерков и рассказов издательства «Художественная литература» (г. Москва). Член Союза писателей России.

Лидия Александровна Перцева – поэтесса. Родилась в Йошкар-Оле, детство прошло в Ленинграде, окончила Воронежский государственный университет по специальности физик-оптик. Работала ст. инженером в ЛОМО. С 1978 г. проживает в Тамбове, избиралась депутатом Тамбовской городской Думы. Автор поэтических книг: «И горечь и истома», «Таинство», «Семиречение», «Не отрекайтесь от креста», «Дерзая воспевати», «В горнице моей души», «Детства утро золотое», «Печальная песня» и др. Книги издавались в Воронеже, Тамбове, Москве, в Одессе, в Минске. Много пишет на православную тематику. Член Союза писателей России.

Олег Витальевич Наймушин – поэт. Родился в 1960 г. в Тамбове. Служил в армии, освоил немало профессий, работал в России и за рубежом. Первая публикация состоялась в 2001 г. в тамбовской газете «Гала-клуб». Печатался в журнале «Александр», в региональных СМИ, в коллективных сборниках. Автор книг «Потому что там был...», «Останусь малым в бесконечном...» Член литературного объединения «Радуга».

Тамара Васильевна Ковальчук – автор 15-ти сборников стихов и рассказов на русском и белорусском языках и 2-х детских книг. Победитель Международных литературных конкурсов Литературный редактор Международного литературного альманаха «Созвездие», руководитель ЛитО «Литератор» гор. Осиповичи. Автор-составитель Международных коллективных сборников «Память храним», «Пока звонят колокола», других коллективных сборников. Член Союза писателей Беларуси. Живёт в Минске.

Содержание

ЭПИГРАФ

Юрий Беридзе. Дыши. *Стихи* 3

85 лет Тамбовской области

Валерий Аршанский. *Статья* 4

ПРОЗА

Юрий Мещеряков. Мой тейп старше. *Рассказ*..... 6

Сергей Кочуков. Свои чужие берега. *Отрывок из романа* 17

Владимир Селивёрстов. Полицмейстер Старынкевич. *Главы из романа* 149

Елена Чистякова. Аука. *Рассказ* 168

Виктор Остриков. Притяжение луной. *Новелла*..... 175

ПОЭЗИЯ

Михаил Волчихин. Градусы не по Цельсию – градусы по Христу. *Стихи* 29

Владимир Турапин. «Синевой искря, горит лампадка...» *Стихи*..... 41

Юрий Беридзе. Случаются сны неслучайно. *Поэма* 132

Александр Лошкарёв. Мне б только водой родниковой умыться... *Стихи*..... 136

Елена Зайцева. Катись, катись, горошина. *Стихи* 193

ДОНБАСС

Сергей Бережной. И пошёл брат на брата... *Размышления*..... 51

Елена Заславская. Записки Ветерана Апокалипсиса. *Стихи* 58

Юрий Хоба. Перекати-поле. *Рассказ*. 64

На дикой окраине Русского мира. *Стихи поэтов Донбасса*..... 76

ИМЕНА

Андрей Волощенко. Василий Кравченко – любимый писатель моей семьи.

Очерк 95

Василий Кравченко. Губернский предводитель. *Повесть*. 102

Василий Кравченко. Майка. *Рассказ*..... 129

ДРАМАТУРГИЯ

Елена Луканкина. Прощение вместо прощания. *Мистическая драма*. 140

ЮБИЛЕЙ

Валентина Дорожкина. «Дерзаю воспевати...» *Биографический очерк*. 186

Лидия Перцева. Аромат жасмина. *Стихи*. 188

НОВЫЕ ЛИЦА

Олег Наймушин. Говорили мне, жизнь обманет. *Стихи*.....199

СОДРУЖЕСТВО

Тамара Ковальчук. Наследие. *Рассказ* 206

АЗБУКА ПИСЬМА

Мария Знобищева. Как не стать писателем. *Размышления о литературных стереотипах*.....210

АВТОРЫ 213

ГАЛЕРЕЯ

Картины Павла Золотова 98

Тамбовский альманах № 23

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционный совет

Олег АЛЁШИН
Валерий АРШАНСКИЙ
Сергей БЕРЕЖНОЙ
Юрий БЕРИДЗЕ
Валентина ДОРОЖКИНА
Наталья ЖЕЛТОВА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Геннадий ИВАНОВ
Сергей КОЧУКОВ
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА
Вячеслав ЛЮТЫЙ
Александра НИКОЛАЕВА
Светлана ПЕШКОВА
Людмила ПРОНИНА

Корректор
М.И. ДУБРОВИНА

Вёрстка
Ксения ПОПОВА

ISBN 978-5-6047343-7-7

ISBN 978-5-6047343-7-7

Подписано в печать 24.06.2022
Формат 70x100 1/16
Бумага *mu print*. Печать цифровая
гарнитура *Minion Pro*. Печ. л. 17.39
Тираж 100 Заказ № 21
Студия печати Галины Золотовой
studiapechati@bk.ru
8 953 715 48 36